

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

ВЕДЕНЕЕВ Илья Николаевич

**КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ИРАКА И
ТУРЦИИ В 1918-1980 гг. ФАКТОРЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ**

Специальность 07.00.03 –

Всеобщая история. (Новое и новейшее время)

ДИ С С Е Р Т А Ц И Я

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат политических наук

Вертяев Кирилл Валентинович

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (КНД) ИРАКА И ТУРЦИИ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ	
1.1. Курды Ирака и Турции в начале XX в. Мосульский вопрос	20
1.2 Иракский Курдистан как очаг курдского национального движения между двумя мировыми войнами	39
1.3 КНД Турции в первой половине XX.....	64
1.4 Курды как фактор отношений между Ираком и Турцией (1926- 1945 гг.). Саадабадский пакт	79
ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ КНД ИРАКА И ТУРЦИИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.	
2.1 КНД Ирака во главе с М. Барзани, И. Ахмедом и Д. Талабани (1961-1975 гг.).....	87
2.2 КНД Турции (1960-1980 гг.).....	118
2.3 Отношения между политическими партиями КНД Ирака и Турции во второй половине XX века. Факторы взаимовлияния	142
ГЛАВА III. КУРДЫ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАКОМ И ТУРЦИЕЙ	
3.1 Внешняя политика Турции на Ближнем Востоке после Второй мировой войны. Багдадский пакт.....	159
3.2 Иракские туркоманы как фактор отношений между Ираком и Турцией (события в Киркуке 1958 г.).....	174
3.3 Курды как фактор отношений между Ираком и Турцией в третьей четверти XX в	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	197
БИБЛИОГРАФИЯ	206

ВВЕДЕНИЕ

Курды – один из крупнейших народов мира (и крупнейший на Ближнем Востоке), не имеющий собственной государственности.¹ Более того, можно сказать, что они никогда не обладали собственной государственностью. Процесс национальной консолидации курдов заметно усилился во второй половине XX в., а основной движущей силой выступили курдские национальные движения (КНД) Ирака и Турции.

Несмотря на то, что исторически курды могут проследиваться “как минимум, до начала ислама”,² в исторической ретроспективе процесс естественной консолидации курдских протогосударственных образований (эмиратов) был насильственно прерван в XIX в. вследствие реформ Танзимата, нацеленных на централизацию управления по всей Османской империи.³ Их следствием стал ряд восстаний во главе с представителями курдской феодальной элиты (прежде всего, семьи Бедирханов), которые, однако, не увенчались успехом. В свою очередь, последующие попытки – уже накануне распада Османской империи – стимулировать национальное движение на основе идеологии национализма, которая более соответствовала вызовам и реалиям XX в., не увенчались успехом (по причине отсталости курдского общества, а также ввиду политики империалистических держав, разделивших этнический Курдистан после Первой мировой войны). Как следствие этого, несмотря на то, что до распада Османской империи курды Турции, Ирака и Сирии были подданными одного государства, КНД в указанных странах оставалось (и до сих пор остается) разобщённым.

¹ Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: история и современность. М.: Ленанд, 2018. С. 7.

² Eppel M. A People without A State. The Kurds from the Rise of Islam to the Dawn of Nationalism. University of Texas Press, 2016. P. 137.

³ Bozarlsan H., Gunes C., Yadirgi V. The Kurds and the Kurdish Question in the Middle East // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 3.

Сам термин национального движения (в советской литературе в отношении курдов именовавшийся чаще всего национально-освободительным или национально-демократическим движением) нуждается в определении. В современном мире этнические меньшинства различных стран нередко мобилизуются по этно-националистическому принципу, требуя признания себя в качестве отдельной группы (национальности, или «кавила» по-арабски) от правительств государств, в которых они живут. В ряде случаев они требуют создания собственного государства на основе признания их группового статуса нации.⁴ Те, кто выдвигает эти требования, часто подвергаются жестоким преследованиям со стороны этих государств, но даже перед лицом этих притеснений в большинстве случаев их деятельность продолжается, в ряде случаев перерастая в повстанческую. Контекстно-ориентированные конкретные объяснения этнических националистических движений очевидным образом страдают от отсутствия теоретического измерения. Исторические детали конкретных случаев дают более менее ясное объяснение конфликта, когда некая группа, подавленная, недовольная или борющаяся за получение большей власти, полномочий или преференций от государства, достигая своих целей, продолжает вести себя прежним образом, т.е. продолжая эксплуатировать статусный нарратив «повстанческого государства» (что в отношении национального движения курдов Ирака и Сирии в наши дни выглядит актуальным).⁵ Как справедливо отмечает в своей работе Д. Романо, «можно выявить бесконечное множество несправедливостей, лишений, затрагивающих этнические меньшинства в каждой стране на земле, но всё же невозможно объяснить, почему лишь некоторые из этнических меньшинств предприняли действия, чтобы изменить положение вещей».⁶ В свою очередь, что касается «курдского

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., Кучково поле, 2016. С. 28.

⁵ Вертяев К.В. Иракский и Сирийский Курдистан как повстанческие государства: теоретические подходы к проблеме курдской протогосударственности // Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 205.

⁶ Romano D. Kürt Dirilişi. Olanak, Mobilizasyon ve Kimlik. Vater, 2010. S. 17-18.

кейса”, более важным представляется вопрос истоков мобилизационного потенциала, способного подпитывать национальное движение курдов, несмотря на политическую разделенность границами существующих на Ближнем Востоке национальных государств. Более того, теоретические подходы к предмету часто сосредотачиваются на одном элементе явления (например, социально-политической структуре общества, стратегиях мобилизации или борьбе за идентичность). Изучение истоков национальной мобилизации – несмотря на политическую разделенность границами государств, языковыми различиями и политической ориентацией различных групп национального движения курдов (КНД) – в контексте данной работы выглядит актуальным.

Данная работа отталкивается от понимания **“национального движения”** как **“общественного движения, которое стремится к территориальной независимости или расширению политической или культурной автономии в рамках существующего национального государства определённой национальной или этнической группы”**.⁷

Можно сказать, что парадокс курдского национализма состоит в том, что, несмотря на то, что он очень долгое время не мог обрести форм, адекватных ведению действенной национальной борьбы (с 60-х гг. – в Ираке, конца 70-х гг. – в Турции),⁸ можно сказать, что курды всегда обладали сильным чувством собственной **“инаковости”**: сознанием отличия себя от других, окружавших их народов. Об этом свидетельствует, с одной стороны, курдский национальный эпос, относящийся к периоду ещё Средних веков и раннего Нового времени (**“Мам и Зин”** Ахмеда Хани, XVII в.),⁹ а, с другой

⁷ Liberation Movement // Encyclopedia.com [Электронный ресурс] URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/liberation-movements> (дата обращения: 30.01.2022)

⁸ Оджалан А. Манифест демократического общества. Книга пятая: Курдская проблема и решение модели демократической нации. Защита курдов, находящихся в тисках культурного геноцида. М.: Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ, 2016. С. 388-389.

⁹ “Взгляни-ка – от арабов до грузин
Курды подобны башням.
Рум и Аджам – в осаде,
Курды – кругом, с четырёх сторон.
С обеих сторон племена курдов,

стороны, многочисленные восстания, непрестанно происходившие в конце XIX – начале XX вв. на территории современных Ирака, Турции и Ирана. С этой точки зрения политика, направленная на подавление КНД – которая целенаправленно проводилась руководством заявленных в теме диссертации стран (в форме ассимиляции и насильственного переселения курдов из мест своего компактного проживания)¹⁰ – лишь усилила сознание курдами своей инаковости.¹¹ Свидетельством в пользу этого, в частности, выступают песни курдских иракских революционеров (И. Ахмеда), в которых рефреном проходит мысль о неприемлемости для курдов называться “горными турками” (как их начали называть в Турции в конце 30-х гг. после подавления восстаний на юго-востоке страны).¹² Однако также следует признать, что изначально это чувство, сознание “национальной идентичности” – вплоть до середины XX в., становления городской курдской

Стали они мишенью для стрел рока.
Ты сказал бы, что они – как замки на границах,
Каждое племя – сильная преграда.
Когда это море персов и океан таджиков
Приходят в движение и волнение,
То курды заливаются кровью;
Они отделены друг от друга как проливом.

...
Насколько они безудержны в храбрости,
Настолько же избегают повиновения.
Это рвение и величие подвигов
Препятствовали выносить груз повиновения.
Поэтому они всегда не едины,
Постоянно они во вражде и распри.
Если бы было у нас единство,
То мы покорили бы всех.
Румийцы, арабы и персы -
Все стали бы служить нам”.

Хани А. Мам и Зин // Kurdistan.com [Электронный ресурс] URL: <https://kurdistan.com.ua/priziv-k-allahu-pomoch> (дата обращения: 18.01.2021)

¹⁰ В националистическом дискурсе – “воображаемого” Курдистана в Турции – с момента создания Республики, в Ираке – с момента повторного прихода к власти Партии арабского социалистического возрождения (Баас), а также в Сирии и, в меньшей степени, в Иране (где курдская национальная идентичность была признана в рамках исламистского государства).

¹¹ Bozarslan H., Gunes C., Yadirgi V. The Kurds and the Kurdish Question in the Middle East // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 5.

¹² “Я не араб, не иранец

И не “горный турк”.

Не только я, но и история свидетельствует –

Я – курд, житель Курдистана!”

هەر کورد ئه‌به‌ین [Мы всегда были и мы всегда останемся курдами] // YouTube [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VYCWggJU0Bc> (дата обращения: 18.01.2021)

интеллигенции в Ираке – не было вполне “националистическим”, во всяком случае, в современном смысле, понимании этого слова. Национализм возникает со становлением капиталистических отношений (в случае Османской империи – проникновения капиталистических отношений извне, под давлением западных держав).¹³ Этому соответствует процесс разложения традиционного общества, которое ускоряется пропорционально росту общественного неравенства.

Как следствие этого, **актуальность темы** исследования обусловлена сложностью и оригинальностью кейса курдского национализма на Ближнем Востоке. В то же время события, происходящие в этноареале Курдистан, сохраняют свою актуальность и в настоящее время (если не сказать, обрели наибольшую – во всяком случае, в этом веке – актуальность ввиду событий Арабской весны, а также последовавшей за ней гражданской войны в Сирии и войны против запрещённого в РФ ИГИЛ).

Объектом исследования является курдское национальное движение Ирака и Турции в XX в., события и предпосылки, связанные с актуализацией курдского фактора в политике указанных стран в период 1918-1980 гг и взаимодействие этих движений.

Предметом исследования выступают:

1. Отношения (взаимодействие, взаимное влияние), имевшие место между представителями, соответственно, иракских и турецких курдов (в лице партий – как политических субъектов КНД) в период 1918-1980 гг.;
2. Политика властей указанных стран в отношении курдского национального движения в указанный период.

Целью исследования является изучение характера отношений между КНД Ирака и Турции. Это, в свою очередь, представляется невозможным без понимания:

¹³ Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891-1917). АН СССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1972. С. 42.

1. Специфик обоих движений (понимание которых, в свою очередь, невозможно без понимания изначальных условий их зарождения, генезиса);
2. Политики правительств Ирака и Турции, направленных против КНД обеих стран (иными словами, рассмотрения КНД Ирака и Турции как фактора международных отношений,¹⁴ отношений между Ираком и Турцией).

Как следствие этого, **задачами исследования** являются:

1. Показать взаимодействие национальных движений; имело ли оно место или нет; если да, какой характер носило, в чём (каких факторах) проявлялось;
2. Выяснить, представляло ли национальное движение обеих стран единство (одно движение) или нет. Более того – можно ли утверждать, что КНД Ирака второй половины XX в. (во главе с М. Барзани, И. Ахмедом и Д. Талабани) представляло собой единое движение, или же это были два национальных движения (в пределах одной страны). Иными словами, показать не только отношения между представителями иракских и турецких курдов, но также динамику, “внутреннюю логику” КНД обеих стран;
3. Изучить, имела ли место координация усилий руководства Ирака и Турции по пресечению национального движения курдов в обеих странах (либо, напротив, они прилагали усилия по разжиганию курдского сепаратизма у страны-соседа); какова была роль координации усилий Ирака и Турций после Июльской революции в

¹⁴ Притом, что изначальной спецификой курдского вопроса является его международный (“многосторонний”) характер, данное исследование сосредоточено на КНД как факторе двусторонних отношений Ирака и Турции. Это не отменяет значимости процессов, имевших место в рассматриваемый период в Иране и Сирии (равно как то обстоятельство, что они оказывали воздействие на события в Ираке и Турции), тем не менее, они остаются за рамками данной работы. То же самое касается таких значимых аспектов региональной политики того периода как расцвет идеологии панарабизма на Ближнем Востоке и советско-иракские отношения, а также отношения между курдами и иракскими коммунистами, Коммунистической партией Ирака (КПИ).

Ираке 1958 г. в поражении “Сентябрьской революции” Моллы Мустафы Барзани (1961-1975 гг.).

Гипотезой исследования является предположение, согласно которому национальное движение курдов Ирака и Турции имело ряд принципиальных отличий, обусловленных как внешними, так и внутренними обстоятельствами, в ряду которых степень влияния региональной (если не сказать, мировой конъюнктуры в целом) оказалась ключевой. Как следствие этого, действия иракского и турецких правительств по подавлению движения есть одна из важных (возможно, важнейших) причин его поражения в Ираке в 1975 г.

Хронологические рамки исследования обусловлены имеющими критическое значение вехами национального движения курдов XX в.: распадом Османской империи и оккупацией Месопотамии Великобританией, что оказало определяющее влияние на дальнейшую разделенность курдов между Турцией и Ираком, спровоцировав подъем национально-освободительного движения в Турции под руководством Мустафы Кемала, а после закрепления в Севрском договоре права курдов на самоопределение (ст. 64, 65)¹⁵ – провозглашения де-юре королевства Ирак в 1921 г. под мандатом Англии,¹⁶ а также возникновения первых после распада империи очагов крупных курдских восстаний с целью создания автономного Курдистана: под предводительством шейха Барзанджи в южном Курдистане (Сулеймания, 1919 г.) и восстания племени кочгири в северном (Дерсим, 1921 г.). Помимо происходивших на протяжении этого периода курдских восстаний, важными вехами для национального движения курдов стали: заключение соглашения по Мосулу в 1926 г. между Турцией и

¹⁵ The Treaty of Sèvres, August 10, 1920 // The World War I Document Archive [Электронный ресурс] URL: <http://gwpda.org/versa/sevres1.html> (дата обращения: 30.01.2022)

¹⁶ Договор между Великобританией и Ираком, заключённый в Багдаде 10 октября 1922 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 181-182.

Великобританией,¹⁷ де-юре закрепившего границу по местам компактного проживания курдов Турции и Ирака; провозглашение независимости Ирака в 1932 г.; затем 1958 г. – год Июльской революции в Ираке, по итогам которой была свергнута монархия, а курды (впервые в истории и масштабах региона в целом) были признаны в качестве равноправных партнёров иракского государства. Вместе с тем, герой и лидер национально-освободительной борьбы и видный деятель курдской Мехабадской республики в Иране Молла Мустафа Барзани вернулся из многолетнего изгнания в СССР, чтобы вскоре вновь возобновить вооружённое сопротивление курдов в Ираке. Произшедший в 1980 г. государственный военный переворот в Турции стал вехой в подавлении курдского инакомыслия в Турции, что привело к актуализации вооруженной борьбы созданной в 1978 г. Абдуллой Оджаланом Рабочей партии Курдистана (РПК) (в Турции признана террористической) и выходу национального движения курдов Турции на новый этап.

Посреди этого двадцатилетия 1968 г. – год повторного прихода к власти в результате ряда переворотов в Ираке Партии арабского социалистического возрождения (“Баас”). Именно это обстоятельство оказало решающее воздействие на судьбу развития всего последующего национального движения курдов как в Ираке (в частности, “Сентябрьской революции” М. Барзани, 1961-1975 гг.), так и в Турции, а также Иране и Сирии. Несмотря на достижение “Мартовских соглашений” 1970 г. (которые стали “лучшим соглашением, какое иракским курдом когда-либо было предложено”),¹⁸ логика военного “решения” курдского вопроса в конечном итоге возобладала и привела, во-первых, к разгрому Барзани, во-вторых, расколу всего движения (ускорив образование отдельного от ДПК Патриотического союза Курдистана в 1975 г. на территории Сирии; уход Демократической партии

¹⁷ Договор между Великобританией, Ираком и Турцией, заключённый в Ангоре 5 июня 1926 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 208-210.

¹⁸ Stansfield G. Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 75.

Курдистана в Иран – с последующим возвращением в качестве ДПК-Временное руководство в 1978 г.; и расколу самой партии – уже после выхода ПСК).

Источниковую базу исследований составили научные работы, доступные архивные документы, международные договоры, мемуарная литература, аудио-визуальные источники (интервью, документальные фильмы), а также опубликованные государственные документы (такие как тексты конституций Турецкой Республики).

Степень разработанности научной проблемы. Публикации по теме диссертации на русском языке могут быть хронологически и тематически разделены на несколько групп:

Первая группа включает в себя материалы, опубликованные в советский период в отношении ситуации в Ираке и Турции. Они включают в себя научные исследования (Ш.Х. Мгойн,¹⁹ М.С. Лазарев,²⁰ М.А. Гасратян²¹ и др.), аналитические статьи того периода, опубликованные воспоминания акад. Е.М. Примакова²², генерала Судоплатова,²³ и др. В значительной части этих работ КНД рассматривалось, как национально-освободительное или “национально-демократическое” движение курдского народа.²⁴ Также в данной работе активно задействованы сообщения советских СМИ, которые представляют собой альтернативный взгляд, в частности, на события в Иракском Курдистане 1961-1975 гг.²⁵

¹⁹ Мгойн Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958-1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.04. – Ереван, 1975. – 410 с.

²⁰ Лазарев М.С. Курдский вопрос. (1891-1917). АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972. – 472 с.; Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917-1923). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1989. – 327 с.; Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. – 308 с.

²¹ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. – 384 с.

²² Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 415 с.

²³ Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930-1950 гг. М.: Изд. фирма “ОЛМА-пресс”, 1997. – 686 с.

²⁴ План-проспект коллективной монографии “История курдского народа”. АН Армянской ССР, 1965. С. 34.

²⁵ “За рубежом”; “Заря Востока”; “Известия”; “Комсомольская правда”; “Правда”.

Вторая группа состоит из современных исследований по указанной теме, которая включает научные работы отечественных исследователей (О.И. Жигалина,²⁶ К.В. Вертяев,²⁷ Н.З. Мосаки²⁸ и др.). Отдельный интерес имеет работа С.А. Шумова и А.Р. Андреева, которая представляет собой сборник официальных документов, касающихся Ирака и Турции рассматриваемого периода, переведённых с арабского языка на русский и имеющих большую ценность с точки зрения тематики исследования.²⁹

Источники и литература на турецком языке являются основными (ввиду владения автором турецким языком) в данной работе. Архивные сведения и источники Турецкой республики в отношении курдов, собранные турецким исследователем Б. Шимширом³⁰ включают в себя государственные документы, отчёты и донесения Министерства иностранных и внутренних дел Турции (при этом автор считает, что большинство архивных документов Турции по указанной проблематике до сих пор остаются закрытыми для доступа). Другими турецкими исследователями, активно работавшими с архивами турецкой – равно как американской – дипломатической службы являются Ф. Армаолу³¹ и И. Сойсал.³² В эту категорию также относятся научные работы турецких авторов, исследования турецких и курдских авторов, опубликованные на турецком языке. Отдельно могут быть отмечены работы Н. Кутлая (одного из представителей курдской интеллигенции,

²⁶ Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 240 с.

²⁷ Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность. Институт востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015. – 352 с.; Вертяев К.В. Иракский и Сирийский Курдистан как повстанческие государства: теоретические подходы к проблеме курдской протогосударственности // Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 203-225.; Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. – 252 с.; Вертяев К.В. Курды в британских архивах // Институт востоковедения РАН [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m18sIfJYsFM> (дата обращения: 30.01.2022)

²⁸ Мосаки Н.З. Иракские туркоманы во взаимодействии различных политических сил и интересы Турции // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М, 2006. С. 166-184.

²⁹ Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинец-Традиция, 2002. – 256 с.

³⁰ Şimşir B. Musul Sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak İlişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 859-916.; Şimşir B. Kürtçülük II (1924-1999). Bilgi Yayınevi, 2020. 720 s.

³¹ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Paktı'na 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 189-236.

³² Soysal İ. 1955 Bağdat Paktı // Belleten, 1991. Cilt 55, Sayı 212, S. 179-238.

арестованных по “делу 49-ти”),³³ а также монография Б. Ешилбурсы, целиком посвящённая теме Багдадского пакта (и роли, участия Турции в нём).³⁴ В работе также использовались периодические издания на турецком языке, а также аудио-визуальные источники (в частности, общественно-политический журнал “Акис”, который выходил в период 1954-1967 гг. и активно освещал КНД Ирака). Из электронных баз литературы и периодики на турецком языке хотелось бы отметить, соответственно, сайты Dergi Park³⁵ и Gaste Arşivi³⁶, на которых в свободном доступе были размещены активно задействованные в данной работе материалы.

Источники и литература на английском языке. Следует отметить, что значительная часть научных работ курдских, турецких и арабских авторов опубликована на английском языке (Х. Бозарслан,³⁷ Ч. Гюнеш,³⁸ М. Ейен,³⁹ Д. Халид,⁴⁰ К. Вайси⁴¹ и др.). Ценность работ авторов-курдов (Д. Халид, К. Вайси) определена тем, что они представляют собой взгляд представителей современных курдских исследователей на собственную историю, её оценку – притом ретроспективно (событий, непосредственными свидетелями которых они не были).

³³ Kutlay N. 21. Yüzyıla Girenken Kürtler. Peri Yayınlar, 2011. 591 s.

³⁴ Yeşilbursa B. Bağdat Paktı: İngiltere ile Amerika'nın Ortadoğu Savunma Politikaları 1950-1959. Sentez Yayınları, 2019. 228 s.

³⁵ <https://dergipark.org.tr/tr/>

³⁶ <https://www.gastearsivi.com/>

³⁷ Bozarslan H., Gunes C., Yadirgi V. The Kurds and the Kurdish Question in the Middle East // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 1-22.

³⁸ Gunes C. Kurdish Politics across the Middle East during the 1970s // Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 250-268.; Gunes C. Kurdish Politics in Turkey // The Routledge Handbook on Contemporary Turkey. Routledge, 2022. P. 180-191.

³⁹ Yeğen M. Kurdish Nationalism in Turkey, 1898-2018 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 311-332.

⁴⁰ Khalil D. The Idea of Kurdistan. Varsan Group Company, 2014. 312 p.

⁴¹ Waisy K. The Kurdish Peshmarga Force 1943-1975 // Global Journal of Human – Social Science: History, Archaeology & Anthropology, 2015. V. 15, I. 2, P. 17-36.; Waisy K. The Significant of the New Republic of Iraq for the Kurds 1958-1975 // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research, 2015. V. 21, I. 2, P. 27-38.; Waisy K., Ramli R., Hung H. Mullah Mustafa Barzani and the United States 1960-1975 // Journal of Islamic and Human Advanced Research, 2014. V. 4, I. 4, P. 179-199.

В настоящей работе также активно использовались работы таких англоязычных авторов как М.В. Бруйнессен⁴² и Д. МакДауалл. Из работ, посвящённых общим методологическим вопросам курдского национального движения (КНД) в данной работе задействованы исследования Д. Романо "The Kurdish Nationalist Movement: Opportunity, Mobilization and Identity"⁴³ и Д. МакДауалла "A Modern History of the Kurds",⁴⁴ а также Ч. Хьюстона "Kurdistan. Crafting of National Selves"⁴⁵. Значительная часть материалов почерпнута из работы Г. Стэнсфилда "Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy"⁴⁶. Также в рамках исследования были задействованы материалы британских архивов, "Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831-1979" (тома 11 и 12).⁴⁷

Источники и литература на курдском и арабском языке. Несмотря на то, что автор не владеет ни курдским, ни арабским языком, в рамках библиографического обзора не может не быть упомянут целый ряд научных работ по исследуемой проблематике на этих языках (притом, что лишь часть этих работ переводилась на английский). Прежде всего, необходимо упомянуть работу Али Абдаллаха "История Демократической партии Курдистана в Ираке от учредительного до третьего съезда" (на курдском языке), воспоминания Х. аль Алави об Абдель Кериме Касеме ("Взгляд через 20 лет", Лондон, 1983), работу Э. Гариба "Национальное курдское движение" (Бейрут, 1973), Джалыля Талабани "Курдистан и курдское национальное движение" (Бейрут, 1981), работу Маджида Хаддури "Республиканский Ирак" (1974), аль-Махами и Джорджиса Фетхолла "Ирак при Касеме. Мнения и соображения. 1958-1988 гг." (Стокгольм, 1989) и др.

⁴² Bruinessen M. Agha, Shaikh and State: The Social and Political Structures of Kurdistan. London: Zed Books, 1992. 386 p.

⁴³ Исследование было доступно автору в переводе на турецкий язык: Romano D. Kürt Dirilişi. Olanak, Mobilizasyon ve Kimlik. Vater, 2010. 371 p.

⁴⁴ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. 532 p.

⁴⁵ Houston Ch. Kurdistan. Crafting of National Selves. Indiana. 2008. 231 p.

⁴⁶ Stansfield G. Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy. RoutledgeCurzon, 2003. 278 p.

⁴⁷ Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831-1979. Cambridge University Press. Vol. 11. 661 p.; Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831-1979. Cambridge University Press. Vol. 12. 779 p.

Методология и методы исследования. В рамках данной работы были активно использованы такие методы как сравнительный и описательный – в приложении к историческому материалу с учётом соответствующей специфики. Собранные данные были тщательно проанализированы, сопоставлены, чтобы иметь конечным продуктом как можно более объективный и когерентный – в плане внутренней логики – текст.

Научная новизна (результатов исследования). В настоящее время существует достаточно мало работ, которые при рассмотрении того или иного аспекта курдского национализма затрагивали бы вопрос того, каким образом курды Ирака оказывали воздействие на турецких курдов и *vice versa* (не говоря уже о том, как это соотносилось с: (а) репрессивными действиями в отношении иракских курдов – со стороны иракского правительства, турецких – со стороны турецкого правительства; (б) целенаправленным курсом обоих государств на пресечение курдского национализма вообще – что по факту специфики курдского вопроса становилось вопросом международной, как минимум, региональной повестки). Данная работа ставит перед собой целью прояснить эти моменты (которые, в свою очередь, представляются находящимися друг от друга в прямой зависимости). Самостоятельную ценность также представляет сопоставление того, как КНД развивалось в Ираке и Турции: (а) в период 1918-1958 гг.; (б) в период 1958-1980 гг.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. КНД Ирака и Турции представляют собой качественно различные явления. КНД Ирака второго этапа (1958-1980 гг.), будучи облаченным в форму военно-политических партий, продолжало носить в себе традиционные черты клановости и племенного партикуляризма, характерные для первого рассматриваемого в диссертации этапа (1918-1958 гг.). В противоположность этому КНД Турции второго этапа (начало 60-х) выстраивало себя на противопоставлении всем атрибутам

- традиционного общества (которые оно не могло использовать для реализации своих интересов). Без этого создание Рабочей партии Курдистана (РПК) было бы невозможно;
2. КНД Ирака и Турции не только не были едины “друг с другом”, перед лицом внешнего мира, но также были расколоты изнутри. Непреодолимым оказалось противоречие внутри Демократической партии Курдистана – ДПК (которое, в конечном итоге, вылилось в раскол с созданием Патриотического союза Курдистана – ПСК). Внешним проявлением этого раскола стала идеология (националистический партикуляризм М. Барзани против панкурдизма, “интегрального национализма” И. Ахмеда и Д. Талабани);
 3. Апофеозом второго этапа КНД Турции стало создание РПК в 1978 г. Характерной чертой этой организации стала оригинальная идеология, разработанная А. Оджаланом (т.н. “апочизм”), имплицитным целеполаганием которой было снять противоречия, существовавшие между политическими партиями КНД Турции;
 4. На протяжении всего рассматриваемого периода между руководством Ирака и Турции существовала тесная координация по вопросам безопасности. С одной стороны, непосредственным интересом Турции было обеспечение безопасности турецко-иракской границы. С другой стороны в 1937 и 1955 гг. турецким руководством были подписаны, соответственно, Саадабадский и Багдадский пакты. Будучи уже многосторонними, эти договоры также имели своей целью пресечение враждебной деятельности (под которую подпадали и курды). Тем не менее, ни один из этих альянсов не был эффективен. Вместе с тем, после разгрома КНД Ирака в 1975 г. (укрепления у власти в Ираке баасистов) координация усилий в сфере безопасности между Ираком и Турцией также получила новый стимул;

5. Можно утверждать, что ДПК испытала на себе влияние ПСК, её идеологии панкурдизма. Другой партией турецких курдов, напрямую испытавшей на себе влияние ПСК, стала “Ала-Рызгари”. Её членам удалось уйти от преследований в Турции и перебраться в Ирак. Однако потребность вести борьбу с другими курдами (из ДПК) привела к тому, что уже в скором времени её руководящий состав отказался от продолжения борьбы;
6. В свою очередь, попытка создания Демократической партии Турецкого Курдистана (ДПТК) как влиятельной силы турецких курдов, потерпела неудачу. Выступая с консервативной повесткой, она не смогла предложить ничего нового. В то же время партия также столкнулась с репрессиями со стороны турецкого государства и не была допущена в легальное политическое поле;
7. Преобладающее влияние иракских курдов в рассматриваемый период было амбивалетным и, как минимум, в одном случае, оказалось деструктивным для партий турецких курдов.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав (первая разбита на четыре параграфа, вторая и третья – на три), заключения и библиографии.

Глава I посвящена изучению КНД в период между двумя мировыми войнами, который можно охарактеризовать как время упущенных возможностей в деле создания курдского государства: как по причине подавления очагов курдского сопротивления со стороны государств, разделивших Курдистан (а также Англии), так и в результате разобщенности и узкого племенного партикуляризма основных движущих сил КНД – даже несмотря на создание курдских националистических организаций, таких как “Хойбун”, стоявших на позициях интегрального национализма, чье влияние на курдов оказалось не достаточно велико.

Глава II посвящена рассмотрению нового этапа курдского национального движения, на который оказали воздействие демократизация политической жизни Турции в 1950 г. (в виде победы Демократической партии, пользовавшейся значительной поддержкой курдских шейхов и ага), и, особенно, революция 1958 г. в Ираке. Лейтмотивом этого периода в иракской истории стало вооруженное восстание под руководством Моллы Мустафы Барзани (1961-1975 гг), оказавшее заметное влияние на подъем курдского национального движения в Турции.

Глава III рассматривает курдский фактор как важный элемент отношений между Ираком и Турцией, который во второй половине XX в выражался в пресечении Турцией проникновения националистической идеологии иракских курдов на турецкую территорию, попыток экспорта курдской революции из Ирака, а также иные факторы, оказавшие влияние на актуализацию и подъем курдского национального самосознания в Турции (вопрос туркоманов).

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов. Результаты данной диссертации могут быть в дальнейшем использованы при изучении означенного периода истории Ближнего Востока, а также современных проблем КНД в Ираке и Турции, которые проистекают из исторического бэкграунда, рассмотренного в настоящей диссертации, – как в рамках отдельного страноведения, так и в рамках изучения КНД в целом – равно как проблем национализма, этнического партикуляризма и национальных (националистических) движений на примере курдов.

Диссертация соответствует паспорту специальности 07.00.03 “Всеобщая история (соответствующего периода)”.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были представлены в виде докладов на 5 региональных, общероссийских и

международных конференциях и круглых столах, а также в 5 публикациях, 4 из которых – в журналах, входящих в список ВАК.

Статьи в изданиях из перечня ВАК:

1. Веденеев И.Н. Влияние иракских курдских политических партий и национальное движение курдов Турции (1971-1980 гг.) // журнал «Российская нация», 2021, №6. С. 73-78.
2. Веденеев И. Н. Действия иракского и турецкого правительств по подавлению курдского национального движения: фактор координации (1950-1970) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7. № 4. С. 314-320. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-4-314-320>.
3. Веденеев И.Н. Различия курдского национально-освободительного движения в Ираке и Турции (1958-1979 гг.): сравнительный анализ // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020, № 6. С. 107-117. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086919080009697-3>.
4. Веденеев И.Н. Турецкие левые и национальное движение курдов: к вопросу преемственности // Вестник Брянского государственного университета, 2021, № 4. С. 24-32. DOI: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-24-32>.

Другие публикации (по теме диссертации):

1. Веденеев И.Н. Изучение курдов в России: историческая перспектива // Востоковедение: история и методология. 2020, №1. С. 18-23. DOI: <https://doi.org/10.31696/2686-8202-2020-1-18-2>.

ГЛАВА I. КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (КНД) ИРАКА И ТУРЦИИ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

1.1 Курды Ирака и Турции в начале XX в. Мосульский вопрос

После победы в битве при Чалдыране в 1514 г. территории, из которых в XX в. был сформирован Ирак, были включены в состав Османской империи. В результате к Империи присоединилось обширное пространство, населённое курдами. Впоследствии, в период правления Сулеймана Великолепного, это пространство – известное сейчас как северный Ирак – было разделено на провинции Мосул и Шехризор. В период с начала XVII в. вплоть до начала XIX в. обе провинции, включавшие в себя почти весь Курдистан (в т.ч. Диярбакыр и Эрзерум), представляли собой важные источники дохода центральной власти в Стамбуле.⁴⁸ Их административным центром стал город Диярбакыр.

Важнейшим событием XIX в., оказавшим решающее воздействие на всю последующую историю курдов, стало т.н. “повторное завоевание Курдистана”, когда 20-тысячная армия Мехмеда Решида-паши полностью razорила восточные регионы Империи в 1834 г. Последующие восстания курдов (в первую очередь во главе с Бедирханом в Джазире в 1843 г., его сыном Езданширом (в турецких источниках – Иззеддин Ширум) в 1855 г. также были подавлены центральным правительством.⁴⁹

Во второй половине XIX в., под воздействием реформ Танзимата, правительство в Стамбуле начало проводить политику централизации управления. Закономерным итогом проведения этой политики стало подавление местных элит по всей Империи. В том, что касается курдов, эта политика обернулась катастрофой, т.к. привела к разрушению курдских

⁴⁸ Bozarslan H., Gunes C., Yadirgi V. The Kurds and the Kurdish Question in the Middle East // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 3.

⁴⁹ Лазарев М.С. Курдский вопрос. (1891-1917). АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972. С. 31.

эмиратов (которые до этого пользовались фактической автономией).⁵⁰ Отныне контроль над территориями, населёнными курдами, осуществлялся напрямую из Стамбула. Долгосрочным следствием этого – трагическим образом отразившимся на КНД XX в. – стало то, что курдское общество, фактически, деградировало на одну ступень в плане своей социально-политической организации. В итоге едва ли не единственной формой общественной организации курдов стало племя (аширет).⁵¹ Как следствие этого, родство играло большую роль в курдском обществе⁵² (и сохранило свою значимость на протяжении всего рассматриваемого периода). Разобщённости курдов способствовало то, что они разговаривали на разных диалектах.⁵³

Как отмечал М.С. Лазарев, для курдского общества рассматриваемого периода представлялась характерной родо-племенная структура, причём не только для аширетных (кочевых), но и райя (оседлых). Также следует отметить, что все кочевые курды “принадлежали к племенным объединениям, конфедерациям, которые состояли из племён, а те, в свою очередь, делились на роды”. В свою очередь, хозяйственной основой курдского общества, его “базисом” выступало натуральное хозяйство в лице кочевого (отгонного) животноводства (по-преимуществу овцеводства) “с регулярными перекочевками на большие расстояния с летних высокогорных пастбищ на зимние, находящиеся в низинах”. В том, что касается уровня развития курдского общества в целом, следует отметить, что по состоянию на конец XIX – начало XX вв. разложение родоплеменных отношений зашло в нём далеко, поэтому имущественное расслоение имело место в каждом

⁵⁰ Aboona H. *Assyrians, Kurds, and Ottomans. Intercommunal Relations on the Periphery of the Ottoman Empire*. Amherst, New York: Cambria Press, 2008. P. 284.

⁵¹ Bozarslan H., Gunes C., Yadirgi V. *The Kurds and the Kurdish Question in the Middle East // The Cambridge History of the Kurds*. Cambridge University Press, 2021. P. 3.

⁵² Bruinessen M. *Agha, Shaikh and State: The Social and Political Structures of Kurdistan*. London: Zed Books, 1992. P. 306.

⁵³ Минорский В.Ф. *Курды: Заметки и впечатления*. Петроград, 1915. С. 16.

племени.⁵⁴ Также постепенно начало оказывать воздействие проникновение капиталистических отношений в Османскую империю, несмотря на то, что на востоке страны оно было медленным и сдерживалось феодальными отношениями (принимая форму, как правило, ростовщичества). Всё это создавало – в отдалённой перспективе – предпосылки для кризиса и разложения традиционного общества.

Что касается уровня социально-экономического развития, то он варьировался в разных частях Курдистана (примерно в той мере, в какой отличались уровни стран проживания курдов), но не столь уж значительно. Курдские районы в этих странах были самыми отсталыми окраинами с неразвитыми производительными силами, в которых наступавшим капиталистическим отношениям с трудом удавалось теснить традиционный феодально-племенной строй, основанный на общинном кочевом хозяйстве.⁵⁵ Впоследствии различия в уровне развития курдов в Ираке и Турции были связаны со спецификой той политики, что проводилась в обеих странах (если не сказать, природой и идеологией тех режимов, что оказались у власти после Первой мировой войны).

В числе других характерных черт курдского общества того периода представляется необходимым отметить, что на протяжении всего XIX в. контроль над границами в Курдистане был очень слабым. Как следствие это племена осуществляли постоянную миграцию, которая была как сезонной (в частности, из Сирии в Турцию), так и мотивированной политическими соображениями.⁵⁶ Существуют многочисленные свидетельства в пользу того, что данная ситуация – относительно фактической неконтролируемости границ, проложенных через Курдистан (уже после распада Османской

⁵⁴ Лазарев М.С. Курдский вопрос. (1891-1917). АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972. С. 35.

⁵⁵ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 14.

⁵⁶ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 8.

империи и создания трёх новых национальных государств: Ирака, Турции и Сирии) оставалась неизменной.⁵⁷

В свою очередь, в том, что касается политической мотивации к пересечению границ, можно упомянуть стремление племён уклониться от требования центральной власти об уплате налогов.⁵⁸ С точки зрения темы исследования представляет интерес такое обстоятельство как нестабильность самих коалиций курдских племён, “племенных конфедераций”. Отдельные члены (аширеты) могли покидать их; они могли распадаться и включать в себя новых участников. Впоследствии – по мере становления национального движения – это неоднократно даст о себе знать. Как свидетельствует МакДауэлл, данное обстоятельство сохранится вплоть до обретения курдами реальной автономии в составе Ирака.⁵⁹ Иными словами, такой фактор как племенная структура будет оказывать влияние на курдское общество вплоть до 90-х гг. XX в. (как следствие этого, накладывая свой отпечаток на борьбу его политических субъектов с центральным правительством, а также друг с другом).

Третьей характерной чертой курдского общества была его лингвистическая и конфессиональная разобщенность в рамках всего курдского этноса, когда раздел этнического Курдистана на турецкую и иракскую части во многих частях территориально совпадал с лингвистическими различиями между курдами, говорившими на курманджи (северный Курдистан) и на сорани (южный Курдистан). По наблюдениям английского офицера времен британской оккупации Месопотамии после Первой мировой войны (1920 г) , “лингвистически все курдские диалекты принадлежат к юго-западной иранской группе языков, но естественным образом были разделены географически. На севере, от гор Большого Заба до

⁵⁷ Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 239.

⁵⁸ Potter L. The Evolution of the Iran-Iraq Boundary // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 70.

⁵⁹ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 16.

озера Урмия большинство курдов говорят на курманджи, а к югу от этой линии - на сорани, версии курманджи. Другие курды также говорят на заза или горани”⁶⁰.

Третьей характерной чертой курдского общества было наличие в нём суфийских тарикатов (в первую очередь накшбандия и кадирия), которые в рассматриваемый период пользовались большим влиянием. Несмотря на то, что для орденов также была характерна конкуренция и политическая борьба (более того, не только между орденами, но также внутри них: между отдельным шейхами, каждый из которых стремился создать собственную, как можно более обширную “клиентскую сеть”), тарикаты, в определённой степени, создавали (во всяком случае, теоретически могли создавать) предпосылки для консолидации курдских общин. Данное обстоятельство было особенно актуальным в ситуации разобщённости самого курдского общества на отдельные племена. И хотя не следует преувеличивать фактор мобилизации курдов посредством тарикатов (идеологическая база которых, в любом случае, оставалась узкой – даже в рамках религии), в определённых обстоятельствах (как то в ситуации восстания шейха Саида в Турции в 1925 г.) религия оказывалась единственным фактором сколь-нибудь массовой мобилизации курдов (при этом восстание всё равно потерпело поражение и многие курды не только не поддержали шейха, но и выступили против него на стороне центрального правительства).⁶¹ В то же время религиозные лидеры (шейхи) часто оказывались в состоянии присвоить себе верховную власть над племенем. В качестве примера МакДауэлл приводит племя Барзани (вожди которого являлись шейхами суфийского ордена Накшбандия).⁶² В свою очередь, изначально возвышение клана Барзани связывается с привлечением “неплеменного крестьянства” – большого числа

⁶⁰ Kurds, Arabs and Britons. The Memoir of Wallace Lyon in Iraq (1918-1944). Tauris, 2002. P. 34.

⁶¹ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 204.

⁶² Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 17.

общинников, которые оказались вне племён, к которым относились изначально.⁶³

Непосредственным «триггером» актуализации курдского вопроса, так и начала раздела этнического Курдистана стало вступление Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, что обернулось чередой тяжёлых поражений почти на всех фронтах и, в конечном итоге, подписанием 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия, первый пункт которого предоставлял войскам Антанты возможность оккупации проливов (Босфора и Дарданелл).⁶⁴ И хотя перемирие не подразумевало военной оккупации Стамбула, уже 12 и 13 ноября в столицу Империи вошли французские и британские войска.

При этом, как утверждает в одной из своих научных работ, выполненной на основании материалов турецких архивов, посол в отставке Б. Шимшир, по состоянию на 30 октября 1918 г. большая часть провинции Мосул (и сам город Мосул) находился под контролем турецких войск. В свою очередь, оккупация провинции британскими войсками произошла лишь 15 ноября 1918 г., т.е. спустя полмесяца после подписания перемирия. С точки зрения британцев, это оправдывалось ст. 7 перемирия.⁶⁵

Как красноречиво высказался по этому поводу в своих мемуарах ближайший сподвижник М. Кемалю (Ататюрка), будущий премьер-министр и президент Турции И. Инёню, “во время перемирия британцы ещё не были в Мосуле. Мы осведомили наших командующих об условиях [перемирия – прим. И.В.], однако британские командиры вели себя так, будто не были осведомлены, и, используя ряд оправданий, поставили нас перед свершившимся фактом”.⁶⁶

⁶³ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 16.

⁶⁴ Maurice F. The Armistices of 1918. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1943. P. 85.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Cuthell D. A Kemalist Gambit. A View of the Political Negotiations in the Determination of the Turkish-Iraqi Border // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 83.

В свою очередь, современные турецкие исследователи (Д. Курт, Э. Коркмаз) утверждают, что “с начала и до конца войны Османская империя направила в регион 150 тыс. солдат. В тот же период Британия отправила в Ирак 890 тыс. солдат. Когда война закончилась – вследствие прекращения огня – в регионе находилось 408 тыс. британских солдат, в то время как османская армия насчитывала порядка 30 тыс. чел.”⁶⁷ По мысли турецких авторов, такое соотношение сил свидетельствовало о многом.

Как следствие этого, оккупация Мосула иностранными войсками (равно как Фракии и Анатолии) не была признана не только новым, кемалистским правительством, но и национальным собранием Османской империи (Meclis-i Mebusan). На своей секретной сессии 28 января 1920 г. оно приняло т.н. “национальный обет” (Misak-ı Milli),⁶⁸ одной из целей которого (применительно к Мосулу) стало “признание границы перемирия 30 октября 1918 г. на юге в качестве государственной границы Турции”.⁶⁹ Именно этот документ стал источником легитимации турецким руководством собственной политики в отношении Мосула и одним из основных аргументов Турции на переговорах с Британией, а также перед комиссией Лиги Наций. В речи перед Национальным собранием 23 апреля 1920 г. М. Кемаль заявил о том, что южная граница Турции включает в себя Мосул и Сулейманию. Аналогичная позиция по этому вопросу изложена в работах современных турецких исследователей (которые рассматривают претензии Турции на Мосул как нечто не подлежащее сомнению).⁷⁰

Фактически, претензии Турции на Мосул – как об этом свидетельствует Шимшир, ссылаясь на турецкие первоисточники – распространялись на ливы (провинции) Сулеймания, Киркук и Мосул. И хотя с точки зрения

⁶⁷ Kurt D., Korkmaz E. Birinci Dünya Savaşı Irak Cepesi'nde Karşıt Güçlerin Havacılık Faaliyetlerinin Analizi // Askeri Tarih Araştırmaları Dergisi, 2020. Cilt 18, Sayı 32, S. 60.

⁶⁸ Misak-ı Milli Beyannamesi (Günümüz Türkçesi). Milli Egemenlik Belgeleri. S. 37-38.

⁶⁹ Şimşir B. Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 2005, Cilt 21, Sayı 63, S. 861.

⁷⁰ Eyicil A., Hamadlak P. Türkiye - Irak İlişkiler'inde Musul Sorunu // Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2015. Cilt 12, Sayı 2, S. 81.

современного территориального деления данные претензии представляются очень амбициозными (все три города относятся к разным провинциям; даже по состоянию на момент заключения договора Сайкса-Пико (1916 г) Мосул и Киркук мыслились британцами и французами в составе разных подмандатных территорий),⁷¹ в позиции турок была своя логика. После административных реформ на востоке Империи в 70-х гг. XIX в. Мосул был обособлен в качестве отдельной провинции во главе со своим губернатором. Тремя его районами стали, соответственно, Мосул, Киркук и Сулеймания.⁷² Другим соображением было якобы имевшая место разница в языке между анатолийскими турками и турками, оказавшимися теперь за пределами турецкой государственности, на территории современных Сирии и Ирака (получили название туркоман; при этом они не имеют отношение к туркменам Центральной Азии; здесь и далее будут обозначаться в качестве туркоман). Данный аргумент принадлежал лорду Керзону, который представлял британскую сторону на начальном этапе переговоров с турками (позицию которых, в свою очередь, представлял И. Инёню).

Ещё 8 января 1918 г. в Вашингтоне были провозглашены 14 пунктов В. Вильсона, 12-й пункт которых прямо указывал, что, в то время как турецкой части Османской империи “должен быть гарантирован надёжный суверенитет”, другим национальностям “должна быть гарантирована несомненная безопасность жизни и абсолютно беспрепятственная возможность автономного развития”.⁷³ Следует отметить, что 14 пунктов Вильсона в известной степени повторяли Декрет о мире В.И. Ленина (который им предшествовал), в том аспекте, что также утверждал право наций на самоопределение (“если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насильем... то присоединение её является

⁷¹ Sykes-Picot Agreement, 16 May, 1916 // The United Nation [Электронный ресурс] URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/232358BACBEB7B55852571100078477C> (дата обращения: 01.02.2022)

⁷² Cuthell D. A Kemalist Gambit. A View of the Political Negotiations in the Determination of the Turkish-Iraqi Border // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 82.

⁷³ Address of the President of the United States, delivered at a joint session of the two houses of Congress, January 8, 1918. Washington, 1918. P. 5-7.

аннексией, т.е. захватом и насилием).⁷⁴ Иными словами, предоставление свободы и независимости нациям, находившимся прежде в составе крупных государственных образований, вполне соответствовал духу того времени (если не сказать, выдвигался его идеологами на первый план).

Как показывают британские архивы, у королевских экспертов того времени не было четкого представления о том, что такое «Курдистан» и как именно его необходимо было идентифицировать.⁷⁵ По воспоминаниям В.Лиона, полностью курдской являлась лишь провинция Сулеймания, населяли которую “жители гор, арии по происхождению, курды по национальности и языку, принадлежащие к суннитской ортодоксальной ветви ислама, что и отличало их от большинства других иракцев - жителей равнин, семитов по происхождению, арабов по национальности и языку, принадлежащими к шиитской ветви ислама”⁷⁶.

На протяжении истории существовали целый ряд в меру суверенных курдских эмиратов, однако ни один из них нельзя было с полной уверенностью назвать курдским национальным государством. Вместе с тем в 1918 г эксперты в самой Британии – как оккупирующей державе – отлично понимали, что курды этнически отличаются от арабов, причем в английской научной литературе того времени утвердилась мысль об арийском происхождении курдов, а также о том, что “в курдах отсутствует единая расовая идентичность”.⁷⁷

Закономерным следствием оккупации стало подписание беспомощным османским правительством 10 августа 1920 г. в пригороде Парижа Севрского мирного договора, по итогам которого Империя де-факто превращала своё существование. Как пишет по этому поводу М.С. Лазарев, “от неё оставалась только фикция власти султана-халифа в Стамбуле в зоне Проливов,

⁷⁴ Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире. Декреты Советской власти. Т. 1. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 15-16.

⁷⁵ Вертяев К.В. Курды в британских архивах // Институт востоковедения РАН [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m18sIffJYsFM> (дата обращения: 30.01.2022)

⁷⁶ Kurds, Arabs and Britons. The Memoir of Wallace Lyon in Iraq (1918-1944). Tauris, 2002. P. 34.

⁷⁷ Ibid, P. 37.

подчинённых международному (практически английскому) контролю”. Однако им также отмечается, что уже к моменту своего подписания “он не совсем соответствовал реальной военно-политической обстановке... а несколько месяцев спустя стал полным анахронизмом”.⁷⁸ Тем не менее, с формальной точки зрения договор оставался действенным как минимум три года.

В свою очередь, на территории трёх бывших османских вилайетов в 1921 г. была провозглашена хашимитская монархия во главе с королём Фейсалом I. В ст. 2 конституции, принятой в 1924 г., Ирак был охарактеризован как “конституционная наследственная монархия с представительным правлением”.⁷⁹ Насколько можно судить по британо-иракскому договору от 10 октября 1922 г., Британия фактически сохраняла за собой всю полноту полномочий по управлению территорией. Так, в частности, ст. 4 гласила, что “Его Величество король Ирака соглашается руководствоваться на всё время действия настоящего договора советами Его Британского величества, данными через верховного комиссара во всех важных вопросах, затрагивающих международные и финансовые обязательства и интересы Его Британского Величества”.⁸⁰

С точки зрения эскалации курдского национализма Севр сыграл роль ещё одного своеобразного «триггера». Как писал по этому поводу Никитин, в нём впервые, на официальном уровне, было признано существование курдского вопроса на Ближнем Востоке.⁸¹ В самом договоре этот вопрос занимал одно из ведущих мест (раздел “Курдистан” следовал непосредственно на разделах “Константинополь” и “Проливы”). Прямое отношение к курдскому вопросу имели ст. 62, 63 и 64 договора. Однако

⁷⁸ Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917-1923). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1989. С. 182.

⁷⁹ Конституция Ирака (10 июля 1924 г. – 21 марта 1925 г., с изменениями от 29 июля 1925 г.) // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 184-207.

⁸⁰ Договор между Великобританией и Ираком, заключённый в Багдаде 10 октября 1922 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 181-182.

⁸¹ Никитин В. Курды. М.: Прогресс, 1964. С. 301.

следует отметить, что изначально эти пункты были сформулированы ещё на конференции Сан-Ремо (19-26 апреля 1920 г.) следующим образом:

1. В Стамбуле будет работать международная комиссия (представители: Англия, Франция, Италия), которая должна будет, спустя полгода после вступления в силу договора, разработать схему “местных автономий” для территорий, населённых курдами;
2. Турецкое правительство, в свою очередь, обязуется принять рекомендации комиссии в период 3 месяцев после получения;
3. Если через год после вступления в силу турецкого мирного договора курды обратятся в Совет Лиги Наций – и если Совет решит, что они “способны к такой независимости” – Турция обязуется уступить все права на соответствующие территории (к востоку от Евфрата, к югу от южных границ Армении, к северу от северных границ Сирии и Месопотамии);
4. В этом случае союзные державы не будут возражать против присоединения курдов, населяющих Мосул (т.е. северный Ирак, Иракский Курдистан).⁸²

По сути, эти пункты были воспроизведены в Севрском мирном договоре.⁸³ Вместе с тем необходимо отметить, что Севр предполагал реализацию “усечённого” Курдистана, поскольку курдские территории, занятые Англией и Францией, должны были оставаться под контролем колониальных держав.⁸⁴ Как пишет по этому поводу МакДауэлл, в силу данного обстоятельства курды оставались неуверенными в своём будущем и некоторые из них опасались возмездия со стороны союзников за участие в геноциде армян.⁸⁵

⁸² Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917-1923). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1989. С. 158.

⁸³ The Treaty of Sèvres, August 10, 1920 // The World War I Document Archive [Электронный ресурс] URL: <http://gwpda.org/versa/sevres1.html> (дата обращения: 30.01.2022)

⁸⁴ Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность. Институт востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015. С. 147.

⁸⁵ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 117.

Севрский договор сыграл ключевую роль в последующем становлении курдского национализма в XX в., несмотря на то, что его положения никогда не были реализованы. Успешное ведение боевых действий в Анатолии со стороны Мустафы Кемал-паши привело к тому, что иностранная интервенция (прежде всего, греко-британская) была разгромлена. Значительная часть курдов Анатолии, в свою очередь, поддержала национальное движение под руководством Мустафы Кемал.

Связано это было с тем, что в начале 1919 г. представителями партии “Единение и прогресс” был создан ряд местных групп на юго-востоке Анатолии, получивших название “Комитеты за турецко-курдскую независимость” в таких городах юго-востока как Урфа, Мардин и Диярбакыр. Будучи хорошо организованными, они осуществляли целенаправленную пропаганду против иностранной интервенции. Фактически речь шла о вовлечении курдов в новые политические организации младотурок/кемалистов (включая такие турецко-националистические как *Türk Ocakları* – “Турецкие очаги”).⁸⁶

В целом, следует отметить, что на протяжении всей войны за независимость туркам не составило большого труда мобилизовать курдское население, поскольку основным инструментом агитации против иностранного вторжения выступала религия. И, напротив, последующая ликвидация Кемалем халифата привела к заметному недовольству в курдских районах новой Республики.⁸⁷ По мнению Д. Романо, курдские политические элиты того периода были представлены племенными вождями и шейхами и именно в их среде вызревала идея создания независимого или автономного курдского государства в противовес лаицистски настроенным кемалистам⁸⁸. На актуализацию национального сознания курдов оказал фактор иностранной интервенции, в том числе со стороны “неверных” греков и

⁸⁶ Zürcher E. *Turkey: A Modern History*. I.B. Tauris & Company, 2017. P. 129.

⁸⁷ Лазарев М.С. *Курдистан и курдский вопрос (1923-1945)*. Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 49.

⁸⁸ Romano D. *Kürt Dirilişi. Olanak, Mobilizasyon ve Kimlik*. Vater, 2010. S. 51.

армян. Из всех государств-победителей в мировой войне именно Англия активнее всего выступала за создание курдского государства⁸⁹. Так, первое курдское восстание после распада Османской империи – племена кочгири в 1921 г. в районе Дерсима вспыхнуло под лозунгом претворения в жизнь условий Севрского соглашения в части национальных интересов курдов, когда восставшие курды-кочгири, воспользовавшись военной операцией греческих войск в Турции, отвлекшей внимание кемалистов, и ожидая поддержки от Англии, Франции и Греции, объявили об удалении турецкой администрации из подконтрольных ими (крайне незначительных) территорий в Дерсима. Однако их религиозный (алевитский) партикуляризм использовался кемалистами для того, чтобы не допустить распространения их националистических идей на другие курдские племена. С другой стороны, в период войны с внешними интервентами за независимость, кемалисты пытались заручиться поддержкой курдов и предводителя восстания племена кочгири Алишан-бея (добавим: представителю алевитов – религиозного “миллета”, важнейшей идеологией которого считалось неподчинение власти халифа). Ему было предложено стать депутатом нового турецкого Великого национального собрания⁹⁰, а само восстание было жестоко подавлено 4-тысячным корпусом под командованием Нуреддин-паши. Д. Романо выдвигает гипотезу, что кемалистам удалось сохранить внутреннее курдское единство на территориях, освобожденных в период войны за независимость от иностранной оккупации, во многом акцентируя опасность создания армянского государства на территориях компактного проживания курдов⁹¹. Это подтверждается и тем, что после распада Османской империи границы воображаемого Курдистана и воображаемой Армении во многом совпадали⁹².

⁸⁹ Romano D. Kürt Dirilişi. Olanak, Mobilizasyon ve Kimlik. Vater, 2010. S. 51.

⁹⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 186.

⁹¹ Romano D. Kürt Dirilişi. Olanak, Mobilizasyon ve Kimlik. Vater, 2010. S. 55.

⁹² Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность. Институт востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015. С. 71.

Итогом войны за независимость стало заключение Лозаннского мирного договора и провозглашение Турецкой Республики в 1923 г. в тех границах, в каких она существует сегодня ⁹³ (за исключением провинции Хатай, которая была присоединена к Турции, выйдя из состава Сирии в 1939 г.).

Упомянув договоры Севра и Лозанны, необходимо отметить, что вопрос о территориальной принадлежности нефтеносного Мосула не получил в их рамках своего разрешения. В итоге он стал предметом отдельных дипломатических дебатов, приобретая самостоятельное значение; при этом претензия Турции состояла в том, чтобы за счёт Мосула расширить границы Республики на юго-востоке. Конфликт по поводу Мосула – с одной стороны, между Англией и Францией, с другой стороны, между Турцией и Британией (как мандатарием Ирака) – был вызван, в первую очередь обнаруженными в этом регионе на севере Ирака крупными нефтяными месторождениями. В то же время мосульский вопрос оказался связан непосредственно с курдской проблематикой, т.к. большую часть населения провинции Мосул составляли курды. В конечном итоге, он стал камнем преткновения в отношениях между Турецкой Республикой и Ираком, который оставался подмандатной территорией Британии до 1930 г. Переговоры между Турцией и Британией проходили в несколько раундов на протяжении нескольких лет, но достаточно долго не могли привести ни к какому результату.

Одним из аспектов соглашения Сайкса-Пико, тайно заключённого в 1916 г. между Британией, Францией и Россией о послевоенном разделе Османской империи, стало то, что Франции должны были отойти территории современной Сирии, включая также север современного Ирака (в т.ч. Мосул), в то время как Британии – вся остальная территория Ирака: от Басры на юге вплоть до Киркука на севере. Однако, как уже было отмечено, вскоре стало известно, что север Ирака изобилует углеводородами. В результате

⁹³ Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne, July 24, 1923 // The World War I Document Archive [Электронный ресурс] URL: <http://gwpda.org/versa/sevres1.html> (дата обращения: 30.01.2022)

британским дипломатам удалось настоять на том, чтобы Мосул был включён в состав Ирака так же, как и Басра.

Впоследствии соглашение Сайкса-Пико было опубликовано большевиками сразу после прихода к власти в России в октябре 1917 г. Данное обстоятельство было использовано британской стороной в ходе переговоров с Турцией по Мосулу в качестве контраргумента на заявление турецких представителей о том, что изначально Мосул должен был быть передан Франции. Позиция Британии – к моменту отдельных переговоров с Турцией по Мосулу – заключалась в том, что ввиду публикации этого секретного договора значение политических договорённостей, достигнутых в нём стало в юридическом смысле ничтожно.

Одним из ключевых аргументов британцев в пользу того, что Мосул должен быть присоединён к Ираку, а не Турции состоял в том, что его население состояло по-преимуществу из курдов. Так, согласно данным, приведённым лордом Керзоном на начальном этапе переговоров, курдское население Мосула составляло 66 тыс. чел., в то время как курдов – 455 тыс. чел. (при общем населении в 786 тыс. чел., включая арабов, христиан и иудеев). В свою очередь представлявший на тот момент турецкие интересы Инёню делал акцент на положениях “Национального обета”. Иными словами, претензии турок состояли в том, что территории, оккупированные войсками Антанты – большинство населения которых (якобы) представляют турки – должны быть возвращены в состав Турции. Турция не отказывается от своих прав на эти территории и оставляет за собой право “проявлять заинтересованность в благополучии турецких и мусульманских народов, проживающих на оккупированных территориях, в соответствии с принципами Вильсона”.⁹⁴

Однако Британия не желала уступать и, как следствие, решение вопроса было передано Лиге Наций. Требование Турции о проведении референдума

⁹⁴ Cuthell D. A Kemalist Gambit. A View of the Political Negotiations in the Determination of the Turkish-Iraqi Border // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 82.

не было удовлетворено⁹⁵ (в то время как турецкое руководство имело все основания полагать, что комиссия Лиги Нации станет инструментом легитимации интересов великих держав). Прежние претензии Британии были дополнены обвинениями Турции в организации массовых убийств армян и ассирийцев, а также тем, что в Турции (приграничной провинции Хаккари) имеют место притеснения несториан. Как пишет по этому поводу Шимшир, возобновление переговоров в мае 1924 г. совпало с восстанием несториан, (инспирированным, по его мнению, британскими спецслужбами).⁹⁶ В свою очередь, британцы утверждали, что Ирак не смог бы защитить себя без такой горной границы, которую представлял собой Курдистан.

Поскольку никакого соглашения достичь не удалось, спор был передан на рассмотрение Лиге Наций. Ею было принято решение направить в Мосул комиссию, которая состояла бы из международных представителей, целью которой стало бы выяснить настроения местного населения, узнать, желают ли они присоединиться к Турции или Ираку. Следует отметить, что, несмотря на то, что на членов комиссии оказывалось давление со стороны Британии, ими было признано наличие у Турции законного права на обладание Мосулом.⁹⁷

Как утверждает С. Шилдс, вследствие того, что население Мосула было смешанным, представленным большим количеством национальностей, языков и культур, преобладающими были ненациональные формы идентичности. Как следствие этого, сама постановка вопроса – о том, что национальная идентичность определит интересы людей (из чего комиссия Лиги Наций исходила) – оказалась ошибочной. Во-первых, такой идентичности не существовало. Во-вторых, свои интересы люди выражали в других понятиях, формах солидарности (религия, племя, гильдия,

⁹⁵ Eyicil A., Hamadlak P. Türkiye - Irak İlişkiler'inde Musul Sorunu // Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2015. Cilt 12, Sayı 2, S. 81.

⁹⁶ Şimşir B. Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 864.

⁹⁷ Shields S. Mosul Question: Economy, Identity, and Annexation // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 53.

населённый пункт). Этническая принадлежность не была фактором, сколь-нибудь определяющим интересы людей. Люди также не желали отказываться от “множественных” идентичностей, будучи поставленными перед жёстким выбором: выступать “за турок” (Турцию) или “за арабов” (Ирак). Как утверждает Шилдс, многие выступали за присоединение к Турции, но вместе с тем секуляристский курс кемалистов был для них неприемлем. В то же время было много готовых выступить за вхождение Мосула в составе Ирака, однако при условии, что он стал бы независимым государством без чьего-либо (прежде всего британского) верховного руководства.⁹⁸

Заключение Комиссии оказалось неоднозначным. Так, с одной стороны, было подтверждено, что “с правовой точки зрения спорная территория должна рассматриваться как неотъемлемая часть Турции”, но, вместе с тем, в конечном итоге, Комиссия рекомендовала присоединить Мосул к Ираку. Сделать это планировалось на следующих условиях:

1. Район должен был оставаться под мандатом Лиги Наций на протяжении 25 лет (аналогичное положение заключал в себе британо-иракский договор, заключённый в 1926 г., применительно к самому Ираку – он должен был оставаться подмандатной территорией 25 лет, либо до тех пор, пока не станет членом Лиги Наций);⁹⁹
2. Курды должны были быть назначены на административные, образовательные и судебные должности – там, где исполнение этих должностей подразумевает взаимодействие с людьми, родным языком которых является курдский.¹⁰⁰

В противном случае (т.е. непредоставления курдам культурных прав, а также прекращения контроля Лиги Наций по истечении действовавшего в тот период договора между Ираком и Великобританией), по мнению Комиссии,

⁹⁸ Shields S. Mosul Question: Economy, Identity, and Annexation // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 55-57.

⁹⁹ Договор, заключённый между Великобританией и Ираком 13 января 1926 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 207-208.

¹⁰⁰ Shields S. Mosul Question: Economy, Identity, and Annexation // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 57-58.

“большинство людей предпочло бы турецкий суверенитет арабскому”.¹⁰¹ Иными словами, можно сказать, что уступка в плане культурных прав курдам представляла собой, своего рода, “моральное” оправдание нежелания Британии уступить спорную территорию кемалистской Турции (независимо от того, диктовалось это только стремлением обезопасить Ирак, включив в его границы горный регион, или также стремлением обеспечить себя нефтяными ресурсами). В конечном итоге сам Ирак представал в качестве, своего рода, “звена” в цепочке коммуникаций (морских и воздушных) Империи: между метрополией и главной колонией – Индией.

Таким образом, соглашение между Великобританией и Турцией было заключено в июне 1926 г. Турция отказывалась от претензий на Мосул в обмен на 10%-е роялти с доходов от иракской нефти.¹⁰² Данное соглашение знаменовало, фактически, установление отношений между Турцией и Ираком (вместе с тем современные турецкие исследователи критикуют его за то, что в него не были включены иракские туркоманы¹⁰³ – что впоследствии стало если не “камнем преткновения”, то весомым фактором отношений между двумя странами).

Вполне возможно, что на уступчивость турецкой стороны повлияло то, что годом ранее, весной 1925 г. на юго-востоке страны вспыхнуло восстание курдов во главе с шейхом Саидом Пирани. Восстание носило массовый характер (став крупнейшим вызовом новому турецкому режиму после окончания войны за независимость) и его разгром дался кемалистом большой ценой. В то же время можно предположить, что турецкому правительству стало ясно, что даже если бы контроль над Мосулом был предоставлен, оно не смогло бы удержать его (прежде всего, из-за преобладающего курдского населения).

¹⁰¹ Shields S. Mosul Question: Economy, Identity, and Annexation // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 57-58.

¹⁰² Договор между Великобританией, Ираком и Турцией, заключённый в Ангоре 5 июня 1926 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 208-210.

¹⁰³ Kayıran M., Saygın S. Irak Türkmenleri // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2015. Cilt (Sayı) 31, S. 286.

Таким образом, можно сделать вывод, что по состоянию на начало XX в. курды оказались на острие “передовых” событий своего времени. Произошло это в силу объективных – в том смысле, что минимально зависевших от них – обстоятельств международной политики. Несмотря на то, что курды (прежде всего, их вожди) могли желать приближения крушения Османской империи (чем некоторые из них – особенно в Ираке – действительно попытались воспользоваться), дальнейшие события показали, что курдское национальное движение (КНД, если о таком феномене в тот период вообще можно говорить) было не в состоянии сохранять инициативу (не говоря уже о том, чтобы направлять международную повестку в интересующем его русле). Имея (во всяком случае, теоретически) право на самоопределение в соответствии с Севрским договором, они не смогли им воспользоваться. Всё это свидетельствует о низкой субъектности КНД по состоянию на начало 20-х гг. XX в. Уже на момент начала войны за независимость в Анатолии, многие курды выступили на стороне младотурок (что впоследствии сыграло свою роль в том, что новое кемалистское руководство не сочло необходимым предоставлять курдам какую-либо автономию, ограничившись провозглашением унитарного статуса Республики).

1.2 Иракский Курдистан как очаг курдского национального движения между двумя мировыми войнами

Следует отметить, что ещё до того, как в 1926 г. между Ираком и Турцией был заключён договор, решивший судьбу Мосула (равно как границы между Ираком и Турцией), КНД получило стимул к своей актуализации, притом как в Турции (восстание шейха Саида в 1925 г.), так и в Ираке. Ситуация в Ираке была более сложной и становление КНД в нём было связано с рядом восстаний, которые ассоциируются в первую очередь с именем шейха Мустафы Барзанджи из Сулеймании.

Проблемой представителей передового просвещенного курдского истеблишмента, проживавшего в основном в Стамбуле, было то, что они не имели связей с теми курдами, что жили на юго-востоке страны. Эти люди не пользовались никакой поддержкой и большая часть их деятельности носила характер откровенного прожектёрства (как изначально, в Стамбуле, так и в более поздний период, в эмиграции в Сирии, когда была создана организация “Хойбун”).¹⁰⁴ Однако это не означало, что, во-первых, курды, проживавшие на территории этнического Курдистана (прежде всего, те из них, что оказались теперь в составе подмандатной территории Ирак) не стремились к независимости. К этому их стимулировали представители традиционных курдских элит - такие, как вожди (ага) и шейхи. А, во-вторых, это не означало, что сами страны державы-победительницы в мировой войне не стремились к тому, чтобы заручиться поддержкой таких шейхов вождей племён. В качестве одного из возможных руководителей гипотетического независимого Курдистана Англией, во всяком случае, до 1920 г, рассматривался просвещенный шейх Саид Таха, говоривший на нескольких языках, но имевшем ограниченное влияние не территории, которые впоследствии станут частью Турецкого Курдистана (вместе с этим, шейх

¹⁰⁴ Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917-1923). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1989. С. 105.

являлся близким родственником клана Талабани из Южного (Иракского) Курдистана). Опираясь на авторитет и расположение местных вождей и шейхов, двум британским офицерам в Ираке, майорам Соану и Ноэлю – уже имевшим к тому моменту опыт взаимодействия с курдами – было поручено поддерживать переговоры с ага и шейхами, с целью заручиться их поддержкой и минимизировать издержки британской короны по оккупации Месопотамии.¹⁰⁵ Представляется необходимым отметить, что изначальный проект Ноэля подразумевал создание курдского государства, которое включало бы в себя территорию Анатолии вплоть до Вана, т.е. на 90 миль севернее “Брюссельской линии”, установленной накануне визита комиссии Лиги Наций в Ирак (которая и стала впоследствии турецко-иракской границей). После крупного анти-британского восстания на юге Ирака в 1920 г., когда в столкновениях погибло до 10 тыс. иракцев¹⁰⁶ и 500 английских военных, а также на фоне подъема ирландского национального вооруженного сопротивления в самом Соединенном Королевстве (вооруженное восстание Ирландской республиканской армии 1919 -1921 гг) британские официальные лица изменили свою точку зрения и стали исходить из того, что интересам Британии на тот момент соответствует скорейшая ратификация Лозаннского мирного договора и делимитация окончательной турецко-иракской границы. Как писал Д.Филдхаус в предисловии к воспоминаниям британского представителя в Ираке с 1918 г Уолласа Лиона, “решение Британии не создавать один или несколько автономных “курдистанов” можно объяснить и оправдать тем, что будь Курдистан создан таким, каким он мыслился до 1920 года, это было бы государство с полным отсутствием внутренней сплоченности”¹⁰⁷.

Британские войска покидали северный Ирак, в то время как финансы Империи находились в плачевном состоянии вследствие ведения 4-летней

¹⁰⁵ Sluglett P. Britain in Iraq: Contriving King and Country. Columbia University Press, 2007. P. 77.

¹⁰⁶ Satia P. Spies in Arabia: The Great War and the Cultural Foundations of Britain's Covert Empire in the Middle East. Oxford University Press, 2008. P. 202.

¹⁰⁷ Kurds, Arabs and Britons. The Memoir of Wallace Lyon in Iraq (1918-1944). Tauris, 2002. P. 39.

войны на истощение против держав Четверного союза. Как уже отмечалось, в период с июня по октябрь 1920 г. южная часть страны (включая Багдад) была сотрясаема крупнейшим антибританским восстанием. В середине ноября шейх Махмуд Барзанджи, глава ордена кадирия в Сулеймании, был назначен – при поддержке большинства вождей курдских племён – хукумдаром Сулеймании. Значительную роль в этом сыграла позиция Ноэля, с точки зрения которого необходимо было иметь какую-то опору в лице курдов против потенциальной угрозы со стороны турок (равно как анатолийских курдов, которые находились в коалиции с кемалистами вплоть до завершения войны за независимость, провозглашения Республики в 1923 г. и ликвидации халифата в 1924 г.). Следует признать, что на тот момент большинство курдских вождей выразило готовность сотрудничать с представителями британской администрации в Ираке. Ещё в 1918 г. вождями, проживавшими вблизи Сулеймании, было создано “временное правительство”, которое придерживалось дружественных отношений с Британией и обратилось с соответствующими призывами о сотрудничестве к вождям остальных племён Иракского Курдистана.¹⁰⁸ Одним из следствий этого стало то, что турки оказались вынуждены оставить Сулейманию, уступив британскому наступлению, которое было поддержано курдами.

Однако достаточно быстро британские администраторы столкнулись с целым рядом проблем, разрешить которые вполне удовлетворительно им – в конечном итоге – так и не удалось. Так, с одной стороны, Ноэлем было установлено (за время его визита в Восточной Анатолии весной 1919 г.), что вплоть до конца мировой войны солидарность курдов была основана на страхе (по всей видимости, инспирированном пропагандой младотурок), что теперь союзники нанесут им ущерб вследствие участия в геноциде против армян и ассирийцев. Теперь же, после того, как стало ясно, что это не входит в намерения держав-победительниц, прежние распри между лидерами

¹⁰⁸ Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917-1923). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1989. С. 23.

отдельных кланов вспыхнули с новой силой. Одной из основных проблем КНД (внешних проявлений внутренних противоречий курдского общества – будь то в Ираке или Турции) было отсутствие одного шейха или аги, авторитет которого был бы бесспорным для всех остальных представителей нобилитета (аналогичная проблема также была характерна для иракских арабов, где она усугублялась фундаментальным расколом между суннитами и шиитами). Притом, что шейх Махмуд, по всей видимости, пользовался наибольшей поддержкой среди других племенных вождей (иначе неясно, почему британцы сделали ставку именно на него), этой поддержки было явно недостаточно: даже для того, чтобы контролировать Халабджу или Пенджвин, которые находились в двадцати милях от Сулеймании.¹⁰⁹ Аналогичную проблему (отсутствия сколь-нибудь массовой поддержки) испытывали семьи Бадрханов, а также Бабан.

С этой точки зрения нельзя сказать, что британцы проводили недальновидную политику. Скорее, наоборот, они прилагали все усилия к тому, чтобы максимально стабилизировать то государственное образование, что было искусственно ими создано (притом, что, как отмечено исследователями, Мосул на севере исторически всегда имел большие связи с Ираном, чем с Басрой, которая, в свою очередь, ориентировалась на торговлю с Индией: создание новых границ в регионе привело к полной дезорганизации прежних торговых и хозяйственных связей).¹¹⁰ Но, во-первых, шейх Махмуд Барзанджи оказался очень амбициозен (вплоть до того, что предъявил претензии на власть над курдами, проживавшими на территории Ирана). Во-вторых, в распоряжении британцев не нашлось другого лидера, который пользовался бы сопоставимой поддержкой. Потенциальный конкурент шейха Махмуда, шейх Сайид Таха из Нери, потомок лидера курдского восстания 1880 г. Обайдуллы (и дальний родственник рода Талабани) пользовался поддержкой не большей, чем шейх

¹⁰⁹ Sluglett P. *Britain in Iraq: Contriving King and Country*. Columbia University Press, 2007. P. 78.

¹¹⁰ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship*. I.B. Tauris, 2001. P. 2.

Махмуд. Относительно того, насколько он был лоялен британской администрации, можно только предполагать. Так, например, М.С. Лазарев не был склонен её преувеличивать.¹¹¹ В итоге к маю 1919 г. британские власти были вынуждены ликвидировать власть шейха Махмуда, поскольку он оттолкнул от себя даже тех немногих, на поддержку которых он мог рассчитывать.¹¹² Вместо этого он пытался расставить на все значимые должности либо родственников, либо сикофантов – впрочем, делая, по всей видимости, то немногое, что мог для укрепления своей власти в условиях курдского общества того периода (единственным действенным типом связи в котором, в конечном итоге, оказывались патронажно-клиентские отношения).

В свою очередь, британский агент Соан, посланный для взаимодействия с вождями племён, отмечал, что, с одной стороны, курды якобы понимали, что могут с лёгкостью сбросить с себя гнёт британцев. Однако, в то же самое время, поражение восстания шейха Махмуда (отсутствие “должной” поддержки со стороны других курдских племён) свидетельствовало как нельзя более красноречиво в пользу того, что даже в том случае, если такое сознание действительно имело место, его было совершенно недостаточно. Дисперсной оставалась структура самого курдского общества (чем британцы в полной мере пользовались, делая ставку на взаимодействие с шейхами по отдельности, устанавливая отношения с ними напрямую)

Вместе с тем – в ситуации отсутствия договорённости с Турцией по Мосулу – ситуация на границе оставалась напряжённой. Как минимум восемь британских офицеров погибли в период с июля 1921 г. по декабрь 1922 г. С точки зрения западных исследователей, фактор наличия провокаций со стороны турок (в плане “молчаливого содействия иракским курдам”) не вызывает сомнений. Так в начале 1922 г. в Равандузе (на территории

¹¹¹ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 40.

¹¹² Sluglett P. Britain in Iraq: Contriving King and Country. Columbia University Press, 2007. P. 78.

современного Ирака, который в тот момент был оккупирован Турцией) находился представитель кемалистов, летом его сменил полковник Оздемир, который постепенно распространял турецкое влияние в Иракском Курдистане.¹¹³

Вместе с тем политика турок в этом направлении оказалась непоследовательной. Так, 3 марта 1924 г. был упразднён халифат и это привело к падению авторитета Турции не только среди курдов Анатолии (что будет рассмотрено подробнее), но, в ещё большей степени, среди иракских курдов. Турки больше не могли апеллировать в своей агитации и пропаганде к соображениям религиозного единства.

Однако угроза турецкого вторжения оставалась и, как следствие этого, британским руководством было принято решение пойти на компромисс со своевольным шейхом Махмудом, чтобы он вернулся и смог, в случае необходимости, подавить восстание других иракских курдов (на тот случай, если бы Оздемиру удалось устроить восстание в иракской части Курдистана). Однако это ни к чему не привело. Он по-прежнему отказывался безоговорочно подчиняться англичанам, но в то же время не мог консолидировать вокруг себя поддержку достаточную, чтобы иметь возможность противопоставить им какую-то реальную силу¹¹⁴. Одновременно с этим он установил контакты с Оздемиром, пытаясь выяснить, на что он может рассчитывать со стороны турок. В итоге им даже было заключено соглашение в Равандузе, согласно которому:

1. Турецкое правительство обещает независимость Южному Курдистану и невмешательство в его внутренние дела, но без права ведения независимой внешней политики;
2. Шейх Махмуд признаётся правителем Южного Курдистана с правом на собственный представительственный орган (меджлис);

¹¹³ Sluglett P. Britain in Iraq: Contriving King and Country. Columbia University Press, 2007. P. 80.

¹¹⁴ Hilmi R. Memoirs Yaddasht: Iraq & Kurdistan (1908-1923), Iraqi Kurdistan and the Revolutions of Sheikh Mahmud. London. 2007. P. 136.

3. Границам Южного Курдистана соответствуют река Тигр на западе, иранская граница – на востоке, хребет Джебель-Хамрин – на юге и каза (район) Шемдинан – на севере;
4. Южный Курдистан получает право на собственные вооружённые силы;
5. В случае войны обязан предоставлять Турции военную помощь;
6. Турция получает возможность проводить свои войска в случае войны;
7. Турция может оказывать Южному Курдистану моральную и материальную помощь;
8. Правительство Южного Курдистана само определяет районы размещения своих погранвойск.

Также имелись ещё два пункта, но о них информатору советского консульства в Урмии узнать ничего не удалось.¹¹⁵

Однако шейх Махмуд не поверил туркам и направил делегацию в Анкару, где на встрече с премьером Рауфом Орбаем его сторонники потребовали подтверждений обещаниям Оздемира. Турецкая сторона заняла уклончивую позицию, отказавшись брать на себя предоставления каких-либо гарантий, рекомендовав вместо этого сохранять внешнюю лояльность к британцам.¹¹⁶

В конечном итоге, интересам британцев соответствовало установление стабильности в регионе. Они отказались от планов ещё большей экспансии на территорию Турции (“дипломатическим” выражением чего стало давление на Хаккяри, упомянутое в предыдущем разделе). Более того, фактически было зафиксировано, что присутствие Турции в Диярбакыре лучше, чем вакуум государственности на территориях, населённых таким воинственным и разобщённым – вследствие отсталости своих общественных отношений – народом, каковым курды являлись.¹¹⁷

¹¹⁵ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 39.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 121.

В свою очередь, репрессии, обрушившиеся на турецких курдов со стороны кемалистов вследствие восстания шейха Саида 1925 г., не обошли стороной и северный Ирак. Британия, подмандатной территорией которой Ирак оставался на протяжении 20-х гг., была обеспокоена возможностью восстаний иракских курдов. Нельзя сказать, что опасения британского руководства были безосновательными. С одной стороны, не так много времени прошло с тех пор, как шейх Махмуд Барзанджи восстал против их власти. И хотя его восстание было успешно подавлено, теоретически угроза новых восстаний со стороны непокорных курдских племён – живших по обе стороны турецко-иракской границы и поддерживавших между собой постоянную коммуникацию – сохранялась. С другой стороны, договорённость по поводу Мосула ещё не была достигнута. Как следствие, угроза провокаций со стороны турок также сохранялись.

Поначалу британцы предприняли прямое давление на курдских шейхов, чтобы те подписали петиции против присоединения Мосула к Турции. Однако вскоре поток беженцев из Турции и их рассказы о расправах над восставшими произвели на иракских курдов впечатление, которое могло способствовать лишь их принятию власти Британии (арабской монархии) над собой. В то же время, преследуя курдских повстанцев, турецкие войска неоднократно пересекали границу, дестабилизируя ситуацию в регионе.¹¹⁸ В частности, в июне 1925 г. на территорию иракских племён проникли батальон и рота турок с четырьмя пулемётами. Между ними и отрядом сейида Абдуллы и шейха Муслиха (также прибывших с территории Турции) произошёл бой, по итогу которого турецкие войска понесли значительные потери. В свою очередь, британцы и лояльные им вожди курдов (прежде всего, Сейид Таха – брат шейха Муслиха) воспользовались этим в целях антитурецкой пропаганды, чтобы не допустить перехода Мосула в руки Турции дипломатическим путём.

¹¹⁸ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 77.

Несмотря на наличие у британцев идеи организации активного вооружённого сопротивления Турции, от неё решено было отказаться (чтобы не провоцировать неповиновения курдов также “по эту” сторону границы). Сейиду Абдулле и 700 беженцам, прибывшим с ним, было предоставлено убежище с возможностью размещения в Равандузе. Предпринимать какие-либо действия на границе было запрещено, чтобы не поощрять новых провокаций турецкой армии. С точки зрения М.С. Лазарева, сделано это было с той целью, чтобы не допустить превращения Абдуллы в нового (после шейха Махмуда) лидера КНД курдов, теоретическая угроза возникновения которого колониальной администрацией по-прежнему просматривалась.¹¹⁹ Однако, несмотря на наличие прямого запрета, порядка 1 тыс. курдов племени гоян были намерены пересечь границу, чтобы принять участие в борьбе против Турции. О своей готовности принять участие в войне против турок – при наличии согласия британской администрации – также заявил шейх Ахмед Барзани, племя (по сообщениям британских дипломатов – конфедерация племён) которого пользовалась большим влиянием среди иракских курдов.¹²⁰ Именно представителям клана Барзани вскоре предстояло сыграть судьбоносную роль в КНД Ирака. С нашей точки зрения, это свидетельствует в пользу наличия тесных связей между иракскими и турецкими курдами в рассматриваемый период. Представляется вероятным, что они были консолидированы, до определённой степени, общим чувством ненависти по отношению к туркам (истоки которой, в свою очередь, можно просматривать в подавлении курдских восстаний ещё в Османской империи). В то же время не следует сбрасывать со счетов, по-видимому, также имевшего место желание сбросить с себя власть британцев, как минимум в том случае, если они проявят слабость (пример Арабского восстания был в

¹¹⁹ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 77.

¹²⁰ Там же, С. 78.

этом смысле нагляден: ненависть по отношению к колонизаторам была всеобщей).

Следует отметить, что данная ситуация беспокоила представителей британской администрации. Любая активность иракских курдов – даже в отношении Турции – рассматривалась британцами как угроза, т.к. поднимала курдский вопрос, де-факто, на уровень региональной проблемы, становясь, тем самым, вопросом международных отношений (в т.ч. суверенных стран, а не только стран-мандатариев). Как следствие этого, британская колониальная политика (в лице, в частности, административного инспектора в Мосуле Р.Ф. Джордина) пришла к пониманию того, что не только сепаратистские тенденции, но даже попытки иракских курдов после восстания шейха Саида и юридического отторжения Мосула взаимодействовать со своими турецкими собратьями противоречат интересам Империи. Он был убеждён, что достижение договорённости с Турцией по вопросу Мосула (фактически – окончательной делимитации границы между Ираком и Турцией) позволит нарушить те связи, что традиционно существовали между курдами обеих стран. В то же время он придерживался позиции, согласно которой “курды связывают свою судьбу с Ираком в той мере, в какой они отдаляются от восстаний в Турции”.¹²¹

Следует отметить, что последующие события показали ошибочность взглядов Джордина по обоим пунктам. Так, с одной стороны, заключение договора по Мосулу между Турцией и Ираком летом 1926 г. не означало автоматически создание эффективной пограничной службы на соответствующей границе. Ни у одной из стран не было ресурсов для создания подобной системы, более того, можно сказать, что эта проблема оставалась актуальной до известной степени и во второй половине XX в.¹²² С другой стороны, становление КНД Ирака в рассматриваемый период не было

¹²¹ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 78.

¹²² Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 239.

связано напрямую (политически) с восстаниями в Турции. Оно было порождено внутренними противоречиями де-факто колониальной политической жизни Ирака 20-30-х гг. (равно как противоречиями, имманентно присущими курдскому обществу: которые, с этой точки зрения, – применительно к рассматриваемому этапу – были примерно одинаковыми что в Ираке, что в Турции).

Одним из значимых событий на границе Турции, Ирака и Сирии в марте 1926 г. стало восстание племён харки во главе с неким Хаджо. К восстанию также примкнул ряд других племён (джавала, кочарян, даккори, дакшури, шитиян, шернак, бохтан и ремекан). Оно охватило приграничные территории всех стран, основной мишенью восставших выступали турецкие сотрудники правопорядка. В результате рейда на Нусайбин было убито порядка 60 турок. Получив отпор со стороны Турции, Хаджо смог уйти на территорию Ирака, где получил право мирного проживания в Багдаде. Летом того же года он вновь пересёк турецко-иракскую границу, где организовал новые беспорядки против турецкой власти: в Мусайбине, Мидьяте, Джизре и Мардине. После этого он вновь ушёл в Ирак и спокойно поселился в Мосуле.¹²³ Представляется, что британцы использовали его на заключительном этапе переговоров по Мосулу с целью оказания давления на турецкое руководство. Несмотря на то, что вплоть до этого момента аналогичные действия предпринимались и с турецкой стороны (в лице полковника Оздемира), к 1926 г. инициатива, по всей видимости, оказалась на стороне британской короны.

После 1926 г. беспорядки на границе прекратились, однако они возобновились летом 1930 г., когда, в результате беспорядков на территории Турции (Араратского восстания) турецкие курды осуществили разгром турок в районе Башкале. Соответствующий участок турецко-иракской границы оказался открыт. В результате этого в обе стороны началось активное

¹²³ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 81.

движение курдских племён. В свою очередь, со стороны Турции выступил некто Осман-ага с отрядом в 2 тыс. чел. Как утверждает М.С. Лазарев, ему и другим курдским вождям удалось заключить соглашение с шейхом Ахмедом Барзани, целью которого выступили агенты турецкой власти на юго-востоке.¹²⁴ Рейды носили систематический характер, в конце июля порядка 500 всадников пересекло турецкую границу и вторглось в Хаккари (современная территория Турции). Местные власти в Ираке прилагали усилия к тому, чтобы отговорить вождей других племён (Зибара, Амадии и Захо) от участия в этой кампании. Урон, нанесённый туркам, был значителен. Примечательно, что в данной ситуации курды Ирака и Турции действовали сообща, как если бы они не были разделены государственной границей, а также не имели ни различий, ни противоречий (прежде всего, в плане племенных интересов) друг с другом. Причины этих выступлений (не считая соображения солидарности с турецкими курдами, поднявшими знамя Араратского восстания) остаются неизвестными.

Следует отметить, что турецким руководством были приняты меры по дипломатическому урегулированию конфликта. В ответ на их обращение (переадресованное британским послом в Турции британскому верховному комиссару в Ираке) турками был получен ответ, что Британия не занимается разжиганием курдского сепаратизма, а также приняла меры по контролю над иракскими племенами. Одновременно с этим было признано, что уведомить вождей о необходимости придерживаться политики метрополии сложнее, чем заставить их руководствоваться ею в контактах с их турецкими собратьями.¹²⁵

Несмотря на наличие указанных контактов между официальными представителями Ирака и Турции, курды продолжали совместное взаимодействие, направленное против турок. На помощь турецким курдам

¹²⁴ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 153.

¹²⁵ Там же.

(сыну некого Сидо-аги) шейх Ахмед Барзани дважды направлял подкрепление в количестве 100 чел. В результате турецкие погранвойска были вынуждены отступить вглубь территории страны.¹²⁶

Для урегулирования конфликтной ситуации на турецко-иракской границе в середине сентября 1930 г. в Анкару прибыл глава иракского правительства Нури Саид. Во время его переговоров с премьер-министром Турции Инёню и министром иностранных дел Тевфиком Рюштю те выразили серьёзную озабоченность в связи с действиями шейха Ахмеда Барзани. Нури Саид попытался представить виновными самих турок, неспособных пресечь контакты между курдскими вождями Турции и Ирака. В ответ на это турки немедленно предложили организовать совместную экспедицию против Ахмеда Барзани. Иракский премьер решительно отверг этот вариант, чтобы не создавать прецедента. Вместе с тем официальные турецкие дипломатические источники (приведённые по Шимширу) не утверждают ничего подобного, а его собственная интерпретация – действительно имевших в том году переговоров – характеризует действия, предпринятые руководством обеих стран по части пограничного контроля – ещё до 1930 г. – как исключительно конструктивные и плодотворные в плане своих практических результатов.¹²⁷ Тем не менее, влияние факта Араратского восстания остаётся несомненным.

Между тем, инциденты на границе продолжались. Иракские власти пытались удержать шейха Ахмеда Барзани от вмешательства в турецкие дела. Тот, в свою очередь, пытался сохранить хрупкий баланс интересов, делая вид, что не понимает, что ему вменяют. Однако, вопреки этому 22 августа 1930 г. 300 его последователей напали на деревню, расположенную

¹²⁶ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 154.

¹²⁷ Şimşir B. Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 881.

на турецкой границе. Как утверждает М.С. Лазарев, турецкие беженцы устремились после этого в Барзан (т.е. ушли в Ирак, перейдя границу).¹²⁸

Также согласно сведениям М.С. Лазарева, представителям турецких властей удалось установить контакты с шейхом Ахмедом и предложить – через него – вождям курдских беженцев возвратиться в Турцию на условиях полного помилования. Но последние уже успели втянуться в антиправительственную борьбу иракских курдов (которая имела место “параллельно” Араратскому восстанию и сразу после него), поэтому стали объектом пристального внимания иракского правительства, которое потребовало от шейха их выдачи. Ему не оставалось ничего иного, как попросить их (всего порядка 1,5 тыс. семей) покинуть его владения. Однако, представляется сомнительным, что они спешили это исполнить: турки смогли установить с ними контакты, снабжали оружием, снаряжением и деньгами, имея намерение использовать в интересах своей политики в Ираке и, в частности, для давления на того же Ахмеда Барзани (чем последний был крайне недоволен).¹²⁹

Можно сказать, что хронологически, по состоянию на тот момент, большая часть курдских восстаний имела место в период 1918-1926 гг. (будучи подстрекаемой с обеих сторон в период нерешённости Мосульского вопроса – вплоть до стремления оказать, тем самым, воздействие на дипломатическое разрешение вопроса), после чего ненадолго возобновилась в 1930 г. Основной причиной этого было, насколько можно судить, Араратское восстание курдов в Турции. Также в 1930 г. в Сулеймании произошли массовые акции протеста, вызванные нежеланием арабского руководства удовлетворять требование вождей курдов о предоставлении автономии.¹³⁰ Следует отметить, что после того, как британцы вернули шейха Махмуда из ссылки, он вновь восстал в 1922 г., однако – как и в первый раз –

¹²⁸ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 154.

¹²⁹ Там же, С. 155.

¹³⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 176.

безо всякого успеха (т.е. поддержки со стороны вождей других курдских племён). После того, как в 1924 г. британские сухопутные войска ушли, он вновь заявил о себе, в результате чего его штаб-квартира была разбомблена силами королевских ВВС.¹³¹ В 1930 г. он вновь попытался организовать восстание и снова безо всякого результата.¹³²

На основании этого можно утверждать следующее. Восстания курдов имели место на протяжении всех 20-х гг. XX в. Это можно было бы утверждать, даже если бы речь шла только о восстаниях Барзани. Однако насколько они могут быть названы национальным движением? Судя по тому, что шейх Махмуд прямо провозгласил себя “королём Курдистана”, это не вызывает сомнений. Однако поражает та лёгкость, с которой британским войскам (при всей ограниченности их послевоенного контингента в Ираке) всякий раз удавалось заставить его – хоть и не сдаться – но (вновь) бежать в горы. Это нельзя назвать национальным движением в полном смысле этого слова, т.к. начинание шейха Махмуда было лишено поддержки. В этом смысле не столь важно, разделял он сам идеи национализма или нет (мы согласны с Макдауаллом, что он был далёк от этого). Общество иракских курдов ещё не созрело для подобного движения. В то же время другие курдские ага и шейхи (которые только и могли мобилизовать массовую поддержку в условиях структуры традиционного курдского общества того периода) оставались равнодушны к его инициативам. По всей видимости, они просто питали к нему ревность и личную неприязнь (поскольку отказ от его поддержки не мешал им также предъявлять требования – если не о независимости, то, как минимум, автономии – центральному правительству; после 1932 г. – руководству формально независимого Ирака).

Помимо описанных событий (Араратского восстания в Турции и восстания шейха Махмуда) в 1930 г. между иракскими курдами также

¹³¹ Fatah R. The Kurdish Resistance to Southern Kurdistan Annexing with Iraq // Kurdishmedia.com [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20060418050534/http://www.kurdmedia.com/articles.asp?id=11980> (дата обращения: 22.01.2022)

¹³² McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 176.

вспыхнула межплеменная вражда, основным действующим лицом которой стал шейх Ахмед Барзани, старший брат Мустафы Барзани (с именем которого будет связан следующий этап КНД Ирака). Что касается шейха Ахмеда, то он, как утверждает Макдауалл, придерживался достаточно странных религиозных взглядов. Так один из его мулл, Абд аль-Рахман собирался провозгласить шейха Ахмеда “богом”, в то время как себя “пророком”. Также утверждается, что шейх Ахмед поощрял своих общинников есть свинину, что якобы должно было знаменовать синтез христианских верований с исламом накшбандийского толка.¹³³ Как следствие этого, уже скоро барзанцы подверглись нападениям шейха Рашида, давнего противника накшбанди. Однако, несмотря на проведение столь странной политики, это не помешало шейху Ахмеду разгромить шейха Рашида, изгнав его на территорию Ирана.

Багдад, в свою очередь, оставил за собой право ответить на этот инцидент. Однако попытка иракской армии ответить на провокативные действия шейха Ахмеда силой оружия обернулась полным фиаско. Вооружённые силы Багдада были наголову разбиты. Летом 1932 г. была предпринята попытка второго наступления, которая окончилась тем же результатом. В конечном итоге иракцам удалось занять Барзан, хоть и при поддержке британской авиации.¹³⁴ Шейх Ахмед скрылся в горах. Успешно уходя от погони, к концу июня он достиг турецко-иракской границы, где сдался турецким пограничникам. Однако было ошибкой полагать, что восстание на этом закончилось. Два его брата – Мухаммад Садык и Молла Мустафа – продолжали сражения на границе. Лишь год спустя они сдались по амнистии (и лишь после того как шейх Ахмед – находившийся в ту пору в турецком Эскишехире – рекомендовал им сделать это). Ущерб, нанесённый барзанцам в ходе бомбардировок королевских ВВС был чрезвычайно высок

¹³³ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 179.

¹³⁴ Dodge T. Inventing Iraq: The Failure of Nation-Building and a History Denied. Columbia University Press, 2003. P. 156.

(было уничтожено 1365 из 2382 домов в 79 деревнях). Применение бомб замедленного действия (в нарушение Гаагской конвенции 1907 г.) также привело к многочисленным жертвам среди мирного населения.¹³⁵ Те средства, что были предоставлены Багдадом на восстановление, были несопоставимы с тем ущербом, что был нанесён племени барзан. Братья были сосланы сначала в Мосул, но после того, как появились свидетельства в пользу того, что они находятся в контакте с Халилом Хошави, они были переведены на юг Ирака¹³⁶ (однако в последующий период они также сохранили контакты с другими националистическими организациями и, в частности, шейхом Махмудом Барзанджи).

Несмотря на то, что шейх Ахмед и его братья согласились на прекращение борьбы, нашлись и те курды, что согласились его продолжить. Как сообщает Лазарев, их возглавил шейх Халил Хошави. Собрав свои силы, в августе 1935 г. он организовал восстание в Зибаре. Началась борьба по подавлению восстание, участие в которой в равной степени приняли как армия Ирака (подкреплённая британской авиацией), так и вооружённые силы Турции.¹³⁷ Неоднократно имело место пересечение границ вооружёнными силами обеих сторон. На новом этапе – в противоположность 20-м гг. – все силы (в т.ч. британцы) оказались заинтересованы в максимальном подавлении курдского сепаратизма (притом ситуация дополнялась отказом в удовлетворении каких-либо их требований: вместо того, чтобы предоставить неоднократно обещанные культурные права, британские представители приводили иракским курдам в качестве контраргумента шовинистическую политику, которая обрушилась на турецких курдов со стороны кемалистов). В конечном итоге в марте 1936 г. войска курдов (предположительно барзанцев) во главе с шейхом Халилом были окружены, предводитель

¹³⁵ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 176.

¹³⁶ Ibid, P. 180.

¹³⁷ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 158.

восстания был предан казни.¹³⁸ Следует признать, что никакого значимого воздействия данное восстание на ситуацию в Турции или Ираке данное восстание не оказало. В то же время осенью 1935 г. в Ираке имело место восстание езидов Джебель-Синджара во главе с Даудом ад-Даудом, протестовавших против введения воинской повинности¹³⁹ (вопрос о которой сам по себе был камнем преткновения в отношениях между хашимитской монархией – опиравшейся на суннитское меньшинство – с одной стороны и шиитским большинством и курдским меньшинством с другой стороны). В итоге это восстание также было успешно подавлено иракскими войсками.

Как отмечает Макдауалл, характерной чертой 30-х гг. стало умиротворение, которое в итоге было достигнуто в иракском Курдистане.¹⁴⁰ Так, с одной стороны, курдские шейхи больше не предпринимали попыток к провозглашению независимости, с другой стороны, они были достаточно успешно кооптированы в колониальную по своей сути административную систему Ирака. Можно сказать, что они были недовольны тем, что над ними была установлена власть арабов и хотели бы отделиться от хашимитского королевства, но не имели ничего против протектората Британии или Лиги Наций.¹⁴¹ После провозглашения формальной независимости Ирака в 1932 г. и вступления страны в Лигу Наций, ряд представителей курдского нобилитета выступил в 1935 г. с прошением о предоставлении Иракскому Курдистану автономии, однако оно не было удовлетворено (равно как не привело к новым восстаниям).¹⁴² Вместо этого – ещё 30 июня 1930 г. – был подписан союзный договор между Британией и Ираком, который прямо указывал наличие у Британии права размещать войска, а также военные аэродромы на территории Ирака (которые – как прежде, так и впоследствии –

¹³⁸ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 158.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 287-288.

¹⁴¹ Silverfarb D. Britain's Informal Empire in the Middle East: A Case Study of Iraq 1929-1941. Oxford University Press, 1986. P. 15.

¹⁴² McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 287-288.

использовались при подавлении курдских восстаний, будучи эффективным способом удержания контроля над труднодоступными территориями при минимальных издержках).¹⁴³ Приложение к союзному договору также фиксировало полную зависимость иракской – формальной независимой – администрации от британских вооружённых сил.¹⁴⁴

Вместе с тем следует отметить, что несмотря на то, что призывы к фактической независимости Курдистана прекратились, курдский национализм не только не ослабел, но, напротив, обрёл новые формы. По мнению Макдауалла, именно на 30-е гг. в Ираке пришёлся новый этап становления национального самосознания курдов. Так, впоследствии, один из ведущих лидеров КНД Ирака Ибрагим Ахмед (в то время ему было 16 лет) утверждал, что с того времени он “считал своим долгом действовать как курд”.¹⁴⁵ Данный подъём был связан, в первую очередь, с приходом нового поколения городской курдской интеллигенции, местом сосредоточения которой была Сулеймания (примечательно, в связи с этим, что основной базой поддержки шейха Махмуда Барзанджи также выступала Сулеймания, т.е. может быть отмечена некоторая преемственность: не формы, но содержания КНД). Также следует отметить в качестве предтечи данного тренда движение “Комала-и Сарбахой Курдистан” (“Ассоциацию за независимость Курдистана”), которая была основана в 1922 г. в Сулеймании, но достаточно быстро запрещена самим шейхом Махмудом за критику его “вождистского” стиля руководства¹⁴⁶. Вместе с тем, с нашей точки зрения, рост национального самосознания курдов в Ираке был особо связан в рассматриваемый период с деятельностью панкурского общества “Хойбун”, которое занималось активной пропагандой независимости Курдистана в

¹⁴³ Из Союзного договора между Великобританией и Ираком, заключённого в Багдаде 30 июня 1930 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 214-216.

¹⁴⁴ Приложение к Союзному договору от 30 июня 1930 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит– Евролинц-Традиция, 2002. С. 216-218.

¹⁴⁵ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 287-288.

¹⁴⁶ Ibid, P. 174.

первую очередь в Сирии и Ираке (деятельность данной организации будет подробно разобрана в следующем разделе).

Как и другие представители курдской интеллигенции, И. Ахмед получил образование в Багдаде. В 1930 г. некоторыми студентами уже был создан неформальный клуб “Комала-и Ливан” (“Клуб молодых людей”), политическая программа которого осталась неизвестной.¹⁴⁷ Общество занималось вопросами культуры и просвещения, однако само стремление к развитию курдского языка неизбежно наталкивалось на вопрос политических прав курдов (если не сказать, то обстоятельство, что они были обещаны им британцами, однако так и не были предоставлены). Из сотни курдских студентов лишь очень немногие присоединились к клубу. Тем не менее, с нашей точки зрения, его создание представляется веховым, поскольку вплоть до 1930 г. КНД Ирака было связано сугубо с фигурами харизматичных вождей племён (данная ситуация сохранялась и позднее).

Другие курдские группы начали формироваться тайно. Одним из таких обществ стала “Комала Брайати” (“Братское общество”), председателем которого был сын шейха Махмуда, шейх Латиф. Членами этой организации были представители городской аристократии и курдского священства. Более радикальные представители интеллигенции создали в Сулеймании другую группу, “Даркар”, название которой (“Дровосеки”) представляло собой явную аллюзию на одноимённую организацию итальянских революционеров XIX в. Эта организация имела тесные связи с Коммунистической партией Ирака (КПИ), в частности, её курдским крылом (известным по журналу “Азади” – “Свобода”).¹⁴⁸ Следует отметить, что в тот период коммунистические лозунги вообще пользовались большой популярностью среди курдов и порядка 30% членов КПИ (действовавшей нелегально) было курдами.¹⁴⁹

¹⁴⁷ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 288.

¹⁴⁸ Ibid, P. 289.

¹⁴⁹ Ibid.

Вернувшись в Барзан в июле 1943 г., Молла Мустафа попросил правительство предоставить ему и брату законный вид на жительство у себя на родине. Тем не менее, центральное правительство игнорировало его просьбу, что вызвало столкновения его сторонников с местными силами правопорядка. Это привело к тому, что самовольно возвратившийся из ссылки Барзани вновь превратился в мятежника. Надо сказать, что он мог рассчитывать на поддержку националистически настроенных курдов ввиду того, что Багдад продолжал игнорировать требование курдов на предоставление культурных прав. На этом политическом фоне лето 1943 г. выдалось неурожайным, что, вкупе с отсутствием реальной поддержки центрального правительства фактически поставило регион на грань голода. Неизвестно, руководствовался ли Барзани этим сознательно или нет, однако эти обстоятельства действительно привели к тому, что первое восстание под его руководством получило достаточно мощную поддержку других племён, особенно на начальном этапе.

Зная о напряжённой ситуации в иракском руководстве, Барзани обратился к британскому представителю в Ираке Корнуоллису. В условиях госпереворота Рашида Али в 1941 г. (ориентировавшегося на Третий Рейх), он стремился представить курдов как силу, “альтернативную” новому, профашистскому режиму в Багдаде. Он поспешил заверить Корнуоллиса в том, что дружба курдов с британской короной “не знает границ”.¹⁵⁰ С точки зрения Макдауалла, данное обращение не позволяет нам рассматривать Барзани на рассматриваемом этапе как лидера всего КНД Ирака. Как бы то ни было, он получил отказ. Британия оставалась на прежней позиции, занятой ей сразу после подписания Лозаннского мирного договора, в соответствии с которой курдская независимость противоречила бы интересам британской короны на Ближнем Востоке.

¹⁵⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 291.

В свою очередь, попытка достичь компромисса (при котором лицо сохраняли бы и Барзани, и правительство) оказалась сорвана сменой правительства в Багдаде.

Барзани, в свою очередь, начал пользоваться ещё большей поддержкой ввиду явного пренебрежения со стороны арабского правительства в отношении курдов. Многие племена (в т.ч. давние враги, такие как зибари) начали оказывать ему поддержку. Взвешенной позиции придерживались барадусты и сурчи. В ситуации фактического голода на севере страны в Курдистане вновь вспыхнуло восстание. Его вождём стал Мустафа Барзани. Как откровенно высказался один из сторонников Барзани, Мустафа Хошнава, их целью было объединение всех курдов “находящихся под британским контролем, будь то в Ираке или Иране”.¹⁵¹ Впрочем, следует признать, что мы не можем утверждать сколь-нибудь достоверно, были ли подлинные намерения (амбиции) самого Барзани таковы или нет (то обстоятельство, что впоследствии он был вынужден бежать в Иран, носило вынужденный характер).

Можно ли утверждать – на основании этого – что идеология Барзани, его движения на том этапе была “панкурдистской”? С одной стороны он, насколько мы можем судить, прилагал все усилия к тому, чтобы наладить контакты с курдами сопредельных стран (как минимум, Ирана). Однако трудно представить себе, что его целью было – как в случае с шейхом Махмудом – провозгласить себя лидером всего Курдистана. Дело при этом не только в том, что это означало бы межгосударственный, по своей сути, конфликт между Ираком и Ираном (что было противоположно интересам англичан и в стороне от чего Турция – в силу обязательств Саадабадского пакта – едва ли осталась бы непричастной). Дело в том, что в самом Иракском Курдистане Барзани не удалось заручиться сколь-нибудь консолидированной поддержкой всех (либо подавляющего большинства)

¹⁵¹ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 292.

наиболее крупных курдских племён, племенных объединений, конфедераций. Как показали дальнейшие события, его собственный тесть (вождь зибари) – на дочери которого он женился¹⁵² накануне восстания – оставил его в ситуации полномасштабного наступления правительственных войск.

По состоянию на зиму 1944 г. повстанческое движение курдов Ирака зашло в тупик. Так, с одной стороны, Барзани настаивал на удовлетворении своих требований, подразумевавших, фактически, обретение Курдистаном автономии. С другой стороны, правительство в Багдаде сдерживалось давлением со стороны Британии, требовавшей разрешить конфликт таким образом, чтобы он не привёл к ещё большей консолидации курдов. В этот момент опасения британцев достигли предела.

Однако арабские националисты и представители военных кругов в Багдаде не собирались идти ни на поводу у курдов, ни у британцев. В августе 1945 г., после очередного предложения об амнистии, было принято решение возобновить вооружённое наступление правительственных войск на севере страны. Это привело к большим потерям, однако уже в сентябре багдадскому правительству удалось переманить на свою сторону вождей целого ряда племён, прежде всего зибари (Махмуда и Ахмада Агу Зибари). В числе других изменников дела Барзани оказались шейх Рашид Барадуст и Рагиб Ага Сурчи. Перебежчики получили полное помилование в лице центрального правительства, в то время как Барзани оказался вынужден бежать в Иран в середине октября 1945 г., где ему также удалось принять активное участие в создании Мехабадской республики курдов¹⁵³ (а впоследствии – удалиться в многолетнее изгнание в СССР, которое продолжилось до 1958 г.).

Несмотря на то, что это восстание по-прежнему несло в себе много архаичных черт (которые, в итоге, обусловили его поражение), оно, тем не

¹⁵² Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831-1979. Cambridge University Press. Vol. 11. P. 410.

¹⁵³ Магомедханов В.М. Курды – забытые союзники СССР. Институт востоковедения РАН. Фонд содействия технологиям XXI в. М. ИВ РАН, 2020. С. 170, 178.

менее, стало шагом на пути становления КНД Ирака в его современной форме. Как отметил Макдауалл, “не столько Молла Мустафа выбрал национализм, сколько националисты [т.е. представители нарождавшейся городской курдской интеллигенции – прим. И.В.] выбрали его”.¹⁵⁴ В любом случае, восстание в Ираке 1943-1945 гг. привело к признанию Мустафы Барзани в качестве лидера КНД Ирака. Во всяком случае, именно так он именовался в советских архивах конца 40-х гг.¹⁵⁵ Несмотря на то, что это породило новые проблемы в КНД Ирака на следующем этапе, это стало прогрессом в становлении самого национального движения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. На протяжении большей части 20-х гг. ситуация в приграничном районе между Ираком и Турцией оставалась нестабильной. Ещё в конце Первой мировой войны британцами была сделана ставка на курдов Ирака как силу, которая была бы способна защитить новообразованный Ирак от потенциально возможной вооружённой агрессии со стороны Турции, учитывая неопределённый статус Мосульского вилайета. Во многом с подачи британских советников на первый план был выдвинут шейх Махмуд Барзанджи. Тем не менее, ставка на курдов не вполне оправдала себя. Так, с одной стороны, шейх не обладал поддержкой достаточной, чтобы вполне контролировать ситуацию даже в пределах границ Ирака (пограничья с Турцией). С другой стороны, он проявил своеволие и предпринял деятельные (хотя, в сущности, беспомощные) попытки выйти из-под британского контроля. Несмотря на то, что курды вполне могли бы сбросить с себя бремя британского доминирования (как это признавали сами британские разведчики), они не сделали этого ввиду глубокой межплеменной разобщённости. Вместе с тем интеграция в новый иракский колониальный порядок, хоть и в ущемлённом статусе, привела к тому, что вплоть до революции 1958 г. традиционная

¹⁵⁴ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 293.

¹⁵⁵ Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930-1950 гг. М.: Изд. фирма “ОЛМА-пресс”, 1997. С. 423-424.

курдская аристократия была одним из столпов, на который опиралась правящая хашимитская династия в Багдаде. Иными словами, неразвитость курдского общества, обусловленная специфическим развитием в составе Османской империи, была усугублена теперь моделью колониального доминирования. Всё это создало дополнительные препятствия на пути становления КНД Ирака, что дало о себе знать после 1958 г., когда оно получило новые возможности для реализации.

1.3 КНД Турции в первой половине XX в.

Согласно оценкам источников, приводимым М.С. Лазаревым, по состоянию на начало 20-х гг. численность курдского населения в пределах территории, которую кемалистам удалось отстоять в результате войны за независимость, составила 1,7 млн. чел. (включая 200 тыс. алевитов и исключая езидов). По мнению самого Лазарева, данные значения являются преуменьшенными и общая численность курдов Турции (включая алевитов и езидов) составляла не менее 2 млн.¹⁵⁶ По мнению современного исследователя Сонера Чагаптая, по состоянию на 1927 г. 13,6% населения Турции (т.е. порядка 1,7 млн. чел.) использовало другие языки (из них говорящих на курдском – 1,2 млн. чел.). Общее население страны составляло 13,5 млн. чел.¹⁵⁷

Также представляется необходимым отметить, что исторически доля курдов, проживающих в Турции, была больше, чем курдов в Ираке (и в абсолютных значениях, и с точки зрения процентного соотношения с арабами).

Почти одновременно с приходом к власти в 1923 г. (провозглашение Республики), кемалистами был взят курс на построение унитарного, мононационального государства. За образец ими была взята французская нация, что, в свою очередь, подразумевало национальную идентификацию по принципу гражданства, а не национальности.¹⁵⁸ Все, кто родились на территории Турции, признавались турками. Если быть ещё точнее, то национальным меньшинствам навязывались представления об анатолийских турках как об идеале того, что представляет собой “турецкость”. Основоположник идеологии турецкого национализма Зия Гёкальп – сам будучи этническим курдом – рассматривал турецкую нацию как сообщество

¹⁵⁶ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 11.

¹⁵⁷ Çağartay S. Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk? Routledge, 2006. P. 16, 19.

¹⁵⁸ Earle E. The New Constitution of Turkey. Political Science Quarterly. 1925, V. 40, I. 1, P. 98.

турок и других мусульман Анатолии, утверждал, что последние могут стать турками только в том случае, если они ассимилируются. Проводником национального чувства, в свою очередь, рассматривался язык. Во многом взятые на вооружение кемалистами идеологические воззрения Гёкальпа привели к тому, что с 1920 г. Анкара начала политику “образования только на турецком языке” вкупе с “запретом на этническую идентификацию” с целью “способствовать объединению анатолийских мусульман в единую турецкую нацию”.¹⁵⁹

Возможно, эта схема имела бы успех, если бы, во-первых, не грубые, агрессивные действия турецкого руководства (на уровне целенаправленной политики) по ассимиляции меньшинств (прежде всего курдов) на протяжении всего XX в., а, во-вторых, неспособность, отсутствие у турецкого государства ресурсов и возможностей, чтобы “отуречить” такое крупное, компактно проживающее и отличное по своему языку, культуре и общественным структурам меньшинство, каким курды являлись.¹⁶⁰

Реакция курдов не замедлила заявить о себе. Однако, следует отметить, что ещё до того как курды столкнулись с дискриминацией, их недовольство было вызвано отменой халифата в 1924 г. Это означает, что та (религиозная) идентичность, что сплачивала всех жителей Османской империи (а после её крушения – все мусульманские народы в пределах Турецкой Республики) перестала существовать. Нельзя сказать, что представления курдов того периода о том, каким должно быть национальное движение, было адекватным, однако они всегда осознавали свою инаковость (свидетельством в пользу чего были многочисленные курдские восстания, особенно во второй половине XIX в., что совпало с появлением по всей Империи первых идей национализма). Сразу после того как религиозная скрепа исчезла, курды утратили единственную причину, по которой им следовало солидаризироваться с турками. Также следует отметить, что то

¹⁵⁹ Cagaptay S. *Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk?* Routledge, 2006. P. 16.

¹⁶⁰ *Ibid.*, P. 19.

обстоятельство, что кемалисты начали проводить реформы, нацеленные на секуляризацию, вступило в конфликт с интересами лидеров курдских племён, власть которых очень часто базировалась на религии (если не сказать, лояльности курдов в рамках того или иного суфийского ордена).

Вместе с тем следует отметить, что несмотря на то, что восстание шейха Саида проходило под религиозными лозунгами, сама возможность его организации имела и другие предпосылки. Ислам выполнял роль фактора массовой мобилизации, однако помимо него (в лице самого шейха Саида, который был лидером ордена накшбанди) большую роль играли члены “Общества курдской свободы (независимости)”, которое впоследствии стало известно как “Азади” (“Свобода”). Будучи основанным в начале 20-х гг. в Эрзуруме, это общество имело свои отделения во всех крупных городах Турецкого Курдистана. В его состав входили представители как традиционного курдского нобилитета, так и аристократии, проживавшей в Стамбуле. Также известно, что “Азади” удалось установить контакты с британскими разведслужбами в Северном Ираке с целью создания “опорных баз” (до того, как соглашение по Мосулу было достигнуто).¹⁶¹

Как отмечали советские исследователи, организация прилагала усилия к тому, чтобы установить контакты с “турецкой” оппозицией Мустафы Кемалю.¹⁶² Однако, как показали события, они не увенчались успехом. Однако это не помешало кемалистам впоследствии возложить вину за восстание на Прогрессивно-республиканскую партию, ликвидировав, тем самым, любую политическую оппозицию в стране даже в рамках легального политического поля (не говоря уже о курдах).

Несмотря на то, что восстанию шейха Саида предшествовала тщательная подготовка членов “Азади”, деятельность этой организации не была тайной для турецкого руководства. Как следствие этого, ему удалось

¹⁶¹ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 34, 49.

¹⁶² Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 63.

нанести удары по ведущим кадрам организации до того, как восстание началось. К осени 1924 г. были арестованы почти все руководители организации (в том числе её основатель Халид-бей Джибранлы).¹⁶³ Следует отметить, что наказание многих из них ограничилось высылкой из страны.

Как следствие этого, единственной силой, которая смогла поддержать восстание, стали представители традиционной курдской аристократии, в кругу которой шейх Саид пользовался бесспорным авторитетом (“которого любили по всему Востоку”).¹⁶⁴ После разгрома “Азади” он стал, фактически, единственным руководителем всего движения. Вместе с тем следует отметить, что езиды, заза и шииты не признавали его власти. Как показали дальнейшие события, это оказалось одним из уязвимых мест восстания.

Как утверждает Лазарев, “прежде всего обращает на себя внимание большой интерес, какой оно [восстание шейха Саида – прим. И.В.] вызвало и у современников, и у позднейших историков. Ни одно другое курдское восстание, за исключением происходивших во второй половине XX в., не породило столь многочисленных и разноречивых откликов”.¹⁶⁵

Планом шейха Саида и его ближайших сподвижников было начать восстание, осуществить наступление на Диярбакыр, Битлис и Эрзинджан, после чего двинуться к турецко-иракской границе с целью встретиться с шейхом Махмудом.¹⁶⁶ Как отмечает М.А. Гасратян, организаторы восстания понимали, что в том случае, если они не получат поддержки со стороны алевитов (“курдов-кызылбашей”) это создаст дополнительные трудности.¹⁶⁷ Им удалось довести свою точку зрения до шейха.

4 января 1925 г. было принято решение о дате начала восстания, которое было решено приурочить к курдскому празднику наврузу, который

¹⁶³ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 49.

¹⁶⁴ Aras İ. Adım Şeyh Sait. İlke Yaıncılık, 1992. S. 33.

¹⁶⁵ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 47.

¹⁶⁶ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 66.

¹⁶⁷ Там же, С. 65.

приходился на 21 марта. В ходе дальнейших подготовительных мероприятий, непосредственно предшествовавших восстанию, подтвердились опасения, что племена Дерсима (представленные алевитами) отказались поддержать восстание курдов. Это представляется неслучайным по причине наличия доктринальных расхождений между накшбанди и алевитами, равно как неприязненных отношений между обеими группами в целом (притом что алевиты были также враждебно настроены против кемалистов).¹⁶⁸ Подготовительная работа осуществлялась в основном стихийно, в результате чего восстание началось случайно по причине стычки между отрядом шейха и жандармами. Всё это сильно снизило шансы восставших на последующий успех.

Несмотря на то, что восстание оказалось непродолжительным (с февраля до середины апреля 1925 г.), за короткий срок оно распространилось на территорию 14 провинций юго-востока страны.¹⁶⁹ Месяц спустя после начала восстания курды предприняли наступление на Диярбакыр, Элязыг и Дерсим, однако наступление было отбито, в том числе и активным сопротивлением местных курдских племён. Шииты племени хормек выступили на стороне турецкого правительства. В середине апреля 1925 г. шейх Саид попал в окружение с большей частью своего войска, после чего был взят плен.¹⁷⁰ Окончательно восстание было подавлено к маю 1925 г. Шейх и его ближайшие сподвижники (46 человек) были казнены.¹⁷¹

Как утверждает М.С. Лазарев, в результате подавления восстания шейха Саида зимой 1926-1927 гг. в западные провинции страны было переселено порядка 1 млн. курдов. Было разрушено порядка 8 тыс. деревень и погибло более 15 тыс. чел. только мирного населения.¹⁷²

¹⁶⁸ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 128.

¹⁶⁹ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 69.

¹⁷⁰ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 51.

¹⁷¹ Cleveland W., Bunton M. A History of the Modern Middle East. Westview Press, 2009. P. 182.

¹⁷² Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 11, 124.

Восстание шейха Саида потерпело поражение по целому ряду причин. Так, во-первых, кемалистам с самого начала удалось пресечь деятельность наиболее организованной и передовой – в плане идеологии – части заговорщиков. Во-вторых, знамёна ислама, хоть и позволили мобилизовать достаточно большое число курдов, не смогли консолидировать их, преодолеть противоречия, которые существовали между меньшинствами юго-востока Анатолии на более глубоком уровне. В ситуации отсутствия такой поддержки (прежде всего, со стороны алевитов, но также других нетурецких меньшинств) восстание было обречено на поражение. Помимо этого далеко не все курды выступили на стороне восставших.¹⁷³

Несмотря на поражение восстания, оно ознаменовало новый этап развития национального движения. Для курдов стало ясно, что исламских лозунгов недостаточно для того, чтобы осуществить массовую мобилизацию. Как следствие этого, последующие восстания, например, последовавшее за восстанием шейха Саида Араратское восстание 1929-1930 гг, носило светский характер. Можно сказать, что КНД Турции искало новые формы, которые были бы адекватны борьбе с турецким государством, проводившим политику ассимиляции курдского меньшинства.

Вместе с тем, несмотря на жестокие репрессии, беспорядки на юго-востоке страны не прекратились. В мае 1927 г. в горах Сасуна вспыхнуло восстание во главе с Мохаммедом Али Юнусом (при активном участии курдов Сирии). Одновременно с этим восстали племена Битлиса во главе одним из сподвижников шейха Саида Ядо-беем.¹⁷⁴ Все они носили разрозненный характер и были разбиты турецкой армией.

В книге, которая была опубликована штабом турецкой армии, было перечислено 13 беспорядков в Турции в период май 1925 г. – ноябрь 1930

¹⁷³ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 207.

¹⁷⁴ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 127.

г.¹⁷⁵ (16 – в период 1924-1938 гг.).¹⁷⁶ Все они произошли в регионах, населённых курдами, несмотря на то, что многие из них представляли собой локальные вспышки. Этот хаос на юго-востоке сопровождался свободным переходом значительных групп курдов через турецко-персидскую, турецко-иракскую и турецко-сирийскую границы.¹⁷⁷

Характерной чертой турецкой армии того времени (более того, именно тех подразделений, что размещались на юго-востоке страны) была низкая лояльность новой Турецкой Республике. Так, по утверждениям М.С. Лазарева, свыше 500 военных выступили в Бейт Шебабе против правительства и вскоре дезертировали на подчинённую англичанам иракскую территорию. Об этом также упоминается в работе Шимшира, который объясняет это наличием британского заговора.¹⁷⁸ Более того, им упоминается капитан Исхан Нури (который впоследствии станет руководителем Араратского восстания). Подлинной причиной дезертирства является то, что эти военнослужащие были курдами.

Поражение курдских восстаний середины 20-х гг. побудило лидеров курдов – руководителей возникших главным образом на территории Турции националистических организаций – существенным образом перестроить свою работу. Стала ясной необходимость создания общекурдской политической организации, способной объединить разрозненные очаги национального сопротивления, существовавшие в разделённом Курдистане, и возглавить борьбу за курдскую государственность. Результатом деятельности виднейших лидеров курдских националистических организаций Турции стало создание в 1927 г. на подмандатных территориях Сирии и Ливана курдского национального комитета “Хойбун”

¹⁷⁵ Çağaptay S. *Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk?* Routledge, 2006. P. 21.

¹⁷⁶ Bishku M. *Between Iraq and Other Hard Places*. Routledge Handbook on the Kurds // Routledge, 2018. P. 219.

¹⁷⁷ Лазарев М.С. *Курдистан и курдский вопрос (1923-1945)*. Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 131.

¹⁷⁸ Şimşir B. *Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri*. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63. S. 867.

(“Независимость”).¹⁷⁹ В Исполнительный комитет организации вошли Сурейя, Джеладет и Камран Бадрханы, Мемдух Селим-бей, Шахин-бей и другие выдающиеся курдские деятели.

С точки зрения Лазарева, “в практической плоскости она [организация – прим. И.В.] была построена на песке”.¹⁸⁰ В то время ещё не созрели ни политически, ни социальные, ни юридические предпосылки для успешной борьбы за независимый Курдистан на территории одной только Турции. У организации не было никаких средств, которые позволили бы ему создать организационные структуры, пригодные для осуществления её чрезвычайно амбициозных планов. Вместе с тем следует отметить, что в лице “Хойбун” КНД (прежде всего, Турции) вышло на международный уровень, т.к. ему удалось обзавестись соответствующими связями по всему миру (прежде всего, с армянскими националистами). Будучи вынужденным считаться с интересами колониальных держав, на территории государств-мандатариев которых организация осуществляла свою деятельность (в Сирии и, меньшей степени, Ираке) “Хойбун” был нацелен на работу, направленную, в первую очередь, против Турции.

Помимо “Хойбуна” также предпринимались попытки создания других организаций, в частности, в Турции. Так сын шейха Саида, Салахеддин, после разгрома восстания своего отца, бежал в Ирак, где, проходя обучение в военной школе, установил контакты с англичанами. Также он вступил в иракское “Общество друзей Курдистана” (которое было основано в начале 30-х гг. в Сулеймание). Вернувшись в Турцию, предпринял попытку создания “Общества Северного Курдистана”, однако был брошен в тюрьму.¹⁸¹

В марте 1927 г. на два года был продлён “Закон об охране порядка”, вводивший осадное положение на востоке Турции. В частности, поэтому

¹⁷⁹ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 104.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же, С. 108.

отмена “судов независимости” – имевшая место одновременно – была сугубо формальна. В июне того же года был принят закон о переселении неблагонадёжных, по мнению властей, курдов в западные провинции страны. В конце ноября 1927 г. в самих мятежных провинциях востока Турции (Элязыг, Урфа, Битлис, Хаккари, Диярбакыр, Сирт, Мардин и Ван) была учреждена специальная административная зона, т.н. Первая генеральная инспекция, на территории которой над курдами осуществлялся наиболее тщательный полицейский надзор.¹⁸²

Вместе с тем власти были заинтересованы в том, чтобы смягчить напряжённость и стабилизировать обстановку на востоке страны. С этой целью была провозглашена амнистия, декларированы мероприятия по улучшению экономических и социальных условий жизни в курдских провинциях, проведению там насущных реформ. Некоторая часть насильственно переселённых курдов была возвращена назад.

Однако этих мер оказалось недостаточно. Как указывалось выше, уже в 1929-1930 гг. на юго-востоке страны вспыхнуло новое, Араратское восстание, подавление которого потребовало от кемалистов координации действий с шахским правительством.

Следует отметить, что влияние “Хойбуна” на это событие оказалось минимальным. Незадолго до окончательного поражения восстания, в начале июля 1929 г., представители организации создали представительство в Мосуле. Однако британцы очень холодно отреагировали на предложение поддержать восстание в Турции. Однако панкурдисты не оставляли усилий по поиску союзников. Так, например, им удалось наладить контакт с шейхом Ахмедом Барзани. Он обещал оказать помощь “курдской националистической программе”, однако сделал это без особого желания. В Иракском Курдистане распространялись призывы о прекращении междоусобиц между вождями племён, преследовавшие разжигание

¹⁸² Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 109.

антитурецких настроений. Помощь в агитации оказывали армяне-дашнаки. Британская администрация пыталась им противодействовать. Весной были установлены контакты с сыном шейха Махмуда, Кадиром. Предметом обсуждения стало обращение к Лиге Наций и Великобритании (в лице Верховного комиссара в Ираке) “с призывом гарантировать национальные права курдов в суверенном Ираке”.¹⁸³

В числе других контактов, существовавших между представителями КНД Ирака и Турции может быть отмечен основанный в Бейруте в 1930 г. панкурдистский журнал *L'Orient* (“Восток”), который выходил на курдском, французском и английском языках, основной целью которого была пропаганда независимого Курдистана (или, как это формулировалось самими членами “Хойбун”, “достижение независимости Курдистана и Армении”). И хотя КНД Турции было фактически сокрушено после Араратского восстания (возможности пропаганды в Турции оказались резко сокращены), исходно деятелей “Хойбуна” следует признать, в первую очередь, представителями турецких курдов. Вместе с тем их пропаганда оказала действенное воздействие на иракских курдов, прежде всего представителей нарождающейся городской светской интеллигенции (знаковым представителем – и лидером которой – стал И. Ахмед, становление политических взглядов которого, как уже было отмечено, пришлось именно на 30-е гг., в период обучения в Багдаде).¹⁸⁴ Таким образом, несмотря на то, что воздействие “Хойбун” в плане практической политики (подготовки и проведения восстаний) оказалось ничтожным, оно оказало значительное воздействие с точки зрения распространения курдского национализма, а также оформления (в качестве идеологии) в форме панкурдизма.

М.С. Лазарев предполагает, что “Хойбун” имел тесные связи с существовавшим в Багдаде “Обществом поддержки курдов”, которое

¹⁸³ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 119.

¹⁸⁴ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 288.

пользовалось поддержкой шейха Махмуда. Шейх Ахмед Барзани также был осведомлён о существовании этого общества. Из его членов шейх Махмуд хотел сформировать отдельную курдскую делегацию в Женеву для предстоящих переговоров с Лигой Наций о ликвидации британского мандата и предоставлении Ираку формально полного суверенитета.

Таким образом, ни в одной из частей Курдистана “Хойбун” не смог создать такую структуру, которая оказала бы решающее влияние на политическую ситуацию в период подъёма национального движения курдов на рубеже 20-30-х гг. Поэтому его роль в курдских восстаниях – в первую очередь, в Турции – была относительно невелика. Враги курдской независимости, как местные, так и западные, смогли без особого труда справиться с её сторонниками. Деятельность организации также не оставила значимых следов на международной арене. Ни в Лиге Наций, ни в других международных организациях её не брали в расчёт.¹⁸⁵

Новые столкновения между курдскими повстанцами и турецкими правительственными войсками были отмечены весной 1927 г. Они имели спорадический характер и на первых порах не принесли успеха ни одной из сторон. К первой половине 1929 г. турецкие войска – не без участия ВВС Великобритании – постепенно вытеснили курдов из основных повстанческих районов. Курдам же удалось создать – между Большим и Малым Араратом – мощную базу для организации нового восстания, которое стало известно как “Араратское”. 12 июня 1929 г. там развернулись интенсивные боевые действия. В журнале “Ярын” (Стамбул) появилось воззвание курдских вождей к своему народу. В нём говорилось, что курды – “великая нация”, содержался призыв к освобождению от турецкого ига и к созданию свободного независимого курдского государства “между Персией и Ираком”.¹⁸⁶

¹⁸⁵ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 122.

¹⁸⁶ Там же, С. 110.

В апреле 1929 г. произошли столкновения турецких войск на турецко-персидской границе, которые сопровождались взаимными обвинениями Тегерана и Анкары в подстрекательстве племён. На протяжении 1929 г. в Хаккяри был отмечен ряд крупных восстаний, в которых участвовало до 5 тыс. курдов.¹⁸⁷ Начало Араратского восстания датируется концом февраля – началом марта 1930 г. Первые выступления произошли в Ване, Битлисе, Баязиде. Затем восстание распространилось на юг – в район Диярбакыра и частично Бохтана.

События в Турецком Курдистане в 1927-1932 гг. непосредственно затронули курдское население Ирака и Сирии. Это привело к частичной вовлеченности курдских племён Ирака и Сирии в повстанческое движение в Турецком Курдистане.¹⁸⁸

Следует отметить, что Араратское восстание оказалось разгромленным, прежде всего по причине слабости сил курдов, отсутствия у них (в отличие от турок) логистического обеспечения¹⁸⁹, а также внешнего донорства. Вместе с тем следует признать, что Араратское восстание знаменовало собой новую – в сравнении с восстанием шейха Саида – ступень развития КНД Турции. Преемственность относительно “Хойбуна” (в лице лидера восстания, Ихсана Нури, который был членом организации) также прослеживается. Таким образом, имел место синтез идей курдского национализма, которые, по состоянию на тот момент, начали обретать характер панкурдизма, или интегрального национализма. Несмотря на то, что политические условия, в которых курдским националистам приходилось действовать, были исключительно неблагоприятными, это не помешало им сохранить свой идеал борьбы и передать его следующему поколению (в лице, прежде всего, И. Ахмеда, с именем которого будет неразрывно связан следующий этап национального движения).

¹⁸⁷ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005.С. 135.

¹⁸⁸ Там же, С. 151.

¹⁸⁹ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 206.

Последним восстанием курдов (курдов-алевитов) в первой половине XX в. в Турции стало Дерсимское восстание (1937-1938 гг.), характерной чертой которого стало то, что оно также было жестоко подавлено правительственными войсками¹⁹⁰ (воспоминания очевидцев о котором, в частности, были сохранены выдающимся представителем курдской интеллигенции М. Антером).¹⁹¹ После этого КНД Турции замолкает вплоть до 60-х гг. XX в. (когда оно начнёт своё возрождение на новой основе: индустриальном обществе).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

На момент распада Османской империи курдское общество оставалось отсталым конгломератом племен, а идеи независимости Курдистана были локализованы отдельными вспышками восстаний на территории Ирака и Турции, которые не имели шансов расширения подконтрольной территории таких «повстанческих государств». Если изначально это было связано с целенаправленной политикой османского государства по разрушению курдских эмиратов, то впоследствии курды стали, в известной степени, заложниками колониальной политики, которая проводилась в стране-мандатарии (Ираке) колониальной державой (Великобританией). Представители курдских элит вовлекались в существующие структуры колониальной администрации, что приводило к тому, что они оказывались проводниками интересов центрального правительства (в случае Ирака – хашимитской монархии) на местах. Ситуация в Турции в этот период была отличной: здесь национальное повстанческое движение было полностью разгромлено, а реформы, утверждавшие светский характер государства, претендовали на то, чтобы окончательно разрушить связи, существовавшие в традиционном курдском обществе, за исключением, пожалуй, патронажно-

¹⁹⁰ Eyewitnesses of the Dersim Massacre // Rudaw [Digital resource] URL: <https://youtu.be/JLT61TDGjgE> (date of request: 26.12.2021)

¹⁹¹ Dersim Massacre through the Memories of Prominent Kurdish Writer Musa Anter // Rudaw [Электронный ресурс] URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/09052020> (дата обращения: 30.01.2022)

клиентских, на которых во многом стали основываться отношения курдских элит в Турции с центральным правительством.

Вместе с тем ни политика Турции, ни политика Ирака не могли воспрепятствовать становлению курдского национализма. В контексте Ирака начиная с 30-х гг. конкуренцию традиционным шейхам в КНД начала составлять светская городская интеллигенция (выходцы из Сулеймании, получившие образование в Багдаде). Её представителями начали создаваться первые организации и издаваться печатные СМИ. Формирование мировоззрения таких (будущих) деятелей КНД Ирака как И. Ахмед происходило, по всей видимости, под воздействием пропаганды организации “Хойбун”, идеология которой была панкурдской. С нашей точки зрения, это нанесло свой отпечаток на то, каким образом КНД Ирака будет отличаться от КНД Турции в последующий (1958-1980 гг.) период (если не сказать, в чём будет состоять характерное отличие одного из направлений КНД Ирака – во главе с И. Ахмедом и Д. Талабани – в последующий период).

При этом восстания традиционных курдских шейхов – как в Ираке, так и в Турции – не увенчались успехом, т.е. не достигли целей, к которым стремились (будь то создание Курдистана или восстановление халифата). Однако, следует отметить, что это не помешало им установлению контактов друг с другом на почве интегрального курдизма, и, как следствие, – оказанию взаимной помощи. Контакты продолжались и после того, как современная граница между Ираком и Турцией была установлена официально в 1926 г. Более того, можно сказать, что если до 1926 г. курды использовались обеими сторонами (как британцами, так и турками) с целью поиска их поддержки (и, одновременно с этим, оказания им покровительства), то позднее курды начали пересекать границу в силу политических обстоятельств по собственной инициативе. Прежде всего, это было связано с более многочисленными, по сравнению с Ираком, восстаниями курдов в Турции в 20-30-е гг. Таким образом, с точки зрения тематики исследования, важно

подчеркнуть, что контакты между курдами Ирака и Турции были постоянными.

Несмотря на то, что национальное движение под знамёнами суфийских орденов и традиционных шейхов не было адекватно эпохе национальных государств, возникших на Ближнем Востоке после Первой мировой войны, они сохраняли свою роль лидеров КНД. В случае Ирака необходимо отметить восстания шейха Ахмеда Барзани (1930 г.) и его младшего брата Моллы Мустафы (1943 г.). Во многом эти восстания были партикуляристским и преследовали своей целью скорее реализацию интересов конфедерации племён Барзан (если не сказать, клана Барзани). Тем не менее, в значительной степени именно не вполне последовательная политика иракского руководства в отношении представителей этого клана (какой её, во всяком случае, находили британцы) привела к тому, что Молла Мустафа стал общепризнанным лидером КНД Ирака на следующем этапе. Безотносительно того, руководствовался он этим сознательно или нет, но ему удалось воспользоваться фактором недовольства в Иракском Курдистане центральным правительством, чтобы возглавить восстание. Тем не менее и в этой ситуации специфика курдского общества дала о себе знать: те кланы, что поначалу выступили на стороне Барзани, оставили его сразу после того, как центральное правительство начало масштабное наступление, пообещав им полную амнистию. Таким образом, даже если сам Барзани руководствовался идеями национализма, курдское общество – вплоть до середины 40-х гг. – оставалось не готовым к их принятию.

1.4 Курды как фактор отношений между Ираком и Турцией (1926-1945 гг.). Саадабадский пакт

Как было сказано Мустафой Кемалем в обращении к Великому национальному собранию Турции 1 ноября 1926 г., договор от 5 июня 1926 г. был заключён “с целью обеспечения особой безопасности и добрососедства”. Буквально им было сказано следующее: «Как видите, линейное движение, которого мы придерживаемся и к которому стремимся в наших отношениях с нашими восточными соседями, является ясным и искренним направлением, которое освобождает друг друга от всех видов опасностей и дает друг другу безопасность, а друг другу — мир и силу».¹⁹²

Следует напомнить, что этот договор рассматривал территорию глубиной 75 км по обе стороны границы как “пограничную”. Как следствие этого, на неё распространялись следующие положения:

1. Стороны информируют друг друга о подготовке действий в этом районе;
2. Стремятся не допускать несанкционированного пересечения границ;
3. Лица с гражданством противоположной стороны будут, соответственно, выданы турецкими пограничниками – иракским (и наоборот).¹⁹³

Хотя во всех этих документах курды не упоминались ни единым словом, представляется не вызывающим сомнений – ввиду тех беспорядков, что имели место на границе в 20-е гг. – что основным “адресатом” ограничительных мер выступали именно они. Можно сказать, что их разобшение выступало основной целью, пунктом двусторонней повестки Ирака и Турции того периода. Более того – имея ввиду наличие договорённостей также между Турцией и Ираном, можно сказать, что де-

¹⁹² Şimşir B. Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 2005, Cilt 21, Sayı 63, S. 874.

¹⁹³ Ibid, S. 876.

факто курды признавались предметом, проблемой не только двусторонних отношений. По состоянию на 30-е гг. (Араратское восстание) курды уже стали проблемой регионального значения. Впоследствии наличие означенных двусторонних договорённостей в сфере безопасности выльется в заключение Саадабадского пакта (1937 г.), в который будет вовлечено уже несколько стран (в т.ч. с курдским населением).

В целом период в отношениях между двумя странами 1923-1926 гг. может быть охарактеризован как «проблемный». Вместе с тем турецкими авторами утверждается, что потребность в поддержании хороших отношений с Британией вынудило Турцию, в конечном итоге, пойти на компромисс по Мосульскому вопросу. В целом политика западных держав характеризовалась как хищническая, империалистическая: прямо заявлялось о необходимости не вестись на провокации Запада.¹⁹⁴ Продолжительный период противоборства с британцами – во время Первой Мировой войны – также наложил свой отпечаток на отношения между двумя странами.

Ситуация в корне изменилась после урегулирования вопроса о Мосуле и границе летом 1926 г. После этого обе стороны начали прилагать усилия к сближению. 16 октября 1928 г. состоялся обмен посольствами между Ираком и Турцией. 6-8 июля 1931 г. Король Фейсал стал вторым руководителем государства (после короля Афганистана), посетившим новую столицу Турции. В ходе визита им было заявлено, что “Ираку и Турции должно жить подобно двум братьям в смежных комнатах. Прочные связи, имевшие место между нами на протяжении веков – наряду с общностью интересов, являются самой прочной основой наших отношений”.¹⁹⁵ Данный жест был благосклонно принят турецким руководством. Король заявил, что ни один другой его визит не доставил ему такого удовольствия, как визит в Анкару.¹⁹⁶

¹⁹⁴ Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-İrak İlişkileri (1950-1960) // *Belgi Dergisi*, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1508.

¹⁹⁵ *Ibid.*

¹⁹⁶ Saygı T. Irak Kralı Faysal'ın Atatürk'ü Ziyareti Ve Oluşturduğu Yankılar // *Yalova Sosyal Bilimler Dergisi*, Cilt 7, Sayı 15, S. 221.

Как отмечает Шимшир, визит Фейсала стал, помимо всего прочего, также жестом примирения “между турками и арабами, которые предали Османское государство в Первой мировой войне и стреляли в спину турецкому солдату”.¹⁹⁷ Также им приводятся слова Ататюрка о том, что “современные взаимные интересы также сближают Ирак и Турцию и делают их [отношения – И.В.] более дружественными”.¹⁹⁸

Обе стороны с удовлетворением отметили, что меры, принятые для обеспечения охраны и безопасности границы, были искренне реализованы и дали хорошие результаты (притом, что, как было указано в предыдущих разделах, есть все основания сомневаться в правдивости этих слов). Подтверждено, что принцип недопущения каких-либо действий или покушений против другой стороны по обе стороны границы “соблюдается тщательно и неуклонно”.¹⁹⁹

Основным требованием турецкой стороны оставалась безопасность турецко-иракской границы. Или, как было отмечено Шимширом, для Турции была важна решимость иракской стороны “не допустить использования приграничного района Северного Ирака” в качестве базы для совершения преступлений против Турции”.²⁰⁰

Несмотря на то, что отношения между странами в тот период в целом находились на высоком уровне, турецкими исследователями также утверждается, что фактором их ухудшения стала политика, проводимая иракским руководством против туркоман. Так, в частности, упоминается, что туркоманские учителя депортировались в арабские регионы, образование – всех уровней – давалось на арабском языке, туркоман не допускали до высоких должностей.²⁰¹ Всё это вызывало беспокойство турецкого

¹⁹⁷ Şimşir B. Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 879.

¹⁹⁸ Ibid, S. 800.

¹⁹⁹ Ibid, S. 801.

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-İrak İlişkileri (1950-1960) // Belge Dergisi, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1508-1509.

руководства. Однако, в то же время, нет свидетельств в пользу того, чтобы турецкое руководство превращало этот вопрос в проблему отношений между странами на официальном уровне. Следует отметить, что аналогичный подход сохранится и в последующий период, после 1958 г. (несмотря на то, что туркоманы станут пунктом публичной риторики политических деятелей в Турции).

Следующим соглашением, достигнутым между руководством обеих стран, стал пакет из трёх договоров, включавший в себя:

1. Соглашение об экстрадиции;
2. Торговое соглашение;
3. Соглашение о проживании.²⁰²

Договор был заключён 9 января 1932 г. Можно сказать, что соглашение об экстрадиции служило собой продолжение и подтверждение тех статей договора 1926 г., что ставили своей целью обеспечить максимальную безопасность границы. Иными словами, имела место преемственность отношений между странами, как минимум, в этом аспекте. В свою очередь, договор о проживании имел большое значение для туркоман.

С точки зрения турецко-иракских отношений большое значение имел также закон о местных языках, принятый в Ираке в 1931 г. и приуроченный в обретению страной независимости и вступлению в Лигу наций в 1932 г. Этот закон предусматривал, что турецкий язык будет сосуществовать с арабским в регионах, где имела место концентрация туркоман (Киркук, Эрбиль). Также туркоманы получили право использования турецкого (своего родного языка) в официальных учреждениях, как то, например, в суде. Предполагалось, что всё обучение в начальных школах, где туркоманы составляли большинство, должно было проходить на турецком языке. Широкое распространение

²⁰² Şimşir B. Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 2005, Cilt 21, Sayı 63, S. 882.

получила туркоманская газета “Новый Ирак”, освещавшая события всего мира.²⁰³

С точки зрения Шимшира, “закон о местных языках Ирака можно рассматривать как продукт турецко-иракской дружбы”. Однако другие турецкие исследователи утверждают, что, несмотря на декларацию этих принципов (равно как хорошие отношения между обеими странами), положения о культурном праве меньшинств в большинстве случаев оставались фикцией (то же самое касалось курдов).

Другим фактором отношений между Ираком и Турцией в период, предшествовавший Второй Мировой войне, стало участие стран в региональных военно-политических блоках, а именно Саадабадском пакте (т.н. «Ближневосточной Антанте»). Основной целью коалиции, создаваемой под патронажем Британии, стало упреждение распространения советского влияния на Ближнем Востоке. Также в тексте соглашения упоминалось, что страны-участницы пакта, во-первых, отказываются от вмешательства в дела друг друга, а, во-вторых, обязуются не допускать возникновения и деятельности на своей территории «вооружённых банд, групп или организаций, преследующих цели, враждебные одной из договаривающихся сторон».²⁰⁴

Иными словами – насколько можно судить из текста договора – даже если курды не являлись его целью “изначально” – сами формулировки Пакта таковы, что курды могут рассматриваться в качестве прямой, непосредственной угрозы “постфактум”. Помимо этого также необходимо отметить, что Британия вполне могла испытывать опасения по поводу готовности курдов сотрудничать с СССР в целях обретения независимости. С

²⁰³ Haykır Y. Bağdat’da Bir Türk Gazetesi: Yeni Irak // Fırat Üniversitesi Orta Doğu Araştırmaları Dergisi. 2007, Cilt 5, Sayı 1, S. 89.

²⁰⁴ Afghanistan, Iraq, Iran and Turkey. Treaty of Non-Agression. Signed at Tehran, July 8, 1937 // World Legal Information Institute [Электронный ресурс] URL: <http://www.worldlii.org/int/other/LNTSer/1938/163.html> (дата обращения: 30.01.2022)

этой точки зрения борьба против распространения коммунистического влияния становилась борьбой против курдов и *vice versa*.

Министры иностранных дел Турции, Ирана, Ирака и Пакистана подписали четырёхсторонний пакт о ненападении в Тегеране в июле 1937 г. (получил своё название по названию шахского дворца, в котором был подписан). Официальное название договора было «Договор о ненападении между Турцией, Афганистаном, Ираком и Ираном». Великое национальное собрание Турции одобрило Саадабадский пакт 14 января 1938 г., и он вступил в силу 25 июня 1938 г.²⁰⁵

В связи с этим интересно отметить, что в том случае, если бы не Вторая мировая война (в частности, оккупация Ирана британскими и советскими войсками, а также прямое военное вмешательство Британии в Ирак), то, возможно (как рассуждает Шимшир) он оставался бы действенным. Частным следствием этого стало бы, возможно, то, что Барзани не решился бы на то, чтобы начать восстание в Ираке в 1943 г. Вместе с тем следует отметить, что далеко не все исследователи оценивают Пакт столь радужно. Связано это с тем, что он включил в свой состав ряд очень разные страны, интересы которых также были совершенно различны. Подчас они были диаметрально противоположными (как в случае территориального спора между Ираком и Ираном по вопросу о Шатт-аль-Араб, посредничество Британии относительно которого – в пользу Ирака – совершенно не устроило иранцев).²⁰⁶ С другой стороны, также известно, что в ответ на стремление иракского правительства каким-либо образом принять участие в мировой войне, британцы потребовали разместить гарнизоны на севере страны, чтобы упредить возможные восстания курдов (которые, тем не менее, всё равно произошли: и в Ираке, и в Иране).

²⁰⁵ Şimşir B. Musul Sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak İlişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 886.

²⁰⁶ Farrokh K. Iran at War: 1500-1988. Osprey Publishing, 2011. P. 313.

В целом, в том, что касается отношений между Ираком и Турцией на этапе до Второй мировой войны, следует отметить их последовательность, нацеленность на сотрудничество. Так, с момента разрешения Мосульского вопроса в 1926 г. обеими странами (в случае Ирака до 1932 г. – Британией) де-факто был взят курс на максимальное ослабление КНД в обеих странах (на турецко-иракской границе, которая представляла собой зону компактного проживания курдов). Несмотря на то, что турецким руководством данный вопрос (обеспечения безопасности границ) был отдан наивысший приоритет, нельзя сказать (вопреки данным турецких дипломатических источников), что данная задача была разрешена вполне успешно (во всяком случае, к 1930 г.). В свою очередь, временное ослабление КНД (на прежней основе – традиционного курдского общества) было связано – как это было показано в предыдущих главах – в первую очередь с кооптацией представителей традиционных курдских элит в правящий истеблишмент (прежде всего в Ираке).

Однако и это осуществить удавалось далеко не всегда успешно. Восстание Барзани показало, что несмотря на все усилия, предпринятые турецким и иракским руководством до 1943 г., уничтожить стремление курдов к свободе не удалось. Как следствие этого, КНД возродилось с новой силой (если не сказать, оказалось в шаге от принятия новых форм: “если не Барзани выбрал националистов, то они выбрали его”).

В то же время Саадабадский пакт, заключённый в 1937 г. продемонстрировал свою недейственность в ситуации мировой войны, когда на территории одновременно двух стран-участниц пакта были размещены войска союзников. Таким образом, можно сказать, что, несмотря на преемственность политики как Ирака, так и Турции (равно как и то, что руководство обеих стран проводило после 1926 г. одинаковую политику в отношении курдов), конечные результаты совместных усилий оказались

достаточно далеки от того, каких целей предполагалось достичь изначально (полное “успокоение” турецко-иракской границы).

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ КНД ИРАКА И ТУРЦИИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

2.1 КНД Ирака во главе с М. Барзани, И. Ахмедом и Д. Талабани (1958-1975 гг.)

Движение иракских курдов во главе с Мустафой Барзани за предоставление автономии в составе страны (1961-1975 гг.) стало одним из наиболее масштабных национально-освободительных движений стран третьего мира второй половины XX в. Восстав против пришедшей к власти в результате Июльской революции 1958 г. группы иракских “свободных офицеров”, курды – в лице Демократической партии Курдистана (ДПК) – впервые заявили о себе как полноценном политическом субъекте, требующем равноправного диалога. Хотя многочисленные курдские восстания имели место и прежде (в Иране, Турции и Ираке), ни одно из них не увенчалось успехом и не было сколь-нибудь продолжительным.

Турецкими исследователями утверждается, что – как причиной, так и следствием – Июльской революции в Ираке стал рост советского влияния в регионе. С одной стороны утверждалась готовность Турции вмешаться в ситуацию в Ираке (при наличии должной поддержке со стороны США).²⁰⁷ Однако и США, и позиция общественного мнения внутри Турции были против интервенции. Как минимум, именно этим объясняется признание правительством Мендереса нового режима в Багдаде. Тем не менее, отношения между сторонами после военного переворота находились в состоянии глубокого кризиса. Прежняя дружественность отношений не могла быть восстановлена (прежде всего, ввиду наличия идеологических расхождений между правительствами обеих стран). Известно, что режим

²⁰⁷ Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-İrak İlişkileri (1950-1960) // *Belgi Dergisi*, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1520.

Касема пользовался поддержкой СССР²⁰⁸ (осуществлял покупку оружия). Данное обстоятельство было излюбленной темой спекуляций турецкой прессы (предполагавшей наличие в Ираке “сотен” технических специалистов из Москвы).²⁰⁹ Также утверждалось наличие у Барзани поддержки среди курдов за пределами Ирака. Молла Мустафа пользовался поддержкой СССР, что находило своё выражение в том, что он якобы часто выступал на радио Ереван, “призывая курдов в Ираке, Турции, Сирии и Ираке к восстанию”.²¹⁰

В 60-е и 70-е гг. Иракский Курдистан стал главным центром курдской политической активности на Ближнем Востоке. Курдское восстание – возглавленное Мустафой Барзани (также получившее поддержку ДПК) – началось в 1961 г. и продолжалось с перерывами в течение почти десятилетия (“Сентябрьская революция”, как она фигурирует в курдской историографии, 1961-1975 гг.). Политическая нестабильность, которую Ирак испытывал на протяжении 1960-х гг. – в результате военных переворотов, совершаемых соперничающими группировками иракской армии – создала возможности для курдов, во-первых, начать, а, во-вторых, успешно продолжить борьбу с оружием в руках. Более того, следует отметить, что то обстоятельство, что приходившие к власти в Багдаде военные хунты, – с одной стороны, не желали предоставлять курдам автономию (а, с другой стороны, также не были в состоянии подавить курдов силой оружия), – привело к тому, что само их восстание стало фактором политической динамики внутри Ирака в рассматриваемый период. Можно сказать, что все военные режимы оказались сметены своими соперниками – в той или иной степени – именно по-причине неспособности (и нежелания) решить курдский вопрос. В свою очередь, первое, что сделала Партия арабского социалистического возрождения (Баас) после того как повторно пришла к власти в 1968 г. – постаралась заключить мир с курдами (достигнув

²⁰⁸ Kaştan Y. II. Dünya Savaşı Sonrası Türkiye – Irak Siyasi İlişkileri // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2008. Cilt (Sayı) 19, S. 324.

²⁰⁹ “Akis”, 17.11.62.

²¹⁰ “Akis”, 17.01.59.

Мартовского соглашения 1970 г.), стабилизировав, тем самым, ситуацию в Ираке в целом и собственную власть над страной. Это также совпало с выдвиганием на первый план С. Хусейна и его группы (в т.ч. как представителей “гражданского” крыла партии – в противоположность офицерам-“ястребам”).²¹¹

14 июля 1958 г. группа иракских “свободных офицеров” – будучи воодушевлённой примером успешного военного переворота в Египте 1952 г. – установила свою власть в Ираке. Стремясь упрочить свои позиции и не допустить возможной реставрации монархии, они обратились с призывом ко всему народу страны. В равной степени – это стало **прецедентом за всю историю их национальной борьбы** – это касалось и курдов. 27 июля была объявлена Временная Конституция, ст. 23 которой утверждала: “курды и арабы являются национальными партнёрами в государстве и конституция гарантирует их права в рамках Иракской Республики”.²¹² Многие узники-курды были помилованы, прошение Барзани о возвращении на родину также было удовлетворено Абдель Керимом Касемом, лидером “свободных офицеров”.

Вместе с тем, следует отметить, что Касем сознательно преследовал при этом цель создать – в лице Барзани – противовес ДПК И. Ахмеда²¹³ (который установил свою власть над партией ещё в 1951 г.²¹⁴ и – за время отсутствия Барзани в СССР – приложил все усилия к тому, чтобы идеологически сместить партию “влево” – вызвав, тем самым недовольство Барзани).²¹⁵ б

²¹¹ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. I.B. Tauris, 2001. P. 129.

²¹² Длер И.Х. Особенности социально-экономического и политического развития в Иракском Курдистане в 1960-1970-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва, 1987. С. 76.

²¹³ Eppel M. Iraq from Monarchy to Tyranny: From the Hashemites to the Rise of Saddam. University Press of Florida, 2004. P. 186.

²¹⁴ Stansfield G. Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy. RoutledgeCurzon, 2003. P. 66.

²¹⁵ Утверждается, что после возвращения Барзани ДПК “оставила идеи социализма и перешла на позиции курдского национализма”.

Mapping of the Arab Left: Contemporary Leftist Politics in the Arab East. RLS Regional Office Palestine, 2013. P. 153.

октября состоялось возвращение Барзани. В Багдаде его встречали как героя.²¹⁶

Следует отметить, что первые решения новой власти вполне соответствовали желаниям курдов, поскольку, начиная с поражения Мехабадской Республики в Иране в 1946 г., для Барзани – принимавшего непосредственное участие в её создании – стало очевидным, что претензии курдов на полностью независимое государство не имеют шансов на признание при наличии такого враждебного окружения как Иран, Турция и Сирия (не говоря уже о позиции мировых держав: на прежнем этапе – Британии, теперь – США и СССР). Как следствие этого, национальное движение курдов после Второй мировой войны “приняло новый характер”, поставив во главу угла идею автономии в пределах Ирака.²¹⁷

Впоследствии – уже в период вооружённой борьбы против центрального правительства – Барзани также будет делать заявления о том, что “курды всегда будут на стороне арабских братьев, если Ирак подвергнется любому нападению”.²¹⁸

10 октября по багдадскому радио и телевидению было передано обращение Барзани. Им было сказано, что “теперь начинается решающий этап в истории борьбы нашего народа за свободу и мир <...> Мы вернулись после провозглашения Республики, чтобы работать вместе с нашими братьями и защищать нашу родину”. Сообщение завершалось призывом: “Да здравствует братство арабов и курдов!”²¹⁹ Такой дискурс был характерен для отношений между курдами и арабами на том этапе.²²⁰

В правительстве Касема также присутствовали курды: одним из трех членов Революционного совета (наряду с шиитом и суннитом) был курд

²¹⁶ Барзани М. Мустафа Барзани и курдское освободительное движение (1931-1961 гг.). СПб.: “Наука”, 2005. С. 238-239.

²¹⁷ Мухамед С.А. Курдистан в экономике современного Ирака: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.00. – Москва, 1972. С. 181.

²¹⁸ “Известия”, 15.07.67.

²¹⁹ “Правда”, 12.10.58.

²²⁰ Jwaideh W. The Kurdish National Movement: Its Origins and Development: Syracuse University Press. 2004. P. 281.

Халид аль-Накшбанди, два курда: Баба Али (сын шейха Махмуда Хафида) и доктор Мохаммед Салих были министрами в новом кабинете ²²¹.

В 1958 г. Касем начал сельскохозяйственную реформу, целью которой было перераспределение фонда обрабатываемых земель в пользу рядовых общинников. Перераспределению подлежало порядка половины всех обрабатываемых земель Ирака. Побочным эффектом такой политики – политической целью которой было обеспечить массовую поддержку революционного командования – стало недовольство крупных земельных феодалов (в случае Северного Ирака – вождей крупнейших племён-конфедераций).

Как следствие этого, курдские племена (во всяком случае, их вожди) возлагали надежду на способность Барзани внести изменения в политику центрального правительства. В итоге можно утверждать, что между ними де-факто было установлено негласное соглашение, согласно которому он взял на себя обязательство остановить или помешать проведению земельной реформы в обмен на поддержку представителей традиционной курдской элиты²²² (которой он сам был близок по мировоззрению – вопреки длительному пребыванию в стране победившего социализма). Однако, одновременно с этим, необходимо отметить, что, например, Курдский союз фермеров оказывал поддержку ДПК в попытке ослабить доминировавшие в Иракском Курдистане – по состоянию на тот момент – отношения по поводу производства (которые носили преимущественно феодальный характер). Также следует отметить, что представители некоторых племён (до этого враждовавших с Барзани) впоследствии также избрали сторону правительства (получив презрительное наименование “джаш”, т.е. “молодые ослы”).²²³

²²¹ Lovat F.-X. Shkar Affan Naqshbandi. Kurdistan. Iraq. Mullah Mustafa Barzani (1903-1979). (фотоальбом) Erbil, 2015. P. 71.

²²² Stansfield G. Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy. RoutledgeCurzon, 2003. P. 68.

²²³ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 312.

В целом, можно сказать, что, таким образом, прошла, своего рода, “грань” между интересами феодалов и крестьян. Комментируя это разделение, доктор Камаль Хошнаб отметил, что на тот момент “существовало разделение по интересам... даже Политбюро ДПК не имело власти мотивировать людей политически, ситуация диктовалась исключительно интересами”.²²⁴ К этому можно добавить лишь то, что идеология становилась после этого “формой” выражения таких (классовых по своей сути) интересов.

В Ираке в целом Касем выживал политически, получая поддержку различных политических групп и неизменно отворачиваясь от них после того, как они укрепляли свои позиции, пользуясь покровительством революционного командования. С одной стороны, он пользовался поддержкой барзанистов и коммунистов в деле подавления восстания в Мосуле (1959 г), подогреваемого сторонниками арабского интегрального национализма из партии Баас. Революция 1958 г и убийство короля Фейсала отторгнули от Ирака представителей хашимитской династии Иордании и федерация с Ираком распалась.

Касем старался лавировать с коммунистами, используя тактический союз с ними для борьбы с арабскими националистами, но при этом был крайне обеспокоен ростом прокоммунистических настроений в Ираке. Он не мог закрывать глаза на рост популярности Коммунистической партии Ирака (КПИ) и увеличении числа сочувствующих ей. В какой-то момент приём новых членов в партию был просто запрещён, т.к. у неё не было административных возможностей работать с таким количеством активистов.²²⁵ Дальнейшие события показали, что поддержка режима самого Касема оказалась в решающей степени связана с поддержкой со стороны КПИ. Однако по состоянию до 1961 г. – и, с точки зрения, курдской политики – важно то, что борьба с коммунистами (предлогом к которой стало

²²⁴ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 68.

²²⁵ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship*. I.B. Tauris, 2001. P. 63.

насилие в Киркуке в 1959 г.) привела к чистке ДПК от курдов, которые явно демонстрировали свой прокоммунистический настрой.²²⁶ Следует отметить, что по данному вопросу интересы Барзани и И. Ахмеда совпали (притом, что Ахмед представлял собой более “левое” – если не сказать, “идеологически сознательное” крыло КНД Ирака того периода).

Тем не менее, курдов постигла та же участь, что и коммунистов, поскольку Касем предсказуемо решил, что ДПК и Барзани становятся слишком мощной силой, способной установить контроль над всем Иракским Курдистаном (до этого он прибегал к помощи курдов, когда требовалось разгромить демонстрацию офицеров-арабских националистов и восставшего шейха Рашида в 1959 г.).²²⁷ В мае 1960 г. Касем встречался с племенами сурчи и харки – врагами барзанцев – с целью дестабилизации северных провинций на тот случай, если сторонники Барзани начнут выходить из-под контроля.²²⁸

В 1960 г. отношения между центральным правительством и Барзани стремительно ухудшались. Не прошло и года, как новая власть в лице Касема выдвинула реакционный, шовинистический лозунг “ассимиляции курдов”.²²⁹ Уже осенью 1960 г. центральное правительство по сути отказалось от демократического решения курдской проблемы. На штаб-квартиру ДПК в Багдаде было совершено нападение. Подстрекательства Касема развязали, по пути, междоусобную борьбу в Курдистане, которая несла ярко выраженный племенной характер. Однако надежды Багдада не оправдались. Отказ Касема от рассмотрения меморандума ДПК – в котором были изложены требования

²²⁶ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 305-306.

²²⁷ Lortz M. Willing to Face Death: A History of Kurdish Military Forces – the Peshmerga – from the Ottoman Empire to Present-Day Iraq (PhD Thesis) // Florida State University [Электронный ресурс] URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:NowC70ODZbMJ:https://fsu.digital.flvc.org/islandora/object/fsu:175614/datastream/PDF/view+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 30.01.2022)

²²⁸ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 307.

²²⁹ Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 67.

курдов об автономии – привели к началу гражданской войны (“Сентябрьской революции”) 5 сентября 1961 г.²³⁰

Как утверждают Макдауалл и Стэнсфилд, одним из ключевых факторов успеха Барзани на раннем этапе восстания стало то, что ему удалось консолидировать вокруг своего движения подавляющее большинство представителей традиционного курдского нобилитета (которым, в свою очередь – как показали дальнейшие события – принадлежала наибольшая власть в над курдами). Вместе с тем следует признать, что другой причиной успеха КНД на том этапе стало то, что в нём “совпали” одновременно два движения: светской городской интеллигенции (в лице Политбюро ДПК) и племенное – по своей природе – ополчение во главе с харизматичным (в частности, незаурядным – с точки зрения военного искусства) руководством Барзани. Однако, с нашей точки зрения, это не должно вводить в заблуждение. Движение не было когерентным с самого начала (вопреки единству позиций руководителей курдов против коммунистов – во всяком случае, внутри ДПК как политического субъекта КНД). Свою роль в том, что восстание приобрело массовый характер, сыграло также обстоятельство неизбирательных бомбардировок деревень Иракского Курдистана авиацией Касема²³¹ (ни до, ни после центральное правительство старалось не допускать таких грубых просчётов). Однако основным соображением для курдских вождей участвовать в восстании было стремление не допустить реализации аграрной реформы. С этой точки зрения успех “прогрессивного” (если выражаться в терминах советских исследователей проблемы) национального движения стал возможен, в значительной степени, за счёт консолидации наиболее “реакционных” элементов курдского общества (притом, что их роль, безусловно, не была исчерпывающей).

²³⁰ Тагизаде Т.С. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1958-1966 годах: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Махачкала, 1973. С. 31, 109.

²³¹ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 68.

В качестве других факторов успеха движения Барзани также можно упомянуть суровые репрессии по отношению к представителям тех племён, что выступили против него во время восстания в Ираке в 1943 г. (харки, сурчи, барадусти и зибари).²³² Он не простил их предательства. Представители некоторых племён даже были вынуждены бежать в Иран. Только за первую половину 1959 г. порядка 20 тыс. иракских курдов запросило убежища на территории Ирана и Турции²³³ (подобные “миграции” – в период 1961-1962 гг. – подтверждаются материалами турецких архивов).²³⁴ При этом на протяжении всего восстания правительство не переставало вести переговоры с врагами Барзани, осуществлять им помощь деньгами и оружием.

Однако попытка решить курдский вопрос силой не увенчалась успехом. Горный рельеф Иракского Курдистана, поддержка местного населения, единство руководства Барзани и Политбюро ДПК – все эти факторы способствовали поражению регулярной армии, несмотря на переброску весной и летом 1962 г. новых подразделений в Иракский Курдистан. Боевой дух иракских войск (в рядах которых также были курды-военнослужащие) был низок, как следствие этого дезертирство приняло массовый характер. Целые подразделения отказывались воевать.²³⁵ Уже в начале 1962 г. армия под началом Барзани насчитывала 20 тыс. вооружённых бойцов.²³⁶ Перебежчики приносили с собой оружие, а также обучали представителей племенного ополчения строевой подготовке (из которого впоследствии были сформированы отряды пешмерга, досл. “идущих на смерть”). Следует отметить, что новатором в этом отношении (создании курдских вооружённых

²³² McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 306-307.

²³³ Eppel M. Iraq from Monarchy to Tyranny: From the Hashemites to the Rise of Saddam. University Press of Florida, 2004. P. 188.

²³⁴ Şimşir B. Kürtçülük II (1924-1999). Bilgi Yayinevi, 2020. P. 537.

²³⁵ “Заря Востока”, 11.07.63.

²³⁶ Тагизаде Т.С. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1958-1966 годах: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Махачкала, 1973. С. 129.

отрядов по типу регулярных войск, а не племенного ополчения) стало именно Политбюро ДПК.²³⁷

К 1962 г. военное поражение революционного командования стало очевидно, что стало одним из ключевых факторов свержения Касема. Барзани удалось выйти на связь с представителями партии Баас, члены которой готовили переворот, заверив их, что в обмен на обещание предоставления автономии, он не станет пользоваться ситуацией замешательства на севере, которая возникнет в случае удачи заговора. Тем не менее, никаких письменных договорённостей добиться курдам не удалось.²³⁸ Победившая хунта – назвавшая саму себя Национальным советом революционного командования (НСРК) – назначила полковника Абдул Салама Арефа президентом, а Ахмеда Хасана Аль-Бакра – премьер-министром.

Курды сдержали свое слово, и после государственного переворота военные действия прекратились. Однако Барзани не желал оказывать безоговорочную поддержку до тех пор, пока не будут выполнены его требования курдов, которые включали в себя:

1. Прекращение огня со стороны иракской армии;
2. Освобождение пленных;
3. Выплату компенсаций раненым;
4. Отстранение от должности лиц, ответственных за пытки курдов;
5. Официальное объявление автономии;
6. Включение курдов в руководящий состав нового правительства в Багдаде;
7. Создание курдского регионального правительства, обладающего всей полнотой полномочий по решению внутренних вопросов.²³⁹

²³⁷ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 70.

²³⁸ Eppel M. *Iraq from Monarchy to Tyranny: From the Hashemites to the Rise of Saddam*. University Press of Florida, 2004. P. 192.

²³⁹ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 71.

Ничего, кроме всё возрастающего раздражения в Багдаде эти требования вызвать не могли. В свою очередь, для того, чтобы вполне понять “дух времени” (в значительной степени обусловивший “силовой” подход к решению курдской проблемы), необходимо обратиться к региональному политическому (и идеологическому) контексту рассматриваемого периода.

60-е гг. стали периодом расцвета идеологии арабского национализма на Ближнем Востоке. Апофеозом её стал проект создания Объединённой Арабской Республики (ОАР) в составе Египта и Сирии. Новое иракское руководство также выражало заинтересованность в участии в этом проекте. Часть иракского руководства стремилась к скорейшему объединению Ирака с ОАР. В этом вопросе она имели поддержку со стороны Насера, «который надеялся стать лидером всего арабского мира».²⁴⁰

Данная инициатива – по присоединению Ирака к ОАР – сохраняла свою актуальность и после свержения Касема.²⁴¹ В том случае, если бы этот проект был реализован, курды стали бы меньшинством в 2 млн. чел. (20% от населения Ирака)²⁴² при общей численности населения в 13 млн. чел. в едином государстве в условиях арабского культурного доминирования.²⁴³ Идеология панарабизма плохо сочеталась с требованиями национальных меньшинств предоставить им право самоопределения. Притом, что одним из главных идеологов панарабизма (в его баасистской версии) М. Афляком были сделаны соответствующие оговорки,²⁴⁴ практический исторический

²⁴⁰ Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 63.

²⁴¹ Как отмечают в своей коллективной монографии исследователи проблемы, Фарук-Слаглетт и Слаглетт, в рамках внутрииракской политической борьбы в Багдаде разделение между сторонниками “иракского национализма” и “панарабизма” условно маркировалось фигурами, соответственно, Касема и сменившего его Арефа (который – сразу после революции и некоторое время после неё – был, фактически, вторым человеком в стране). Несмотря на важность данного разделения с точки зрения идеологии, с точки зрения практической политики оно имело отношение скорее к риторике, т.к. нет свидетельств в пользу того, что Ареф был сколь-нибудь искренен в своём стремлении к единству с ОАР. Более того, прямо утверждается, что сам Г. Насер был настроен крайне скептически по отношению к перспективам присоединения Ирака. Farouk-Sluglett M., Sluglett P. *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship*. I.B. Tauris, 2001. P. 95.

²⁴² Dawisha A. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Princeton University Press, 2005. P. 120.

²⁴³ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 71.

²⁴⁴ McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. I.B.Tauris, 2004. P. 323.

опыт показал, что баасистские режимы – как в Сирии, так и в Ираке – предпочли, в конечном итоге, разговор с меньшинствами (прежде всего, курдами) с позиций силы.

17 апреля 1963 г. в Каире было подписано совместное коммюнике о создании федерации между Египтом, Ираком и Сирией со столицей в Каире. Можно сказать, что арабские панарабисты были того же мнения о курдах, что курды – о панарабистах. Как было заявлено министром иностранных дел Ирака Талемом Шабибом, “курды всегда со всей силой выступали против идеи арабского единства”, “в Ираке проживает миллион курдов, которые не приветствуют [арабского – прим. И.В.] единства”.²⁴⁵ По мнению советского исследователя проблемы И. Хассафа, ключевым вопросом иракской дипломатии в тот период – спустя пять лет после революции – стало вовлечение соседних стран в подавление курдов. В свою очередь, курдами было заявлено, что “если Ирак объединится с любой арабской страной, то иракские курды образуют район, не связанный с этим объединённым государством”.²⁴⁶ Таким образом, можно сказать, что курды объективно становились на пути панарабистов по созданию ОАР.

Несмотря на то, что само политическое образование ОАР оказалось недолговечным, последствия целеполагания, исходившего из этого проекта, оказались весьма чувствительны, притом не только для иракских курдов (которым было отказано в собственной автономии). Так, после создания ОАР в 1958 г. угнетение сирийских курдов лишь усилилось. Начались аресты (которые продолжались до 1960 г.). Порядка 80 человек было заключено в городе Хасека. В качестве причины указывалось препятствование арабизации северных провинций (кантонов) страны.²⁴⁷ Таким образом, несмотря на то, что выступления курдов имели место только в Ираке, давлению (как минимум – в контексте ОАР) они подвергались и в соседних странах.

²⁴⁵ Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 108.

²⁴⁶ Там же, С. 109.

²⁴⁷ Там же, С. 123.

Закономерно, политика арабских националистов встретила неприятие со стороны ДПК. Так, в частности, иракскими курдами было заявлено, что “одним из недостатков мы считаем отсутствие последовательной политики по урегулированию разногласий с ОАР... отсутствие арабо-курдского партнёрства в этой республике”.²⁴⁸

Как уже было сказано, стремительно сменявшие друг друга военные режимы не желали идти на какие-либо реальные уступки курдам. С одной стороны, каждая новая группа заговорщиков стремилась заручиться поддержкой Барзани (временным прекращением боевых действий) и обещала выполнить его требования после взятия ими власти. С другой стороны, эти обещания никогда не исполнялись. С этой точки зрения положение КНД, его “сделочная позиция” всегда была слабее, нежели у центрального правительства: даже в те периоды, когда им удавалось успешно противодействовать регулярной иракской армии. Курды Барзани могли изгнать оккупантов из горных районов северного Ирака, однако им никогда не удавалось заставить правительства в Багдаде выполнять собственные обещания (единственным исключением стал обстрел – посредством дальнобойной артиллерии – нефтедобывающей инфраструктуры Киркука в 1968 г., что стало одной из причин, по которой баасисты предпочли заключить Мартовское соглашение 1970 г.).²⁴⁹ Также примечательным представляется тот факт, что Сулеймания – будучи главным очагом возникновения и распространения КНД со времён шейха Махмуда – располагаясь на относительно равнинной местности, постоянно оказывалась под оккупацией иракской армии.²⁵⁰ С нашей точки зрения, это обстоятельство объективного характера – в числе прочих – оказало специфическое воздействие на национальное движение курдов в Ираке

²⁴⁸ Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 64.

²⁴⁹ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship*. I.B. Tauris, 2001. P. 129.

²⁵⁰ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005., P. 73.

(сначала раскол в самой ДПК между Барзани и Джалялем Талабани, затем – исключение Д. Талабани и И. Ахмеда из Политбюро ДПК и создание ими в 1975 г. в Дамаске Патриотического союза Курдистана – ПСК, основным “опорным пунктом” которой стала провинция Сулеймания с одноимённым центром).

Более того, основываясь на материалах архивов донесений британских посланников в Ираке, можно утверждать, что уже как минимум с 1964 г. руководство в Багдаде научилось до определённой степени пользоваться противоречиями, существовавшими внутри КНД Ирака (как минимум, предоставлять финансовую помощь Политбюро ДПК во главе с И. Ахмедом, которое чем дальше, тем больше оказывалось в оппозиции Барзани).²⁵¹ В свою очередь, острота противоречий между двумя направлениями КНД Ирака в рассматриваемый период была настолько остра, что, как свидетельствует Макдауэлл, И. Ахмеду и Д. Талабани как минимум один раз приходилось бежать от гнева Барзани в Иран в страхе за свои жизни.²⁵²

На этом фоне следует отметить, что перемирие баасистов, пришедших на смену первому революционному правительству, не было продолжительным. Уже в начале лета 1963 г. баасисты отказались от признания основного требования КНД – создания автономии. Альтернативный план – “децентрализации управления” оказался неприемлем для курдов. Как следствие, в Багдаде было принято решение, что единственный способ решить курдский вопрос – подавить Курдистан силой оружия. 10 июня 1963 г. было объявлено о начале боевых действий. Как писали турецкие СМИ, данный расклад был обусловлен “невозможностью предсказать, как отреагируют иракские националисты внутри и арабские националисты снаружи, если курдам будет предоставлена автономия”).²⁵³ В ходе войны баасисты творили зверства по отношению к противнику. Так, в

²⁵¹ Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831–1979. Cambridge University Press. Vol. 12. P. 155.

²⁵² McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 317.

²⁵³ “Akis”, 02.03.63.

частности, в июне 1963 г. расстреляли десятки безоружных жителей Сулеймании.²⁵⁴ В целом наступление натолкнулось на ожесточённое сопротивление повстанцев, которым удалось продержаться до ноября, когда в Багдаде произошёл очередной переворот.

Власть баасистов оказалась ещё менее прочной, чем режим Касема (поскольку тот опирался на народную поддержку,²⁵⁵ а не был следствием лишь переворота “в верхах” – это признавалось даже турецкими СМИ).²⁵⁶ В результате уже в ноябре 1963 г. арабские социалисты были отстранены от власти военной хунтой во главе с Абдулом Саламом Арефом.²⁵⁷ Несмотря на то, что военные, пришедшие к власти, имели то же видение “решения” курдского вопроса, что и баасисты (позднее сам Ареф назвал Барзани “марионеткой империализма”),²⁵⁸ они понимали необходимость перемирия с целью восстановить армию. 10 февраля 1964 г. было достигнуто соглашение о прекращении боевых действий в Курдистане, снятия военной и экономической блокады. Семьи курдов, пострадавшие от войны, должны были получить компенсации. Правительство обязывалось выделить средства на восстановление многочисленных объектов инфраструктуры, пострадавших в ходе боевых действий. Амнистию также получали дезертиры, перебежчики из иракской армии.²⁵⁹ СССР – в лице Н. Хрущёва – приветствовал заключение мира между противоборствующими сторонами.²⁶⁰

Важно отметить, что Барзани согласился на прекращение огня без соответствующих консультаций с Политбюро ДПК, усугубив тем самым конфликты, существовавшие среди курдских лидеров. Ситуация ещё более

²⁵⁴ Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. – 223. С. 75.

²⁵⁵ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. I.B. Tauris, 2001. P. 84.

²⁵⁶ “Akis”, 16.02.63.

²⁵⁷ Длер И.Х. Особенности социально-экономического и политического развития в Иракском Курдистане в 1960-1970-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва, 1987. С. 105.

²⁵⁸ Rafaat A. Kurdistan in Iraq: The Evolution of a Quasi-State. Routledge, 2018. P. 43.

²⁵⁹ Тагизаде Т.С. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1958-1966 годах: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Махачкала, 1973. С. 168.

²⁶⁰ “Комсомольская правда”, 16.02.64.

усложнилась, когда стало известно, что новая временная конституция предлагает курдам меньшее, чем предыдущие соглашения. Ошибкой Барзани (с точки зрения борьбы за власть в КНД) было то, что он поставил своё имя под соглашением, в котором не говорилось ни о каком автономном статусе. Как следствие, была предпринята попытка использовать данное обстоятельство против Барзани со стороны ДПК. Политбюро ДПК – в состав которого по состоянию на тот момент входили И. Ахмед, Д. Талабани и Омар Мустафа – яростно выступало против действий Барзани, которые его члены характеризовали как “автократические”.²⁶¹ Они отправились в Ранию, чтобы встретиться с ним и обсудить соглашение, достигнутое с центральным правительством. Их позиция состояла в том, что соглашение дало гораздо меньше, чего того желали курдские патриоты, в то время как Барзани утверждал, что курдский народ устал и сможет навязать свою автономию Багдаду позже. Политбюро попыталось создать переговорный орган между Барзани и ДПК, чтобы представить курдские требования центральному правительству, но эта инициатива была заблокирована Барзани, который вместо этого потребовал отставки И. Ахмеда с поста генерального секретаря.²⁶²

Всё это свидетельствует, с нашей точки зрения, не только о тех противоречиях, что существовали (сохранялись) в курдском обществе на том этапе (их непреодолимым характере), но также о том, что они начали ясно “проступать” в плоскости политической “надстройки”, более того – оказывать воздействие на динамику самого КНД Ирака, отношений курдов – в его рамках – с центральным правительством. Апофеозом этого стал раскол ДПК с последующим обособлением фракции Ахмеда-Талабани. Можно сказать, что Ноширван Мустафа точно охарактеризовал эту проблему, когда сказал, что ещё “1964 г. стал зловещим поворотным моментом... [когда]

²⁶¹ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 72.

²⁶² Ibid.

конфликт между лидером партии и генеральным секретарём проник в ядро политических и военных организаций партии... и стал началом и отправной точкой перманентной гражданской войны” (с той лишь разницей, что здесь у него причина выступает в качестве следствия).²⁶³

С одной стороны, возникновение движения светской городской курдской интеллигенции можно рассматривать как “прогрессивное” (оплотом которой теперь выступала Сулеймания – в противоположность доминированию там шейха Махмуда во времена молодости И. Ахмеда). С другой стороны, в силу того, что оно выступало против авторитарного стиля управления Барзани (фактически – претензии традиционных вождей племён на руководство КНД), оно наделяло КНД Ирака трагическим характером по факту своего существования. Происходило это потому, что противоречие, выражению которого ПСК служило (и идеологическое обоснование которому с точки зрения левой, маоистской – имевшей большое влияние на молодое поколение курдских революционеров²⁶⁴ – идеологии имело) приводило к постоянным конфликтам внутри КНД Ирака. Вместе с тем эта “прогрессивная” группа никогда не обладала сколь-нибудь массовой поддержкой за пределами самых крупных городов Иракского Курдистана, в сельской местности, где власть традиционных шейхов оставалась, фактически, непоколебимой. Более того, можно утверждать (имея ввиду перспективу последующих событий), что в то время как локомотивом КНД (по форме) выступили традиционные вожди, та сила, идеология которой должна была стать знаменем КНД, фактически выступила в роли инструмента центрального правительства по борьбе с Барзани (о чём свидетельствовали многочисленные стычки между вооружёнными силами

²⁶³ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 73.

²⁶⁴ В числе наиболее видных представителей этого поколения следует упомянуть Д. Талабани, Али Аскарри и Н. Мустафу.

обеих фракций КНД – в частности, в 1966 г. – когда силы фракции Ахмеда-Талабани сражались рука об руку с “джашами”).²⁶⁵

Иными словами – как уже было отмечено – данным противоречием (ещё до раскола ДПК) не замедлило воспользоваться центральное правительство, которое – вопреки смене конкретных хунт – на протяжении определённого периода времени (во второй половине 60-х гг. и далее, вплоть до 80-х гг.) возлагало надежды на группу Ахмеда-Талабани. Таким образом, с одной стороны, предполагалось, что фракция Ахмеда-Талабани (как более слабая и нуждающаяся в поддержке Багдада) сможет выступить эффективным противовесом Барзани, договориться с которым стратегам в Багдаде было практически невозможно. С другой стороны, эта группа (будущая ПСК) могла бы выступить (во всяком случае, теоретически) в качестве легитимных представителей всего северного Ирака (опять-таки, в пику Барзани).²⁶⁶

Проблема этой стратегии состояла в том, что, во-первых, фракция светской городской курдской интеллигенции по-прежнему оставалась слишком слабой, чтобы выступать в качестве силы, равной племенному ополчению Барзани. В то же время ПСК никогда не удавалось заручиться поддержкой, сопоставимой с той, какой обладал Барзани.²⁶⁷ Доминирующие позиции в курдском обществе – взятом в целом – по-прежнему сохраняли представители традиционной аристократии (для которых Барзани – за исключением тех вождей, что он собственноручно изгнал в Иран – был не более чем “фронтменом”, максимально близким по духу, стилю управления и, что ещё более важно, тем интересам, что он – сам вполне разделяя – отстаивал). В любом случае, на новом (рассматриваемом) этапе национального движения, курды по-прежнему оказывались заложниками объективных обстоятельств становления собственного общества.

²⁶⁵ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship*. I.B. Tauris, 2001. P. 103.

²⁶⁶ *Ibid.*, P. 130.

²⁶⁷ *Ibid.*

Перемирие было недолгим. Уже в марте 1965 г. 100-тысячная армия центрального правительства начала наступление против 15 тыс. бойцов пешмерга. Не увенчавшись успехом, оно обернулось тем, что стороны вновь оказались за столом переговоров. В то же время Д. Талабани было сделано заявление о том, что против курдов используются отравляющие газы и напалм.²⁶⁸

Теперь Барзани потребовал автономии от Арефа, прибегая к аргументам Ахмеда и Талабани. Более того, можно сказать, что в ходе последующих раундов переговоров Барзани (коль скоро вооружённая борьба шла относительно успешно) “поднял ставки”, расширив свои требования следующими пунктами:

1. Автономный регион должен включать в себя – помимо Эрбиля, Сулеймании и Киркука – также части провинций Мосул и Дияла;
2. Треть нефтяных доходов страны должна предоставляться курдам;
3. Вице-президент Ирака должен быть курдом;
4. Центральное правительство должно на треть состоять из курдов;
5. Заместитель начальника генерального штаба должен быть курдом.²⁶⁹

Год спустя, в апреле 1966 г., как утверждает Макдауэлл, планировалось финальное наступление на Барзани, однако президент Ареф погиб в результате крушения вертолётa.²⁷⁰ В Багдаде началась борьба за власть, в то время как военные действия были остановлены. К власти пришёл брат Абдель Салама, Абдель Рахман Ареф. Барзани было объявлено месячное перемирие, чтобы дать центральному правительству возможность обдумать курдские требования.

Барзани продолжал настаивать на предоставлении курдам автономии во всей полноте. В этот период попытки премьер-министра Баззаза обеспечить мир поначалу казались успешными (т.н. “Декларация Баззаза”, включавшая в

²⁶⁸ “Правда”, 22.05.65.

²⁶⁹ Stansfield G. Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. London, New York: Routledge Curzon, 2005., P. 72.

²⁷⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 317.

себя пятнадцать пунктов-предложений, удовлетворяющих большинство требований курдов). Однако армейские офицеры вынудили Арефа оказать давление на премьер-министра, в результате чего тот был вынужден уйти в отставку. Иными словами, в Багдаде в очередной раз возобладала “партия войны”. В этот же период иракским курдам удалось заручиться поддержкой Ирана, поскольку, после поражения режима Касема, шах счёл необходимым оказывать поддержку курдским революционерам с целью ослабления центрального правительства в Багдаде²⁷¹ (в то же время – как свидетельствует Стэнсфилд, – вынудив подразделения иракской армии развернуться в Иракском Курдистане во время арабо-израильской войны 1967 г., Барзани получил взамен израильскую техническую поддержку).²⁷²

На фоне этого политический кризис в Багдаде продолжался. 17 июля 1968 г. партия Баас организовала государственный переворот против режима Абдула Рахмана Арефа. Президентом стал Ахмед Хасан Аль-Бакр. Партия также заявила, что намерена уважать чаяния курдского народа и содержание “программы Баззаза”. Обе стороны относились друг к другу с большим подозрением.

Одновременно с этим Барзани достаточно успешно теснил фракцию Ахмеда-Талабани. Данное обстоятельство способствовало тому, что центральное правительство приняло решение начать с ним в переговоры в декабре 1969 г. Однако достаточно скоро они зашли в тупик из-за вопроса о статусе Киркука. Требование Барзани состояло в том, что он должен войти в состав курдской автономии безотносительно того, будут включены в её состав такие относительно второстепенные (с точки зрения курдского демографического присутствия) районы как Мосул или нет. В свою очередь, баасисты настаивали на том, что демаркация региона будет зависеть от воли

²⁷¹ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 320.

²⁷² Stansfield G. Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 76.

большинства населения, и что это будет решено либо посредством проведения референдума, либо переписи.²⁷³

Партия Баас, как очередной представитель центральной власти в Багдаде – в равной степени как свои предшественники, – заботилась о стабильности государственного устройства и в этом смысле не могла не бороться против проявлений курдского сепаратизма, стремясь свести все курдские стремления к минимуму. Тем не менее, арабские социалисты были вынуждены пойти на этот (как показали события – временный) компромисс с целью обеспечить себя передышкой (равно как осуществить перевооружение армии советскими образцами вооружения). Саддам Хусейн (в ту пору ещё вице-президент) отправился в Курдистан чтобы лично встретиться с Барзани. Итогом этой встречи стало Мартовское соглашение 1970 г. После этого в Иракском Курдистане – на протяжении следующих четырёх лет – установился недолгий период относительного процветания.²⁷⁴ Как отмечалось в советской прессе, конструктивную роль в достижении мира в стране сыграли иракские коммунисты.²⁷⁵ С другой стороны, Генеральным секретарём ЦК ДПК было сказано, что “арабы и курды высоко ценят благородные усилия Советского Союза в деле прекращения братоубийственной войны между сыновьями одной страны”.²⁷⁶

Можно сказать, что заключение Барзани Мартовского соглашения 1970 г. стало апофеозом КНД Ирака на рассматриваемом этапе. Как характеризует его Стэнсфилд, оно стало “лучшим соглашением, какое иракским курдом когда-либо было предложено”.²⁷⁷ В частности, в Соглашении упоминались следующие пункты:

²⁷³ McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. I.B.Tauris, 2004. P. 327.

²⁷⁴ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005., P. 75.

²⁷⁵ “Правда”, 11.03.71.

²⁷⁶ “Правда”, 28.04.70.

²⁷⁷ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005., P. 75.

1. Официальный (наряду с арабским) статус курдского языка в регионах с преобладающим курдским населением;
2. Курды получают право полного, полноценного представительства во всех органах власти страны; в правительстве, армии;
3. Все официальные лица Иракского Курдистана должны быть курдами и т.д.²⁷⁸

На тот момент обе стороны приветствовали его подписание как искренний шаг на пути разрешения курдского вопроса и создания автономии. Советский союз также приветствовал достижение такого соглашения.²⁷⁹ Багдад сдержал свое слово и была создана специальная комиссия, а президент Аль-Бакр произвел кадровые перестановки в своем кабинете, включив в него пятерых курдов, в то время как члены ДПК были назначены губернаторами Сулеймании, Эрбиля и Дохука.²⁸⁰ Курдскому языку было предоставлено право официального, начали выходить журналы на курдском и появились первые (с момента начала вооружённой борьбы) курдские общественные организации. В состав иракского правительства были включены пять представителей ДПК.²⁸¹

Однако гармония оказалась недолгой. На протяжении всего 1971 г. шли активные дискуссии о демографическом изменении курдских районов в результате проводимой правительством политики арабизации.²⁸² Одновременно с этим баасисты подозревали курдов в заселении Киркука иранскими и турецкими курдами.²⁸³ Уже скоро отношения испортились настолько, что в сентябре 1971 г. была предпринята попытка физического устранения Барзани.²⁸⁴ Ещё раньше в Багдаде была предпринята попытка

²⁷⁸ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 328.

²⁷⁹ “За рубежом”, №13, 27.04-02.04.70.

²⁸⁰ Stansfield G. Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. London, New York: Routledge Curzon, 2005., P. 75.

²⁸¹ “Правда”, 01.04.70.

²⁸² McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 332.

²⁸³ Stansfield G. Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. London, New York: Routledge Curzon, 2005., p. 75.

²⁸⁴ Khalil D. The Idea of Kurdistan. Varsan Group Company. P. 155.

убийства одного из его сыновей, Идриса.²⁸⁵ Как было отмечено советским журналистом, П. Демченко, посетившего Барзани сразу после покушения, начиная с 1971 г. имели место постоянные провокации “каждый раз, как только появляются признаки сближения между основными политическими партиями и открывается возможность создать национальный фронт”.²⁸⁶ Это связывалось им с переговорами, которые баасисты вели с представителями Iraq Petroleum Company (вскоре баасистам удалось добиться её национализации). Фактом остаётся то, что в 1973 г. разразился нефтяной кризис, по итогам которого цены на нефть взлетели в несколько раз. Это резко усилило позиции центрального правительства, которое могло теперь осуществлять программы инвестиций (в частности, перевооружение армии) в большем масштабе. Курды, в свою очередь, оставались недовольны (поскольку на территории, которые они желали видеть в составе своей автономии, приходилось – по их же данным – 80% нефтедобычи в стране в тот период).²⁸⁷

Барзани воспринял все эти события как сигнал к действию и потребовал включить в мартовское соглашение дополнительные пункты, в т.ч. вывод иракской армии из Курдистана и включение курдов в состав НСРК. Однако обращаясь за помощью к США, он – по мнению МакДауэлла – неверно оценил ситуацию, переоценив готовность американцев осуществлять поддержку курдскому делу.²⁸⁸ Политика США по отношению к курдам заключалась в сохранении *status-quo* для обеспечения собственных интересов в регионе (как наиболее красноречиво выразился по поводу американской политики Г. Киссинджер, “проведение операций спецслужб не следует путать с миссионерской деятельностью”).²⁸⁹ Если и можно утверждать, что курды получили сколь-нибудь значительную помощь, то

²⁸⁵ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. I.B. Tauris, 2001. P. 143.

²⁸⁶ “Правда”, 05.11.71.

²⁸⁷ Bilgin M. Barzani. Firat Yayınları, 1992. S. 306.

²⁸⁸ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 336.

²⁸⁹ Khalidi R. Sowing Crisis: The Cold War and American Dominance in the Middle East. Beacon Press, 2010. P. 152.

опосредованно – через ключевых союзников США на Ближнем Востоке (Израиль и Иран).

Переговоры между сторонами постоянно наталкивались на вопрос о статусе Киркука, причем Барзани настаивал на его включении в состав курдского автономного образования в качестве столицы региона, а центральное правительство проводило целенаправленную политику изгнания курдов и переселения арабских поселенцев с юга страны. Багдад был готов к определённой компромиссу по ряду вопросов (как то, некое представительство курдов в Киркуке),²⁹⁰ но не более того. По принципиальному вопросу – каковым Киркук, несомненно, являлся – ни одна из сторон не была готова поступиться и пядью своей позиции.

11 марта 1974 г. в Багдаде был опубликован Закон об автономии. Как было написано по этому поводу советским журналистом П. Демченко, “11 марта в Багдаде официально объявлено о предоставлении автономии курдскому району”.²⁹¹ Однако на самом деле всё было не столь радужно. Барзани дали две недели, чтобы принять его предложения и присоединиться к коалиции партий, известной как Национальный фронт. Закон об автономии предложил курдам гораздо больше, чем они когда-либо получали ранее, но он всё ещё не соответствовал соглашению 1970 г. и требованиям Барзани относительно Киркука. Закон фактически отнял власть у губернаторов и передал её центральным министерствам в Багдаде.²⁹² Президент Республики имел высшие полномочия над Исполнительным советом Автономного района, и все решения подчинялись Верховным судам в Багдаде. Представители курдской администрации прямо называли такую автономию

²⁹⁰ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005., P. 76.

²⁹¹ “Правда”, 15.03.74.

²⁹² Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005., P. 76.

“бумажной”.²⁹³ Современные исследователи оценивают её аналогичным образом.²⁹⁴

Несмотря на решимость продолжать борьбу, внешнеполитическая конъюнктура складывалась не в пользу КНД. К середине 1974 г. регулярной армии удалось захватить целый ряд курдских областей (Мидию, Акру, Ранию, Равандуз и Кала-Дизу). Как следствие, иранцы оказались вынуждены оказывать Барзани, по сути, открытую поддержку – вплоть до развертывания регулярных войск и артиллерии. Также ими были предоставлены новейшие ЗРК для обороны ставки Барзани с воздуха.²⁹⁵

Однако курды по-прежнему значительно уступали иракской армии. Вместе с тем, следует признать, что несмотря на доминирование в военной технике (в свою очередь, обеспеченной договором о дружбе и сотрудничестве с СССР),²⁹⁶ успехи на северном театре боевых действий давались иракской армии с большим трудом.²⁹⁷ Курды продолжали успешно сопротивляться дольше, чем этого можно было ожидать от партизан против регулярной армии.

Тем не менее, исход борьбы был, фактически, предрешён. Как утверждает современный исследователь советско-иракских отношений Олесь Смолянский, к концу 1974 г. советское руководство – после значительного колебания – де-факто заняло сторону центрального правительства в конфликте. Более того, “нарушив предыдущую сдержанность и осторожность, Советы воспользовались возможностью, предоставленной визитом Мохаммеда Реза-шаха в ноябре 1974 г., чтобы напрямую вмешаться в иракско-иранский спор”.²⁹⁸

²⁹³ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 76

²⁹⁴ Zaman A. *From Tribe to Nation: Iraqi Kurdistan on the Cusp of Statehood*. Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2016. P. 6.

²⁹⁵ McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. I.B.Tauris, 2004. P. 338.

²⁹⁶ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship*. I.B. Tauris, 2001. P. 229.

²⁹⁷ Farrokh K. *Iran at War: 1500-1988*. Osprey Publishing, 2011. P. 316.

²⁹⁸ Smolansky O. *The USSR and Iraq: The Soviet Quest for Influence*. Duke University Press, 1991. P. 168.

Как утверждает Стэнсфилд, единственной возможной защитой курдских сил от армии центрального правительства было полномасштабное вмешательство со стороны Ирана. Однако это не входило в планы шаха, в частности потому, что Багдад вёл переговоры на протяжении нескольких месяцев, в результате чего иракцы согласились уступить Шатт-эль-Араб в обмен на то, что Иран откажется от поддержки повстанцев. 6 марта 1975 г. на конференции Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) в Алжире Саддам Хусейн и шах официально урегулировали все пограничные разногласия. Более того, обе стороны согласились обеспечить “совместную безопасность вдоль общей границы”.²⁹⁹ Как было заявлено затем Хусейном публично, Ирак будет делиться отныне водами Шатт-эль-Араба с Ираном, в то время как тот откажется от поддержки курдских сепаратистов.³⁰⁰

На встрече с шахом Барзани было сказано, что всякая поддержка курдов отныне прекращается.³⁰¹ По всей видимости, это сломало Барзани психологически, и он отказался от продолжения борьбы, несмотря на то, что теоретически у него ещё оставались ресурсы, чтобы продолжать её (в чём его впоследствии упрекал Талабани, обвиняя в том, что тот якобы интересовался лишь своими личными интересами как вождя племени).³⁰² В интервью иранской газете “Кейхан интернэшнл” Барзани сказал произнёс следующие слова: “Война в Курдистане закончилась, и военные действия там больше не возобновятся. Продолжение борьбы принесло бы новые жертвы и страдания курдскому народу”. Он также выразил надежду на то, что в отношении курдов баасистское правительство будет проводить “политику, основанную на справедливости и доброй воле”.³⁰³

²⁹⁹ The Algiers Accord // *The Kurds. An Encyclopedia of Life, Culture, and Society*. P. 339.

³⁰⁰ “За рубежом” №12. 14-20.03.75.

³⁰¹ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 79.

³⁰² Ibid.

³⁰³ “Правда”, 24.05.75.

После этого Молла Мустафа уехал в США на лечение, где и умер в 1979 г..³⁰⁴ Как отмечают современные курдские исследователи (в этом они солидарны с Макдауаллом), расчёт Барзани на иностранную помощь (применительно в 1975 г. – США) сыграл фатальную роль в судьбе движения,³⁰⁵ равно как последующих бедствиях курдов. Также неодобрение высказывается относительно готовности Барзани принять помощь от Британии и СССР.³⁰⁶ Тем не менее, с нашей точки зрения, необходимо понимать, что Молла Мустафа исходил из того, чем располагал и делал всё, что мог, чтобы максимизировать успехи движения.

Решение о прекращении боевых действий было принято 23 марта 1975 г. и тысячи курдских семей нашли убежище в Иране или сдались иракской армии. С крахом Курдской революции баасисты получили свободу в осуществлении Закона об автономии. ДПК больше не представляла собой политическую силу в Курдистане (до возвращения братьев Барзани из Ирана в 1978 г.), и всякая её открытая политическая активность была нейтрализована. На этом фоне продолжала осуществляться политика ассимиляции северных провинций страны.

По данным, приведённым Стэнсфилдом, по итогам заключения Алжирского соглашения порядка 200 тыс. курдов (как пешмерга, так и гражданских) бежали в Иран³⁰⁷ (по данным Стэнсфилда – 100 тыс. чел.)³⁰⁸ В свою очередь, с иракской стороны было уничтожено как минимум 800 деревень³⁰⁹ (по сведениям Макдауалла – 1400 к 1978 г.).³¹⁰ Порядка 600 тысяч

³⁰⁴ Korn D. The Last Years of Mustafa Barzani // Middle East Forum [Электронный ресурс] URL: https://www.me_forum.org/220/the-last-years-of-mustafa-barzani (дата обращения: 26.01.2022)

³⁰⁵ Waisy K., Ramli R., Hung H. Mullah Mustafa Barzani and the United States 1960-1975 // Journal of Islamic and Human Advanced Research, 2014. V. 4, I. 4, P. 195-196.

³⁰⁶ Waisy K. The Kurdish Peshmarga Force 1943-1975 // Global Journal of Human – Social Science: History, Archaeology & Anthropology, 2015. V. 15, I. 2, P. 34.

³⁰⁷ Комаров Д. Барзани и борьба южных курдов // 100 лет Мустафе Барзани (сборник). Представительство Регионального правительства Иракского Курдистана в России и странах СНГ. М., 2003. С. 34.

³⁰⁸ Stansfield G. Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 44.

³⁰⁹ Waisya K. The Significant of the New Republic of Iraq for the Kurds 1958-1975 // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research, 2015. V. 21, I. 2, P. 34.

³¹⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 339.

курдов оказалось депортировано в т.н. «коллективные поселения» на юге страны (в частности, в районе Басры),³¹¹ из них порядка 250 тыс. – с граничащих с Ираном и Турцией областей.³¹² Согласно сведениям Е.М. Примакова, вдоль границы с Ираном был создан “арабский пояс” шириной 25 км.³¹³ Целью политики центрального правительства по отношению к северным провинциям стала их арабизация, которая выражалась в замещении депортированного курдского населения арабскими поселенцами.³¹⁴ Делалось это с целью недопущения повторных вспышек сепаратизма, прежде всего в нефтеносных провинциях Киркук и Мосул. Объёмы материальных потерь, понесённых при проведении этих мероприятий центральным правительством, не поддаются подсчёту. То же самое касается материальных потерях курдской стороны. Также следует отметить, что наибольшие потери понесли сельское население и местность.

Можно сказать, что поражение восстания Барзани в 1975 г. имело катастрофические последствия для иракских курдов. По мнению выдающегося представителя курдской интеллигенции К. Буркая, решающую роль в поражении КНД Ирака на том этапе сыграло исключительно враждебное окружение и, в частности, то обстоятельство, что Турция, с одной стороны, “предпринимала большие меры безопасности на границе, оказывая давление на курдский народ”, а, с другой стороны, пыталась “сформировать тесный союз против курдского национального движения”. Однако, с нашей точки зрения, было бы большой ошибкой обходить стороной противоречия, которые были присущи самому КНД Ирака (не говоря уже о разобщенности КНД Ирака и Турции). Как показали дальнейшие события, конкуренция за власть в Курдистане была настолько

³¹¹ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy*. London, New York: Routledge Curzon, 2005. P. 45.

³¹² Геноцид в Иракском Курдистане (под ред. С.М. Кочои). М.: ООО “Профобразование”, 2003. С. 15.

³¹³ Примаков Е.М. *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами*. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. С. 317.

³¹⁴ Bet-Shlimon A. *City of Black Gold: Oil, Ethnicity, and the Making of Modern Kirkuk*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2019. P. 174.

острой, что одна группа курдов (ПСК) предприняла попытку сделать себя “официальным” союзником Багдада, вместо того, чтобы солидаризоваться с ДПК. Впрочем, здесь невозможно возложить вину только на одну сторону: у Талабани действительно были причины не любить барзанцев (подробнее об этом см. 2.3).

С точки зрения турецких исследователей (Г. Түйсюзолу) самой фундаментальной проблемой иракского общества (а, стало быть, и государства) было отсутствие единой идентичности, которая обладала бы исторической преемственностью. С точки зрения исследователя, такой, в определённой степени – с момента обретения страной независимости в 1932 г. и вплоть до свержения С. Хусейна – отвечали арабы-сунниты, которые (будучи меньшинством) со времён мандата занимали ключевые властные позиции.³¹⁵ Именно невозможность достигнуть компромисса в этом отношении привела, в конечном итоге, к поражению “Сентябрьской революции” Барзани (ещё раньше – тому, что проект реальной автономии превратился в “бумажный”). С нашей точки зрения эта же логика применима – в принципе – для объяснения противоречий, существовавших в обществе иракских курдов (как следствие этого, КНД Ирака).

В свою очередь, как утверждает И. Физли, КНД Ирака обрело форму ДПК (в рамках которой относительно успешная борьба, консолидация курдских сил стала возможна) по факту того, что Молла Мустафа представлял собой тип традиционной (в т.ч. религиозной) власти. Но, вместе с тем, в рамках возглавленного им движения происходило постепенное вызревание новых, “левых лидеров” (по мере “знакомства курдов со светской, левой и националистической линией”).³¹⁶ Вместе с тем курдское общество всё равно оставалось расколотым и разобщённым во всех

³¹⁵ Tüysüzoğlu G. Kimliğin Güvenlikleştirilmesi ve İnsani Güvenlik: Irak Örneği // *Avrasya Etüdləri*, 2019. Cilt 55, Sayı 1, S. 41.

³¹⁶ Filiz İ. Kürt Sekülerizmine Dair (Irak Kürtleri) // *İçtimaiyat*, 2019. Cilt 3, Sayı 2, S. 119.

отношениях: языковом, религиозном, классовом, идеологическом. Всё это создавало очень серьёзные препятствия на пути вызревания национализма.³¹⁷

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Достижение статуса автономии было максимально возможным завоеванием в тот исторический период. Во-первых, Иракский Курдистан, как «повстанческое государство»³¹⁸ нуждался во внешнем донорстве и логистической поддержке и её прекращение в 1975 г. со стороны Ирана оказало главное воздействие на поражение курдского восстания в Ираке. Советская же поддержка курдов Ирака носила ситуативный характер, несмотря на то, что имела некое общее идеологическое обоснование. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что становление курдского национального движения в Ираке произошло в условиях уже сформировавшихся после Первой Мировой войны границ региона: в этом смысле Вторая Мировая война не привнесла никаких изменений в границы ближневосточных стран. Более того, можно сказать, что существовавшие на тот момент региональные структуры обрели ещё большую устойчивость в контексте глобального противостояния «двух систем» (что, в свою очередь, вело к формированию таких региональных блоков как СЕНТО). В этих условиях шансы курдов на обретение даже автономии в составе единого Ирака были минимальны: ввиду не только позиции центрального правительства в Багдаде по этому вопросу, но также Анкары и Тегерана. США не были заинтересованы в дестабилизации своих региональных союзников, в то время когда СССР не имел ресурсов, чтобы вступать в полномасштабную конфронтацию с капиталистическими державами на ближневосточном направлении. Вместе с тем им также был внесён определённый вклад в нерасширение конфликта в Иракском

³¹⁷ Güzel H. Soğuk Savaş Sürecinde Irak'ta Kürt Hareketi ve Molla Mustafa Barzani // *History Studies. International Journal Of History*, 2018. V. 1, I. 4, S. 135.

³¹⁸ Вертяев К.В. Иракский и Сирийский Курдистан как повстанческие государства: теоретические подходы к проблеме курдской протогосударственности // *Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 213-216.*

Курдистане за пределы собственно Ирака (с международным вмешательством Ирана и Турции).

В-третьих, одновременно курдский вопрос становится фактором отношений между, с одной стороны, Египтом, Сирией и Ираком (ОАР) и Турцией, Сирией и Ираком (в рамках противодействия курдскому восстанию). Выступления иракских курдов привели, с одной стороны, к репрессиям по отношению к курдам за пределами Ирака (в Сирии и Турции), а, с другой – прямому вмешательству внешних сил в восстание курдов в Ираке (Ирана);

В-четвёртых, хотя проект ОАР не увенчался успехом, это несколько не ослабило давления на курдов как потенциальных сепаратистов, предоставив ещё один предлог для непредоставления им автономного статуса в Ираке. Несмотря на то, что ни Иран, ни Турция не приветствовали панарабизма, отказ от предоставления курдам автономии они не могли не приветствовать. Тем самым, можно сказать, в конечном итоге де-факто произошло «естественное» оформление антикурдского альянса (по типу Саадабадского пакта). При этом курдский вопрос становится самостоятельным фактором турецко-иракских отношений. По мере раскола в подходах к решению курдского вопроса между Касемом и Барзани – обусловленного объективными обстоятельствами – позиции Ирака и Турции вновь сближаются (притом именно на почве противодействия курдам – как то имело место до 1958 г.).

2.2 КНД Турции (1960-1980 гг.)

Молчание турецких курдов на протяжении трёх десятилетий после подавления последних восстаний 30-х гг. создавало впечатление, что КНД Турции уничтожено. Можно сказать, что, как выразился Б. Нергиз, “ссылки, политика переселения и генеральные инспекции... показали силу государства”.³¹⁹ Курдская идентичность по-прежнему игнорировалась. Однако к 60-м гг. курдский национализм возродился, хоть и с изменением всех компонентов: ислам был заменён национализмом, представители традиционной аристократии – интеллигенцией, члены традиционной общины – городским пролетариатом.³²⁰

Следует отметить, что турецким руководством прилагались все усилия по недопущению возобновления восстаний курдов, в т.ч. в годы Второй мировой войны (что совпало с восстаниями Барзани в Ираке в 1943 г, а также созданием в Иране Мехабадской Республики). Как свидетельствует М. Гасратян, в означенный период на юго-востоке размещались большие контингенты вооружённых сил страны.³²¹ Были предприняты такие ограничительные меры, как негласный надзор, запрет на въезд в определённые регионы страны (в первую очередь, для иностранцев), а также ограничение на доступ к новостям³²² (в т.ч. из-за рубежа: как то имело место в ситуации инцидента в Киркуке в Ираке в 1959 г.).

Несмотря на это, власти Анкары не смогли изолировать турецких курдов от событий, которые происходили в других частях Курдистана. Так, некоторые курдские патриоты Турецкого Курдистана поддерживали контакты с Партией возрождения Курдистана (Иранский Курдистан) и «Хева» (Иракский Курдистан). В августе 1944 г. на горе Даинпара (на стыке

³¹⁹ Nergiz B. *Devletin Kürt Politikası ve Kürt Hareketi. Doktora tezi. İstanbul Üniversitesi, 2019. P. 184.*

³²⁰ Yeğen M. *Kurdish Nationalism in Turkey, 1898–2018 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 316.*

³²¹ Гасратян М.А. *Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990., С. 207.*

³²² Nergiz B. *Devletin Kürt Politikası ve Kürt Hareketi. Doktora tezi. İstanbul Üniversitesi, 2019. P. 186.*

границ Ирана и Турции) состоялась встреча делегатов трех частей Курдистана, на которой национальные силы Турецкого Курдистана представлял некто Гази Мухаммед Вахаб.³²³ Во время этой встречи делегаты обсудили вопрос о «взаимном сотрудничестве... на благо Великого Курдистана».³²⁴

Турецким властям не удалось добиться того, чтобы события в других частях географического Курдистана оставались тайной для курдов Турции. Как стало известно уже в наше время, курдские студенты, получавшие в то время образование в стамбульских вузах, узнали о восстании Кази Мухаммеда (равно как его подавлении в 1946 г) почти немедленно. Не менее примечательно то, что – несмотря на то, что они были выходцами из “больших семей Курдистана” (т.е. представителями традиционной курдской аристократии), – они сочли своим долгом отметить провозглашение Мехабадской республики. Некоторые из них даже выразили желание присоединиться к восстанию (которое было быстро подавлено иранской армией). Это можно интерпретировать как желание поднять курдский вопрос там, где они жили и получали образование – в Турции. Примерно в 1948 г. пятеро студентов из «Диджле Талебе Юрду» – Мустафа Ремзи Бучак, Юсуф Азизоглу, Зия Серефаноглу, Фаик Бучак и Муса Антер – решили создать общество по защите прав курдского народа, “Ассоциацию по спасению курдов”.³²⁵

Переход Турции к демократии после Второй мировой войны – ознаменованный приходом к власти в 1950 г. Демократической партии (ДП) – также способствовал актуализации курдского вопроса. Так, с одной стороны, в условиях политической конкуренции, возросла роль и значимость – с точки зрения центрального правительства – ага (землевладельцев) и

³²³ Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 232.

³²⁴ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990., С. 207.

³²⁵ Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 233.

шейхов юго-востока страны. Представители традиционной курдской аристократии добивались того, чтобы общинники, бывшие под их началом, голосовали за ту или иную политическую партию (изначально – преимущественно за ДП, но позднее ситуация несколько изменилась). Взамен они получали места в меджлисе Турции. Образцовым примером такой кооптации курдских элит стало избрание Адбулмелика Фырата – внука шейха Саида – в качестве депутата Великого национального собрания.³²⁶ Более того, среди депутатов (ВНСТ) были люди, бывшие в ссылке и даже участвовавшие в некоторых восстаниях и их родственники. Таким образом считалось, что недовольство курдов государством исчезнет.³²⁷ С другой стороны, активная экономическая политика, проводником которой выступала ДП (шире того – интеграция турецкой экономики в мировую, в т.ч. в рамках “доктрины Трумэна”) привела к росту производительности труда в сельском хозяйстве.³²⁸ Как следствие этого, начался процесс стремительного разложения традиционного курдского общества. Он нашёл отражение в работах представителей курдской интеллигенции, например, Наджи Кутлая (одного из проходивших по “делу 49-ти”), который также связывал развитие производительных сил с распадом отношений, которые были характерны для традиционного общества (при том что процесс этот начался, как уже было отмечено, ещё в конце XIX – начале XX вв.).³²⁹ В конечном итоге, аги и шейхи были вынуждены удерживать рядовых общинников (т.к. именно их присутствие обеспечивало голоса на выборах), в то время как с экономической точки зрения это перестало быть целесообразным.³³⁰ На это также наложился фактор более высоких темпов рождаемости курдов по

³²⁶ Yadirgi V. De-Development in Eastern and Southeastern Anatolia // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 147.

³²⁷ Nergiz B. Devletin Kürt Politikası ve Kürt Hareketi. Doktora tezi. İstanbul Üniversitesi, 2019. P. 186.

³²⁸ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: Крафт+, 2007. С. 272-273.

³²⁹ Kutlay N. 21. Yüzyıla Girerken Kürtler. Peri Yayınlar, 2011. S. 581.

³³⁰ Yadirgi V. De-Development in Eastern and Southeastern Anatolia // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 147.

сравнению с турками (как утверждает Койлю, как минимум на юго-востоке страны).³³¹

В свою очередь, с точки зрения официальной политики в отношении курдов, смена правящей партии не привела ни к каким изменениям. Отрицалось само существование курдов, их называли “горными турками”. Соответственно, сама постановка “курдского вопроса” была невозможна. И если на протяжении 50-х гг. КНД Турции ещё сдерживалось рамками традиционного общества, то уже 60-е гг. были ознаменованы масштабной миграцией курдов с юго-востока страны. Порядка 41% трудовых мигрантов с юго-востока страны направлялись в Стамбул, 18% – в Анкару, 15% – в Адану и 4% – в Измир.³³² Там – в крупных городских центрах (как правило, на берегу моря) – они вливались в толпы городского пролетариата.

Перемещение курдов в города, равно как строительство шоссейных дорог по всей Турции (что было одним из приоритетов ДП)³³³ привело к тому, что они начали мыслить себя в более широком контексте. Росло число курдов, получающих высшее образование (при том, что мест в вузах оставалось в разы меньше, чем молодёжи; это также способствовало росту социальной напряжённости). В свою очередь, попытки турецкого руководства воспитывать курдских детей в специальных интернатах, далеко от родного дома с целью привить дух официальной идеологии, привели к результату диаметрально противоположному. Как отмечает Макдауалл, из стен этих заведений вышло целое поколение знаковых фигур национального движения курдов Турции: Муса Антер (издатель журнала “Прогрессивное отечество” – İleri Yurt); Тарик Зия Экинджи (генеральный секретарь ТРП); Юсиф Азизолу (основатель Партии турецкой нации); Фаик Буджак (основатель Демократической партии Турецкого Курдистана – ДПТК).³³⁴

³³¹ Köylü M. Geçmişten Günümüze Kürt Siyasi Hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. S. 149.

³³² Ibid.

³³³ Zürcher E. Turkey: A Modern History. I.B. Tauris & Company, 2017. P. 227.

³³⁴ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 405.

Возрождение КНД Турции (если не сказать, принятие им современных форм, адекватных XX в.) стало возможно после военного переворота 1960 г., отстранившего ДП от власти. Конституция 1961 г. – притом, что она сохраняла антикурдскую и антикоммунистическую направленность – содержала в себе ряд нововведений, носивших прогрессивный характер. Так, в частности, была разрешена рабочая партия и профсоюзы даже получили ограниченное право на забастовки. В этом смысле жест формального руководителя переворота 1960 г. генерала Д. Гюрсея действительно представляется “примечательным”, коль скоро знаменовал собой не только возврат к гражданскому управлению, но также создание особой группы представителей интеллигенции, целью которых была выработка новой, либеральной конституции.³³⁵

Вместе с тем позиция турецкого правящего класса в отношении курдов осталась неизменной. Или, как выразился по этому поводу сам Д. Гюрсель: “В этой стране нет курдов. Кто бы ни сказал, что он курд, я плюну ему в лицо”.³³⁶

Конституция 1961 г., хотя она была в значительной степени ориентирована против курдизма и коммунизма, безусловно, способствовала этому обновлению частично за счет расширения гражданских свобод.³³⁷ Другие важные факторы включают возвращение Барзани в Ирак в 1958 г. и влияние “Сентябрьской революции” в Иракском Курдистане. Некоторые курды из Турции уехали, чтобы присоединиться к силам Барзани, в то время как новости о восстании, которые транслировались в турецкой прессе,³³⁸ встретили бурный отклик.³³⁹ Программы также транслировались курдским повстанческим радио. Следует отметить, что свою лепту в усиление связей

³³⁵ Köylü M. Geçmişten Günümüze Kürt Siyasi Hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. S. 155.

³³⁶ Yadirgi V. De-Development in Eastern and Southeastern Anatolia // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 149.

³³⁷ Köylü M. Geçmişten Günümüze Kürt Siyasi Hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. S. 155.

³³⁸ Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 245.

³³⁹ Köylü M. Geçmişten Günümüze Kürt Siyasi Hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. S. 151.

между иракскими и турецкими курдами вносило радиовещание на курдском языке из Армянской ССР с 1963 года.

События в Иракском Курдистане серьёзно встревожили турецкое руководство. Показателем этого является тот факт, что в ситуации нехватки продовольствия, когда ага вывели рядовых общинников на акции протеста, это привело к тому, что вожди племён были обвинены в «агитации за свободный Курдистан».³⁴⁰ 248 человек – “предположительно возглавивших беспорядки” – было направлено в лагерь в Сиване. Большинство из них было помиловано и освобождено Комитетом национального единства в ноябре, однако 55 ага и шейхов было направлено в ссылку в западные регионы страны: Афьон, Испарту, Анталию и Измир. Правительство оправдывало это борьбой с феодальной системой, однако, как утверждает Койлю, лишь 6 из них было крупными землевладельцами, что, соответственно, заставляет усомниться в официальной версии.³⁴¹

События в революционном Ираке очень скоро начали оказывать влияние не только на двусторонние отношения стран, но также, в определённой степени, на внутреннюю политику Турции. Так в марте 1959 г., после событий в Ираке, получивших в турецкой историографии название “резни в Киркуке” (когда был убит ряд туркоман, курдами, предположительно состоявшими в КПИ) депутатом НРП Асымом Эремом, согласно различным информационным источникам, было сказано буквально следующее: “курды убили наших братьев, давайте убьём столько курдов, сколько туркоман они убили в Ираке”.³⁴² Данное заявление вызвало бурную ответную реакцию со стороны представителей курдской интеллигенции и студентов Турции. В результате 50 человек было арестовано (один из них умер во время следствия, поэтому это дело стало известно как “дело 49-ти”). Арестованным вменялись “курдизм и коммунизм” за отправку телеграмм в иностранные

³⁴⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 406.

³⁴¹ Köylü M. Geçmişten Günümüze Kürt Siyasi Hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. S. 153.

³⁴² Ibid.

посольства, а также турецкие газеты с целью заявить свой протест против подобного рода расистских высказываний, нацеленных на разжигание межнациональной розни. В числе задержанных был Муса Антер, публикация стихотворения которого “Kımlı” (“Тля”) в газете İleri Yurt стало одним из предлогов к аресту. Притом, что их содержание под стражей продолжалось 6 лет, в конечном итоге они были оправданы из-за отсутствия состава преступления.

Следует отметить, что 60-е гг. Турции в целом были ознаменованы активизацией левой политической мысли. Само движение переживало подъём. В 1961 г. рядом профсоюзных активистов была создана Турецкая рабочая партия (ТРП). Активное развитие получили идеи таких левых мыслителей как Д. Авджиолу и др. Однако следует отметить, что достаточно скоро (к концу 60-х гг.) пути “турецких левых” и национального движения курдов Турции разошлись. У этого был ряд причин.

1. “Турецкие левые” не акцентировали внимание на курдском вопросе. Именно данный пункт стал камнем преткновения в их отношениях с курдскими активистами, которые довольно быстро разочаровались в нежелании левых Турции рассматривать курдский вопрос как самостоятельную проблему (позиция ТРП – отличавшаяся непоследовательностью³⁴³ – была исключением, однако именно то обстоятельство, что её руководство во всеуслышание заявило о существовании курдского вопроса, стало предлогом для её закрытия по итогам военного переворота 1971 г.);
2. Для “турецких левых” было характерно идеализировать роль армии, которая, по их мнению (в соответствии с доктриной кемализма) стояла над обществом и в целом и играла “прогрессивную” роль. Нельзя сказать, что это было очевидным заблуждением, т.к. переворот 1960 г. действительно нёс в себе прогрессивные черты (в то время как в

³⁴³ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 285-286.

соседних странах – Египте и Ираке – военные, пришедшие к власти, также проводили прогрессивные реформы).³⁴⁴ Однако переворот 1971 г. в Турции развеял иллюзии многих (обрушив репрессии, в первую очередь, именно на левых и курдов).

Новизной ТРП было то, что вопреки своей воинственной, марксистско-ленинской риторике, она стала единственным левым движением, выступившим за ведение политической борьбы в рамках легального политического поля. Более того, по итогам выборов 1965 г., ей даже удалось получить 15 мест в Великом национальном собрании (за неё проголосовало 2,83% населения).³⁴⁵ И хотя впоследствии ей не удалось повторить свой успех (партия запрещалась после переворотов 1971 и 1980 гг.), она оказала большое влияние на современников (прежде всего, учащуюся молодёжь, в т.ч. курдскую).

В то же время, в 60-е гг. активное развитие получили профсоюзные движения. На смену старым профсоюзам, обслуживавшим предприятия госсектора (таким как *Türk İşçi*) пришли новые, прежде всего Конфедерация революционных профсоюзов Турции (*DİSK*). За 13 лет своего существования численность *DİSK* возросла многократно: с 67 тыс. чел. в 1967 г. до 500 тыс. чел. в 1980 г.³⁴⁶ Впоследствии её представители выступили против притеснений по национальному признаку, испытываемых населением юго-востока страны, в частности г. Диярбакыр (также известного как “столица” Турецкого Курдистана). В ходе военного переворота 1980 г. Конфедерация профсоюзов была запрещена.

С конца 1960-х гг. курдское движение порвало с турецкими левыми организациями, в рамках деятельности которых они не могли получить удовлетворительный ответ на свои чаяния. Осенью 1967 г., последовательно, в разных населенных пунктах, тысячи людей начали собираться в районах и

³⁴⁴ Веденеев И.Н. Турецкие левые и национальное движение курдов: к вопросу преемственности // Вестник Брянского государственного университета, 2021, № 4. С. 27.

³⁴⁵ Лебский М. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. «Алисторус», 2016. С. 49.

³⁴⁶ Там же, С. 44.

провинциях восточной Турции. Эти акции протеста в форме маршей и демонстраций были формами ненасильственных коллективных действий, известных как митинги или собрания Востока (т.е. “восточные встречи”). Это было первое массовое движение против государственной власти в курдских регионах со времен подавления Дерсимского восстания в 1938 г. 8 мая прошли крупные демонстрации на юго-востоке страны (Мардин, Диярбакыр, Сиверек, Битлис, Ван). Молодёжь выступила с лозунгами: “Мы не турки, мы курды... Правительство должно признать наши национальные права”.³⁴⁷ По данным источников самих курдов, по итогам столкновений 754 демонстранта получили ранения, 311 – застрелено.³⁴⁸

Другим шагом в формировании курдского левого движения в Турции, отделённого от турецких левых организаций, является появление Революционных культурных очагов Востока (Devrimci Doğu Kültür Ocaklar, DDKO). Они были основаны в Анкаре и Стамбуле в 1969 г., а пять других филиалов были созданы в конце 1970 и начале 1971 гг. Большинство членов ассоциаций были курдскими студентами. Эта предпосылка приведёт ко все более глубокому расколу, который станет непоправимым с 1974 г. Хотя эти ассоциации были созданы для защиты культурных прав, фактически они превратились в “плавильный котёл” для зарождающихся курдских активистов.

После государственного переворота 1971 г. – репрессии которого были направлены, в первую очередь, против левых и курдов – КНД Турции начало всё чаще прибегать к вооружённому насилию во второй половине 1970-х гг. Амнистия 1974 г. для заключенных, арестованных в 1971 г., освободила поколение, которое было радикализировано репрессиями и тюрьмами, которое больше не доверяло конституционным и правовым рамкам и считало подпольное сопротивление единственным выходом. Многие из них

³⁴⁷ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 406.

³⁴⁸ Köylü M. Geçmişten Günümüze Kürt Siyasi Hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. S. 155.

сформировали ядро будущих организаций борьбы в тюрьме³⁴⁹ (как, например, создатель РПК Оджалан).

Такое развитие событий было, в немалой степени, определено репрессиями со стороны власти, а также разочарованием представителей левой интеллигенции в “прогрессивном” потенциале армии. Однако действия молодых боевиков оказались поспешными, поскольку они не обладали должной подготовкой и недооценивали решимость военных железной рукой восстановить порядок в стране после переворота 1971 г. ТРП – фактически, единственная надежда турецких левых на то, чтобы заявить о себе в рамках легального политического поля – была запрещена за одно лишь упоминание того, что население юго-востока страны составляют курды. В то же время подавление вооружённого сопротивления левых радикалов со стороны армии и спецслужб носило бескомпромиссный характер. Можно сказать, что революционное движение 70-х гг. оказалось обезглавлено с самого начала. Уже к 1973 г. были ликвидированы такие знаковые лидеры революционного движения как Махир Чаян (погиб в перестрелке), Дениз Гезмиш (казнён), Ибрагим Кайпаккая (погиб в тюрьме). Незадолго до своей гибели, в период нахождения в тюрьме, Чаян выразил сожаление о том, что встал на путь вооружённой борьбы, поскольку она потерпела неудачу.³⁵⁰ В свою очередь, Али Озджан в своей работе, посвящённой РПК, отмечает, что Оджалан был поклонником Чаяна.³⁵¹

В противоположность этому турецким исследователем, дипломатом в отставке Б. Шимширом утверждается, что ещё в начале 60-е гг. на территории Турции действовала нелегальная организация курдских студентов. Она называлась “Курдская студенческая организация Турции” (Türkiye Kürt Öğrenci Derneği) и состояла из курдов, приехавших из Ирака

³⁴⁹ Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 246.

³⁵⁰ Özgür M. The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism. Library of Modern Middle East Studies. London: I.B.Tauris & Co Ltd., 2010. P. 131.

³⁵¹ Özcan A. Turkey's Kurds. A theoretical analysis of the PKK and Abdullah Öcalan. Taylor and Francis Group, 2006. P. 77.

чтобы продолжать обучение в турецких вузах. Их организация была разоблачена в 1963 г., о её существовании было объявлено министром внутренних дел того периода. Она имела контакты с Европейской ассоциацией курдских студентов, основанной в Висбадене, которая являла собой представительство М. Барзани в Европе.³⁵² Группа обвиняемых включала Ибрагима Мамхыдыра (Койсанджак); Джемалю Алемдара (Эрбиль); Гази Дизей (Эрбиль); Фуата Дервиша (Багдад); Неджата Ремзи (Киркук); Шерифа Мухтара (Эрбиль); Саида Абдурахмана (Киркук); Фируза Фалахата (Ризайе, Иран).³⁵³

Аресту этих лиц предшествовал арест двух других курдских студентов, занимавшихся изданием курдских журналов, но их имена остались неизвестны.

В свою очередь, летом того же года была арестована группа турецких курдов. Им вменялось “создание независимого Курдистана в Турции”. Во время обыска были обнаружены 52 документа, относящихся к “курдской пропаганде”. Упоминается наличие 70-страничной грамматики курдского языка и курдский алфавит. В числе задержанных были упомянуты такие известные деятели КНД Турции как Саид Эльчи и Муса Антер (член ТРП). Также были арестованы Медет Серхат и Яшар Кайя (главные редакторы курдского журнала “Deng”), Доан Кылыч (владелец газеты “Roja-Newe”), Эдип Карахан (владелец газеты “Dicle-Fırat”) и др. Почти за всеми арестованными признавалось наличие контактов с границей. Также в рамках расследования фигурировали такие названия (по-видимому, материалов, подлежащих распространению) как “Курды и революция в Ираке”, “Курдский национализм”, “Саадабадский и Багдадский пакты”, “Национальный лидер Молла Мустафа Барзани”, “Курдская борьба”,

³⁵² Şimşir B. Kürtçülük II (1924-1999). Bilgi Yayınevi, 2020. P. 539-540.

³⁵³ Ibid.

“Иракская революция пробудила курдов”, “Сегодняшняя революция в Ираке и другие курды” и т.д.³⁵⁴

Помимо этого в деле фигурировал некто Абдуссеттар Хамаванди, якобы возглавлявший в Ираке секретный комитет по радиовещанию и пропаганде “Организация свободной молодёжи”. Он был задержан при пересечении турецкой границы. Ему вменялись “деятельность и контакты, связанные с созданием тайной курдской организации в Турции... а также множество документов, которые свидетельствовали о его сотрудничестве с иностранными государствами.”³⁵⁵

Шимшир утверждает, что арестованные не только “находились в контакте с лидером иракских курдов Моллой Мустафой Барзани”, но также “были организованы для создания “курдского государства” на турецкой земле”. Также имели место аресты других людей, связанные с курдской темой. В военный суд Генерального штаба был подан иск в общей сложности против 42 человек. Прокурор потребовал оправдать 22 человек, а остальным вынести суровый приговор. Тем не менее, обвиняемые были оправданы. В свою очередь, 21 февраля 1963 г. был принят закон о частичной амнистии. Вместо предполагаемых 10 тыс. чел. свободу получили 22 тыс. чел.³⁵⁶ С нашей точки зрения, всё это свидетельствует в пользу относительной мягкости турецкого режима по отношению к курдам в 60-е гг., особенно в сравнении с тем, какая политика была принята на вооружение десятилетие спустя (когда относительно конституции 1960 г. было сказано, что она содержит “роскоши, неприемлемые для Турции”; когда в пик левым радикалам были созданы молодёжные радикальные правые группы “Бозкурт”,³⁵⁷ поддержанные, в т.ч. по линии секретной структуры НАТО “Гладио”, о существовании которой стало известно лишь после окончания Холодной войны).

³⁵⁴ Şimşir B. Kürçülük II (1924-1999). Bilgi Yayinevi, 2020. P. 541-542.

³⁵⁵ Ibid, P. 544.

³⁵⁶ Ibid.

³⁵⁷ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 413.

Сразу после военного переворота 1971 г. в 1973 г. была создана Ассоциация демократического высшего образования Анкары (Ankara Demokratik Yüksek Öğretim Öğrenci Derneği, ADYÖD), которая стала центром притяжения турецких левых. После неё, в 1975 г. была создана Ассоциация революционно-демократической культуры (Devrimci Doğu Kültür Derneği, DDKD), которая способствовала объединению курдов, большая часть которых также была активна в левом движении.³⁵⁸

После всеобщей амнистии 1974 г., движения столкнулись с внезапным поражением восстания Барзани в 1975 г., которое вынудило курдов Турции искать альтернативные модели организации и вдохновения. Эта конфигурация привела к созданию в турецком Курдистане небольших групп, основанных на радикальном дискурсе. В период с 1974 по 1977 гг. была создана дюжина курдских организаций. Все фракции разделяли марксистскую революционную идеологию с нюансами (марксистско-ленинская, маоистская, просоветская). В целом, начиная со второй половины 1970-х гг. колониализм и борьба за деколонизацию стали основными формами теоретического осмысления курдского вопроса.³⁵⁹ Молодёжь была недовольна “примирительным”, социал-демократическим курсом руководства ТРП, плавно происходил процесс радикализации на фоне экономического кризиса начала 70-х гг. Следующим этапом становления КНД Турции стало возникновение революционных ячеек, ставивших своей целью вооружённую борьбу против “реакционного” правительства и армии, принимавшей участие в подавлении левых демонстраций 1969-1973 гг.

Таким образом, можно сказать, что к 1973 г. произошёл перелом в сознании турецких левых. Так, с одной стороны, для них стало ясно, что надежды на то, что армия сможет стать движущей силой социалистических преобразований, не оправдали себя. В то же время молодёжь (в том числе и

³⁵⁸ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 271.

³⁵⁹ Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 246.

курдская) была разочарована в ТРП, действия которой представлялись ей недостаточно радикальными. Впрочем, после переворота 1971 г. исчезла и эта возможность законного, легального политического представительства. Поводом к этому стало именно обращение к курдскому фактору. Как следствие этого те, кто продолжали считать себя левыми и вступили на путь борьбы, больше не считали себя связанными необходимостью делать вид, что курдской проблемы не существует. Как утверждает Шимшир, начиная с 1969-1970 гг. турецкие левые и курды начали направляться в Палестину “для прохождения партизанской и террористической подготовки в организации ФАТХ”.³⁶⁰

Ретроспективный анализ показывает, что возвращение курдского национализма стало возможным благодаря сочетанию нескольких случайных событий, равно как структурно опосредованных факторов. Основным структурным фактором было то, что турецкому государству второй четверти двадцатого века – как об этом уже было сказано – не хватало возможностей сделать курдов “настоящими” тюркоязычными гражданами путем ассимиляции.

Первой собственно курдской партией, появившейся после разгрома национального движения турецких курдов первой половины XX в., стала Демократическая партия Курдистана в Турции (ДПКТ), которая возникла в подполье в 1965 г. при поддержке иракских курдов, а именно ДПК Мустафы Барзани. Основатель партии – Фаик Буджак, генеральный секретарь – Саит Эльчи. Согласно сведениям, приводимым Шимширом, партия была основана ещё в 1961 г. неким Абдуллахом Ёткеном в Силопи. Первые местные организации были созданы в Силопи и Джизре.³⁶¹

Саму себя ДПКТ характеризовала как “партия, вооружённая пролетарской идеологией и подчинённая железной дисциплине”. В качестве цели выступало добиться признания права турецких курдов “самим

³⁶⁰ Şimşir B. Kürçülük II (1924-1999). Bilgi Yayınevi, 2020. P. 561.

³⁶¹ Ibid, P. 545.

определять свою судьбу”. Средством к этому становилась “национально-демократическая революция, народная борьба”. Именно этим оправдывалось создание вооружённых сил сопротивления (ст. 2).³⁶²

В свою очередь, Шимшир утверждает, что основными политическими требованиями ДПТК были:

1. Внесение поправок в Конституцию; включение в неё понятия “курдский”; признание, что турецкое государство состоит из двух народов (очевидно, по аналогии с соответствующим заявлением “свободных офицеров” в Ираке после революции 1958 г.);
2. Запрет на размещение мигрантов в Курдистане; запрет на изменение названий деревень и городов;
3. Управление городами Курдистана должно осуществляться лицами курдского происхождения;
4. Официальным языком Курдистана в Турции становится курдский; образование осуществляется на курдском; курдским является язык СМИ, издания книг и периодических изданий;
5. 74% процентов доходов от добычи нефти должно поступать на развитие Курдистана с целью создания “отраслей тяжёлой промышленности” (иными словами, речь идёт о стремлении осуществить индустриализацию Курдистана).³⁶³

Как отмечает Гасратян, “ДПТК, создав народную армию, в ходе длительной борьбы должна очистить курдские районы от турецких вооружённых сил и установить в Турецком Курдистане народно-демократическую власть”. Как следствие этого, будет создан широкий “антиимпериалистический, антифашистский национальный фронт, в который войдут широкие массы и все слои курдского народа, все патриотические демократические силы”.³⁶⁴ Основной силой признавалось крестьянство.

³⁶² Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 286.

³⁶³ Şimşir B. Kürtçülük II (1924-1999). Bilgi Yayinevi, 2020. P. 545.

³⁶⁴ Ibid.

Таким образом, с нашей точки зрения представляется необходимым отметить, что идеология ДПТК претерпела на себе воздействие (будь то прямое или опосредованное) идей маоизма. Это не представляется случайным ввиду того, что формирование ПСК в Ираке также стало возможно на основе идеологии маоизма.³⁶⁵ Однако наличие каких бы то ни было прямых связей между ПСК и ДПТК не прослеживается.

Идеологами ДПТК также предполагалось, что “союз рабочих и крестьян Курдистана должен быть поддержан представителями интеллигенции, студентов, чиновников, ремесленников и других средних слоёв, признающих программу ДПТК” (ст. 4).³⁶⁶ Главным врагом признавались “империализм, который, заключив различные политические и военные соглашения с турецким правительством, выражающим интересы милитаристской крупной буржуазии, всегда стремился подавить справедливую борьбу народов Турции” (ст. 8).

Как было отмечено М.А. Гасратяном, фактически партия выступала проводником интересов ДПК в Турции. Целью ДПТК признавалась борьба за предоставление автономии в рамках Республики и развитие национальной культуры. В целом ДПТК может быть охарактеризована как “правый фланг” национального движения турецких курдов, поскольку в нём были представлены все слои традиционного общества юго-востока страны (сам Буджак происходил из семьи шейхов).³⁶⁷

Следует отметить, что влияние КНД Ирака в целом было очень сильно и турецкие курды находились под сильным впечатлением от деятельности Барзани: многие свидетельства указывают на то, что она была широко известна среди турецких курдов. Об этом, в частности, упоминается в

³⁶⁵ Černy Н. Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict. Routledge, 2017. P. 137.

³⁶⁶ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 287.

³⁶⁷ Там же, С. 260-261, 288.

исследованиях К.В. Вертяева³⁶⁸ и А. Маркус.³⁶⁹ Так, в частности, во многих домах на юго-востоке Турции висели портреты Барзани.

Как свидетельствует М. Хепер, в 1968 г. партия была запрещена.³⁷⁰ 12 марта 1971 г. 30 членов ДПТК были арестованы, после чего предстали перед судом. 19 человек было осуждено за “создание общества под названием “Демократическая партия Турецкого Курдистана” с целью ослабления или разрушения национального чувства”. 10 человек было осуждено на сроки от 3 до 7 лет. В то же время 9 человек было оправдано ввиду отсутствия доказательства.³⁷¹

Основной проблемой ДПТК, равно как подобных ей организаций (таких как Партия освобождения курдов Турции, Ассоциация свободы и Организация бойцов Курдистана) было то, что все они находились на нелегальном положении. Создание партий, ставивших под сомнение единство турецкого народа, было запрещено на уровне конституции (ст. 57).³⁷² Более того, деятельность ДПТК была достаточно быстро пресечена в результате убийства при загадочных обстоятельствах и Буджака, и Эльчи.³⁷³ Ответственность за это возлагается на агентов турецкой спецслужбы МІТ.³⁷⁴ Тем не менее, как утверждает Маркус, в определённый момент имело место обращение турецких курдских революционеров к Барзани, которое тот, однако, проигнорировал по политическим причинам: недопустимости открытия “второго фронта” в ситуации жёсткого противостояния с центральным правительством в Багдаде в период 1961-1975 гг.³⁷⁵

С точки зрения Койлю, главная причина поражения ДПТК заключалась в том, что ей не удалось, за всё время своего существования (1965-1971 гг.),

³⁶⁸ Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. С. 28.

³⁶⁹ Marcus A. Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence. New York and London: New York University Press, 2007. P. 36.

³⁷⁰ Heger M. State and Kurds in Turkey: The Question of Assimilation. Palgrave Macmillan, 2008. P. 156.

³⁷¹ Şimşir B. Kürtçülük II (1924-1999). Bilgi Yayinevi, 2020. P. 548.

³⁷² The Constitution of the Turkish Republic. Ankara, 1961. P. 14-15.

³⁷³ Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. С. 30.

³⁷⁴ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990., С. 242, 261.

³⁷⁵ Marcus A. Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence. New York and London: New York University Press, 2007. P. 20.

достаточно сильно закрепиться, “пустить корни” даже на юго-востоке Турции (Турецком Курдистане). Основной причиной этого было то обстоятельство, что её идеология была очень консервативной.³⁷⁶ В этом смысле она мало что могла предложить в сравнении с ага и шейхами, которые уже были кооптированы в существующий политический истеблишмент, представители которого имели возможность лоббировать свой классовый интерес (совершенно игнорируя при этом национальный аспект) напрямую, если не сказать выступали за сохранение и всемерное поддержание *status-quo*. Именно поэтому ДПТК не удалось заручиться сколь-нибудь масштабной поддержкой, репрессии со стороны государства (прежде всего, против лидеров движения) также сыграли свою роль. В сравнении с иракской ДПК, её турецкое ответвление исчезло практически без следа.

На протяжении 70-х гг. возник целый ряд курдских политических организаций. Помимо РПК, созданной Абдуллой Оджаланом, также заявили о себе Социалистическая партия Турецкого Курдистана (СПТК), созданная Кемалем Буркаем, Национальные освободители Курдистана (НОК), “Рызгари”, “Ала-Рызгари”, “КАВА”, “КАВА-РЕД” и “Текошин”.³⁷⁷

Как отмечается российскими исследователями, характерной чертой РПК Оджалана было то, что она с самого начала вела решительную борьбу не только против агентов правительства – каковыми считались полицейские и учителя (равно как представителей местной, курдской аристократии) – но также против других революционных движений, претендовавших на то, чтобы выступать от имени левой повестки и во имя интересов курдов.³⁷⁸ Планомерная террористическая деятельность РПК на юго-востоке страны привела к созданию института “сельских стражей”, которых турецкое правительство набирало из числа местных жителей и выдавало им оружие в целях обеспечения безопасности поселений. Итогом этого стало то, что

³⁷⁶ Köylü M. Geçmişten Günümüze Kürt Siyasi Hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. S. 158.

³⁷⁷ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 283.

³⁷⁸ Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. С. 34-35.

жертвами террора курдов РПК стали становиться другие курды (из числа “сельских стражей”).³⁷⁹

Аналогичным образом действовало движение НОК, возникшее в результате раскола ДПТК в 1977 г.³⁸⁰ Её опорой было сельское население юго-востока страны. Оно выступало за создание самостоятельной политической партии Турецкого Курдистана. Несмотря на левую риторику, исследователями отмечается, что позиция партии была по сути своей националистической.³⁸¹

Другой организацией, также возникшей в результате раскола ДПТК стала Демократическая партия Курдистана в Турции (ДПКТ) во главе с Саитом Кырмызытопраком.³⁸² Достижение своих целей она видела исключительно военным путём. В 1978 г. (одновременно с РПК) также возникли маоистская группа “КАВА” и проалбанская “КАВА-РЕД”.³⁸³

Группа “Рызгари” была создана представителями курдской интеллигенции, осуждёнными по делу Революционных культурных очагов Востока (РКОВ) 1971 г. Вопреки запрету на публикации на курдском языке, они издавали одноимённый журнал (давший название группе) на турецком и курдском языках. В результате внутренних противоречий (вызванных убийством одного из вождей ПСК А. Аскарри пешмергой ДПК) группа раскололась, одним из её ответвлений стала группа “Ала-Рызгари”. Впоследствии она сыграла определённую роль в КНД Ирака (подробнее об этом – в след. разделе).

С точки зрения исследователя проблемы Й. Йонгердена, все политические движения курдов 70-х гг. могут быть разделены на три группы:

1. ДПТК, ориентированная на Барзани и в целом традиционный уклад курдов;

³⁷⁹ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 289, 337.

³⁸⁰ Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. С. 31.

³⁸¹ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 290.

³⁸² Dr. Şivan Belgeseli // jiyana nu [Электронный ресурс] URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=wFPF336lhbA> (дата обращения: 30.01.2022)

³⁸³ Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. С. 31.

2. СПТК во главе с Кемалем Буркаем (1974 г.). Придерживалась мирного пути разрешения проблем, из всех курдских партий была ближе всего к ТРП;
3. Радикальные военизированные группировки типа РПК.³⁸⁴

Что касается качественного отличия РПК от предшествовавших ей организаций, то, помимо упомянутой нетерпимости к другим революционным группам, следует отметить серьёзный подход Оджалана к созданию нового движения. С его точки зрения, несвоевременное начало вооружённой борьбы первого поколения турецких левых (организаций, ставивших перед собой целью вооружённую борьбу) стало причиной гибели наиболее перспективных руководящих кадров. Как было сказано им по этому поводу, “Жизнь честного бойца за свободу [в начале 70-х гг. – прим. И.В.] отмерялась не годами, а ограничивалась максимум несколькими месяцами”.³⁸⁵ Как следствие этого, Оджалан потратил пять лет на создание партии, в то время как начало вооружённой борьбы потребовало, в свою очередь, в общей сложности, 11 лет подготовки. Становление организации происходило на фоне активного обсуждения как идеологических, так и организационных аспектов движения.³⁸⁶ В свою очередь, с точки зрения Вертяева, широкая общественная поддержка РПК стала возможной вследствие массивной агитации и пропаганды своеобразного синтеза “принципов классового освобождения” и “тезисов о необходимости сохранения института частной собственности”.³⁸⁷

Однако и этой работы было недостаточно в ситуации очередного военного переворота 1980 г., в результате которого страну охватила новая волна репрессий. Так, на протяжении трёх лет после переворота было задержано более 170 тыс. чел, 200 человек погибло в результате пыток, ещё 700 человек – в ходе карательных операций. Более 170 человек было

³⁸⁴ Лебский М. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. «Алисторус», 2016. С. 62.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Там же, С. 56.

³⁸⁷ Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. С. 47.

приговорено к смертной казни.³⁸⁸ В результате ни о какой работе РПК в Турции не могло быть и речи. Ещё накануне переворота, в 1979 г., Оджалан эмигрировал в соседнюю Сирию, у которой на тот момент были плохие отношения с Турцией из-за водной проблемы. Можно сказать, что само КНД Турции оказалось на грани уничтожения и если бы не ПСК – которая оставалась второй по влиянию курдской политической партией Ирака – протянувшая движению Оджалана “руку помощи” в критический момент, вполне возможно, сейчас РПК никому не была бы известна.³⁸⁹ В свою очередь, на вопрос о том, почему ПСК пошла на это, политические функционеры того периода ответили, что: “Мы были молоды и наивны. Мы мечтали о создании масштабного антиимпериалистического фронта по всему Ближнему Востоку, включая многие курдские партии и организации из многих стран. Так мы выходили на связь и помогали любой группе, с которой могли работать и надеялись, что [РПК и другие курдские партии – прим. Х. Черни] преодолению свои разногласия”.³⁹⁰

Таким образом, можно сказать, что между ранними движениями турецких левых 60-х гг. и более поздними движениями 70-80-х гг. (которые, в свою очередь, невозможно рассматривать вне национального движения курдов) существует определённая преемственность. Она строится на отрицании, т.е. “негативна”. Движения революционеров 70-х гг. отрицали опыт умеренных движений 60-х гг. как неадекватный даже тому периоду, что предшествовал перевороту 1971 г. Так и РПК стала отрицанием опыта ранних революционных организаций, которые действовали без основательной подготовки. Число революционных движений увеличивалось, в то время как “спектр” представленных идеологических платформ, напротив, сужался по мере радикализации движения в целом (с одной стороны, отпали ТРП и СПТК как движения, претендующие на легальный

³⁸⁸ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 300.

³⁸⁹ Černy H. Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict. Routledge, 2017. P. 153.

³⁹⁰ Ibid, P. 158.

статус, с другой стороны утратили актуальность такие курдские движения правого фланга как ДПТК и НОК). Более того, можно сказать, что каждому этапу соответствовала радикализация мер правительства, армии и спецслужб по подавлению революционного движения.

Таким образом, в качестве характерной черты левого движения Турции – последовательно прошедшего ряд этапов – следует отметить постепенное возрастание в нём роли курдского фактора. Если первые левые движения, возникшие в среде турецкой интеллигенции, не делали акцента на курдском вопросе (как минимум, не рассматривали его отдельно), то 70-е и 80-е гг. стали периодом, когда курды сами заявили о себе. Этому также способствовала радикализация левых, вызванная поначалу разочарованием в ТРП (в частности, её двойственной и непоследовательной позицией по курдскому вопросу), а затем – после переворота 1971 г. – невозможностью ведения легальной политической деятельностью вкупе с репрессиями переходного режима военных. Эта волна протеста, тем не менее, была успешно “сбита” правительством и левые движения второго этапа также оказались разрушены до основания. Вполне возможно, что левые смогли бы восстановиться и даже ещё более укрепиться (как о том свидетельствует тщательная подготовка РПК, осуществляемая более десятилетия), однако новый военный переворот 1980 г. очередной волной репрессий приложил все усилия к тому, чтобы подавить новые революционные организации (такие как “Ала-Рызгари”, “КАВА”, “Текошин”) в зародыше. В связи с этим весьма вероятно, что если бы не своевременная эмиграция Оджалана и помощь со стороны ПСК (равно как правительства Х. Асада в Сирии), то всё национальное движение курдов (в условиях запрета на легальное представительство левых партий, прежде всего, ТРП) потерпело бы сокрушительное поражение.

Таким образом, можно сделать вывод, что в 60-70-е гг. КНД Турции вышло на новый этап, более того – в лице выжившей РПК – сохранила

накопленный за эти 20 лет организационный опыт. В противоположность организациям КНД Турции предшествующего периода (таким как комитет “Азади” и “Хойбун”), теперь КНД было представлено политическими партиями “современного типа”. В этом смысле турецкие курды оказались даже впереди иракских, т.к. над ними не довлела специфика традиционного курдского общества (нашедшая своё отражение в ДПК после того, как Баразни изгнал из неё И. Ахмеда и Д. Талабани, а его сыновья – представителей “левого уклона” уже своего поколения).

Как было упомянуто, все представители традиционного курдского общества были кооптированы в правящий истеблишмент Турции (иными словами, кемалистам удалось добиться того, чего не удалось добиться хашимитской монархии в Ираке), как следствие этого все они – в ситуации партизанской войны РПК – выступили на стороне правительства в роли “сельских стражей”. Исключение в лице лидеров ДПТК (которые были представителями аристократических фамилий) показало, что курдской оппозиции, КНД не удалось занять (помимо левого) также правый фланг турецкой политики (не говоря уже о том, чтобы выступить в рамках легального политического поля). Эти позиции были прочно заняты хоть и курдами, но не представителями КНД.

Большую роль (как и на предшествующем этапе) сыграли репрессии со стороны центрального правительства, особенно вследствие военных переворотов 1971 г. и 1980 г. В этом смысле турецкое государство представляется обладавшим большим объёмом средств насильственного принуждения курдов к существующему порядку – в отличие от того, что имело место в Ираке (где баасисты оказались вынуждены пойти на компромисс и признать – во всяком случае, формально и отчасти – требования курдской оппозиции; как минимум до того момента, когда перевооружение иракской армии в первой половине 70-х гг. было завершено). Однако фактор отношений между партиями КНД Ирака и

Турции был недооценён (равно как плохих отношений между Турцией и Сирией по водной проблеме), как следствие этого РПК получила шансы на возрождение – уже на следующем этапе КНД Турции.

2.3 Отношения между политическими партиями КНД Ирака и Турции во второй половине XX века. Факторы взаимовлияния

На протяжении XX в. национальное движение курдов претерпело существенные изменения. Начавшись как восстания феодальных по своей сути вождей племён (шейха Саида в Турции, шейха Махмуда Барзанджи в Ираке, Симко Шикака в Иране) КНД, со временем, оформилось в виде политических партий – прежде всего Демократической партии Курдистана (ДПК), созданной в 1946 г. во главе с Мустафой Барзани. Вместе с тем там, где оно пробудилось раньше всего – в Ираке после Июльской революции 1958 г. – национальное движение ещё долго не могло избавиться от таких архаичных черт начального этапа борьбы как деспотичный стиль руководства (сам Барзани был вождём племени барзан); ориентации на интересы традиционной курдской аристократии (крупных землевладельцев); партикуляризма (который подразумевал игнорирование национального движения курдов в соседних странах). Некоторые из этих черт (партикуляризм) не удалось вполне преодолеть и в последующий период (вследствие специфики курдского вопроса, которая сделала его заложником региональной международной конъюнктуры).

Значительную роль в активизации связей между курдами Турции и Ирака сыграли курдские организации за пределами указанных двух стран, в первую очередь, в Европе. На протяжении 60-х годов продолжалась деятельность “Общества по изучению Курдистана”, “Курдского комитета” в Париже; по упоминаниям советских исследователей, курдская делегация принимала участие в Каирской конференции народов Азии и Африки в 1958, ставшей основой Движения неприсоединения³⁹¹.

Согласно одному из новейших исследований по теме, Йонгердена и Аккай, связи между турецкими и иракскими курдами существовали, однако

³⁹¹ План-проспект коллективной монографии “История курдского народа”. АН Армянской ССР, 1965. С. 34.

характер их воздействия на КНД (как минимум, в Турции) был неоднозначен.³⁹²

Основная причина здесь видится в том, что никакие партии в Турции в тот период не представляли интересы националистически настроенных курдов, либо рассматривались ими как откровенно враждебные. Так, по воспоминаниям одного из оставшихся ныне в живых участников “процесса 49-и” Зии Аджара, “курдское национальное пробуждение не имело ни идеологической, ни политической, ни организационной связи с НРП. Наоборот, требования атаковать курдов связывались как с военными операциями 1938 г. – когда НРП находилась у власти – так и шовинистическими заявлениями депутатов от НРП в парламенте”.³⁹³

Можно утверждать, что непосредственным катализатором подъема курдского национализма в Турции послужили события в Ираке, начавшиеся в 1958 г. и продолжавшиеся до 1961 г. По воспоминаниям Аджара, “в 1958 г. генерал Абдулкерим Касим устроил переворот против королевской семьи и провозгласил республику в Ираке. Ирак был соседом Турции. Но что взволновало нас, курдов, так это то, что Молла Мустафа Барзани вернулся в Ирак из Советского Союза, где он пробыл 11 лет, по приглашению самого Абдулкерима Касыма”.³⁹⁴

В то время курдский вопрос в политике Турции не был актуальным. Было очень трудно найти освещение курдского вопроса в СМИ из-за соответствующей государственной политики и давления, которое на курдов оказывалось. Но возвращение Барзани освещалось в газетах, хотя и в довольно ограниченном виде. “Таким образом”, – продолжает Зия Аджар, – “мы смогли наблюдать за происходящим. Вот событие, которое связывает

³⁹² Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 272-273.

³⁹³ Dönemi Tanığı – 49’lar ve Barzani Etkisi // Rudaw [Электронный ресурс] URL: <https://www.rudaw.net/turkish/interview/261020161> (дата обращения: 28.01.2022)

³⁹⁴ Ibid.

нас, курдских студентов, с политикой и начало нашего интереса к курдскому вопросу”.³⁹⁵

По воспоминаниям З. Аджара, “во время недолговечного правления Касема была предпринята попытка государственного переворота против него. Касем попросил Барзани помочь ему сохранить стабильность в стране, но, тем не менее, он использовал военную силу в качестве сдерживающего фактора. На самом деле, в результате беспорядков, устроенных арабами в Киркуке, погибли мирные жители, в том числе и туркоманы. Инцидент был отражен в Турции как «погибшие туркмены» и приписан курдам” (подробнее об этом см. п. 3.2).³⁹⁶

По его сведениям, депутат меджлиса по имени Асим Эрен, как указывалось ранее в данной работе, имевший военное прошлое, заявил в парламенте: “Наши туркменские братья были убиты курдами, которые являются союзниками Абдулкерима Касыма. Как правительство, вы отреагируете на это и каким образом?”

Однако в прессе и в среде курдской молодежи в среде учащихся в Стамбуле эта фраза была интерпретирована, как призыв убить курдов в отместку за смерть туркоманов. По воспоминаниям З. Аджара, “от имени организации «Курдских студентов высших учебных заведений» мы выразили протест и осудили предложение убивать курдов, высказанное в парламенте. Подписантов было 104 человека. Мы отправили телеграмму протеста Асиму Эрену, Исмету Инёню – который был председателем НРП, – а также спикеру парламента и премьер-министру Аднану Мендересу. Четыре человека отнесли телеграмму на почту. Один из них был я. Это событие произошло в 1959 г.”³⁹⁷

По воспоминаниям З. Аджара, “доминирующей темой в отчетах спецслужб (МІТ) того периода было следующее резюме: «С возвращением

³⁹⁵ Dönemi Tanığı – 49’lar ve Barzani Etkisi // Rudaw [Электронный ресурс] URL: <https://www.rudaw.net/turkish/interview/261020161> (дата обращения: 28.01.2022)

³⁹⁶ Ibid.

³⁹⁷ Ibid.

Барзани курдский вопрос стал актуальным и представляет большую угрозу для Турции»³⁹⁸.

Всё это заложило основу для подавления любых попыток возможного создания политического ответвления ДПК в Турции. Тем не менее, в 1965 г. Демократическая партия Турецкого Курдистана (ДПТК) была создана – став первой партией турецких курдов второй половины XX в.³⁹⁹ Она была основана Фаиком Буджаком. По мнению Макдауалла, партия носила явно сепаратистский характер.⁴⁰⁰ Уже в 1966 г. Буджак был застрелен. Его сменил Саит Эльчи, который, как утверждают Йонгерден и Аккая, сделал основной целью партии поддержку ДПК в Ираке.⁴⁰¹ За два года ему удалось создать отделения партии в Сильване, Диярбакыре, Батмане и Сивереке. В 1968 г. он был пойман и посажен в тюрьму. Там он познакомился с Саитом Кырмызытопраком, левым курдом из Дерсима. После выхода из тюрьмы он ушёл в Ирак, чтобы поддержать ДПК (среди иракских курдов он был также известен как “доктор Шиван”).⁴⁰²

Тем временем в ДПТК произошёл раскол. Многие члены партии были недовольны тем, что – под руководством Эльчи – партия выполняет сугубо вспомогательную роль для ДПК Турции. Они считали, что этого решительно недостаточно. Они были настроены на то, чтобы вести борьбу также на территории Турции (что, в свою очередь, вступало в противоречие с интересами иракской ДПК). Как следствие этого, в партии возник раскол между сторонниками “умеренной” линии и радикалами. Радикалы были возглавлены упомянутым Кырмызытопраком.⁴⁰³ Как утверждает Макдауалл, в 1970 г. – вслед за подписанием Мартовского соглашения между ДПК и

³⁹⁸ Dönemi Tanığı – 49'lar ve Barzani Etkisi // Rudaw [Электронный ресурс] URL: <https://www.rudaw.net/turkish/interview/261020161> (дата обращения: 28.01.2022)

³⁹⁹ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 273.

⁴⁰⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 418.

⁴⁰¹ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 273.

⁴⁰² McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 418.

⁴⁰³ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 273.

баасистами, им была создана отдельная партия, которая получила название Демократическая партия Курдистана-Турция (ДПК-Т).⁴⁰⁴ После того, как Эльчи пересёк турецко-иракскую границу в 1971 г., Шиван схватил его и казнил. Как следствие этого, сам доктор Шиван был пойман силами ДПК и казнён по приказу Моллы Мустафы (вместе с двумя другими лидерами ДПК-Т).⁴⁰⁵ После этого остаток отколовшейся партии ещё какое-то время продолжал существовать в качестве Прогрессивной рабочей партии Курдистана, которая также была известна как “Пешенг” (“Авангард”).⁴⁰⁶

Нет необходимости говорить, что первой потребностью Барзани была стабильность курдских районов по ту сторону иракско-турецкой границы, поскольку только это могло сделать снабжение с территории Турции возможным; предоставить возможность отхода (в случаях соприкосновения с иракской армией и, особенно, авиацией); а также обеспечить невмешательство турецкого правительства (армии) в вооружённое восстание на севере Ирака (как минимум – не создавать дополнительных предлогов для прямого военного вторжения). И хотя раскол между ДПК и ПСК был продиктован в значительной степени соображениями идеологии, применительно к данной ситуации представляется вполне правомочным утверждать, что Барзани руководствовался всецело соображениями *realpolitik* (более того, опыт самой ПСК, совершившей, в конечном итоге, “слишком много компромиссов” и перешедшей к середине 80-х на более умеренные позиции, также указывает на то, что эту логику имеет смысл принять во внимание).⁴⁰⁷

Впоследствии данное обстоятельство станет характерной чертой всего национального движения: когда для того, чтобы иметь возможность действовать в Ираке, ДПК придётся оставить попытки политически

⁴⁰⁴ McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. I.B.Tauris, 2004. P. 418.

⁴⁰⁵ Jongerden J., Akkaya A. *The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s* // *Routledge Handbook on the Kurds*. Routledge, 2018. P. 273.

⁴⁰⁶ Gunter M. *Historical Dictionary of the Kurds*. Rowman & Littlefield, 2018. P. 291.

⁴⁰⁷ Černý H. *Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict*. Routledge, 2017. P. 138-189.

закрепиться на территории Турции (в лице ДПТК); ПСК – чтобы действовать против режима в Багдаде – начать одновременно борьбу против иранских курдов; РПК – чтобы выжить – закрыть глаза на то, как Асад обращается с курдами в Сирии и не поощрять их сепаратизма.⁴⁰⁸ Данное обстоятельство представляется объективным – в том смысле, что прямо производным от сложной (если не сказать запутанной) природы курдского вопроса как такового, а не идеологических (тем более – личных) предпочтений того или иного лидера КНД.

Что касается Турции, то убийством Эльчи – осуществлённым доктором Шиваном – распад ДПТК не закончился. После этого – на протяжении четырёх лет – партия оставалась без лидера и после его избрания – в 1975 г. – снова раскололась. Так частью молодых сторонников партии было создано движение Национальных освободителей Курдистана (НОК). С точки зрения Йонгердена и Аккай, этот раскол представлялся “симметричным” тому, что в тот же период переживала иракская ДПК: в которой также имело место противостояние между “правым центром” (братья Идрис и Масуд Барзани) и “левым уклоном” (в лице Сами Рахмана),⁴⁰⁹ который, в конечном итоге, привёл к расколу ДПК и созданию Сами Народной демократической партии Курдистана (в 90-е вновь воссоединилась с ДПК).⁴¹⁰ В свою очередь, данная тенденция представляется производной от разочарования курдов (прежде всего, молодого поколения – уже подвергнутого разрыву с традиционным обществом, особенно в Турции) в лидерах и партиях “старого образца”. Данное обстоятельство также непосредственно связано с поражением восстания Барзани в 1975 г.

Однако ДПТК была не единственной партией турецких курдов, испытавшей на себе влияние диалектики отношений ДПК и ПСК. Также

⁴⁰⁸ Marcus A. Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence. New York and London: New York University Press, 2007. P. 59.

⁴⁰⁹ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 273.

⁴¹⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 381.

следует отметить движение “Ризгари” (“Освобождение”), раскол которого оказался прямо связан с конфликтом ведущих партий иракских курдов.

Следует отметить, что некоторые члены-основатели “Ризгари” были близки к ДПК-Т доктора Шивана (в частности, одна из основательниц “Ризгари” и главный редактор журнала партии Хатидже Яшар). В 1978 г. в партии произошёл раскол – из её состава вышла часть бывших сторонников, которая осудила нападение ДПК на группу ПСК во главе с Али Аскари. Новая партия была названа “Ала Ризгари” (“Знамя освобождения”). Другим различием между партиями было то, что “Ризгари” была заинтересована в организационной деятельности в больших городах, в то время как оппозиционная ей группа предлагала какой-то “народный стиль работы” в сельской местности.⁴¹¹

В результате военного переворота 1980 г. в Турции руководством “Ала Ризгари” было принято решение вывести до 200 членов своей организации на территорию ПСК, где ей пришлось вступить в столкновения с иракской армией (и, что не менее важно, ДПК).⁴¹² Помимо этого, жёсткой критики партии удостоилось решение ПСК о сотрудничестве с Ираном (неизвестно, стало ли ей известно о переговорах ПСК – примерно в то же время – с режимом Саддама о том, чтобы выступить в роли “прорежимной” – в пику ДПК – курдской оппозицией).⁴¹³ Однако и этого оказалось достаточно для катастрофической деморализации партии. Уже к 1982 г. большая часть кадров приняла решение сложить оружие и попросила политического убежища в Европе.⁴¹⁴

Также представляется необходимым отметить судьбу такой левой турецкой партии как “Кава-Мухалефет” (“Оппозиция”). Образовавшись в

⁴¹¹ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 275.

⁴¹² Ibid.

⁴¹³ Černý H. Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict. Routledge, 2017. P. 166.

⁴¹⁴ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 276.

1979 г. в результате раскола партии “Кава-Ред”, руководители партии – так же, как Оджалан – успешно установили контакты с сирийским правительством. Однако их ошибкой то, что они расположились в непосредственной близости от турецкой границы, в Камышло. Как следствие, руководители организации были убиты в результате атаки турецкого спецназа.⁴¹⁵ В результате, партия перестала существовать, будучи обезглавленной с самого начала. Её пример представляется примечательным в том отношении, что причиной раскола, породившего её – как и многих других политических субъектов КНД Турции – стал радикализм части членов начальной организации. Как следствие этого, “Кава-Мухалефет” оказалась вынуждена налаживать контакты с соседями Турции (прежде всего Сирией, у руководства которой были плохие отношения с руководством Турции). В том случае, если бы ей удалось закрепиться – как это удалось РПК (прибегнув при этом, возможно, к помощи ПСК) – вполне можно представить себе, что в КНД Турции вспыхнул бы точно такой же конфликт, что между ДПК и ПСК (особенно учитывая тот факт, что одной из характерных черт РПК была непримиримость по отношению к любым другим политическим субъектам турецких курдов).

Важно отметить, что у ПСК были тесные связи с РПК, созданной Абдуллой Оджаланом в 1978 г. в Турции, которой Талабани также оказывал помощь после переворота 1980 г. на территории Сирии.⁴¹⁶ Возможно, именно поддержка со стороны панкурдской ПСК способствовала становлению в РПК собственной идеологии (которая стала известна как “апочизм”), призванной преодолеть противоречия политических субъектов КНД Турции⁴¹⁷ (если не сказать, что вынести на задний план более глубокие противоречия,

⁴¹⁵ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 277.

⁴¹⁶ Černý H. Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict. Routledge, 2017. P. 153.

⁴¹⁷ Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 270.

существовавшие в курдском обществе: в этом смысле характерные для КНД как Ирака, так и Турции).

Что касается Ирака, то значительная часть руководства ДПК выступала за то, чтобы продолжить борьбу против баасистского режима и после того, как Барзани заявил о прекращении вооружённой борьбы, эти группы начали все больше дистанцироваться от ДПК. Наиболее значимой из них стал Патриотический союз Курдистана (ПСК), который был создан в 1975 г. в Дамаске под руководство Д. Талабани, объединив две группы, которые откололись от ДПК:

1. Марксистско–ленинскую группу “Комала” (руководитель – Ноширван Мустафа);
2. “Социалистическое движение Курдистана” (руководители – Али Аскари и Расул Маманд).⁴¹⁸

Объединение сил “Комалы” и “Социалистического движения” позволило ПСК начать вооруженную кампанию в Иракском Курдистане уже в 1976 г., зарекомендовав себя как сильное в военном и политическом отношении движение в последующие десятилетия.⁴¹⁹ Также следует отметить, что на том этапе ПСК официально выступал – в силу своей идеологии – за более тесное сотрудничество с демократическими силами Ирака с целью свержения диктатуры баасистов и создания курдской автономии.⁴²⁰

Несмотря на то, что – как уже было отмечено ранее – фракционные разногласия (“левый” и “правый” уклоны) внутри ДПК существовали с середины 60-х гг. – периодически приводя к напряжённости между фракциями Барзани и Ахмеда-Талабани – они стали более заметными в начале 70-х гг. Как утверждает Гюнеш, шок от внезапного прекращения

⁴¹⁸ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 343.

⁴¹⁹ Gunes C. Kurdish Politics across the Middle East during the 1970s // Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 254.

⁴²⁰ Ibid.

восстания Барзани привёл к тому, что эти разногласия вышли на первый план.⁴²¹

Другая секция ДПК, во главе Азизом Акрави – который был старшим военным командиром – и Хашимом Акрави – который был членом Политбюро партии – поддержала предложение иракского правительства об автономии и осталась в Багдаде, где её члены попытались возродить партию, принимая участие в автономной структуре, которая была создана баасистами.⁴²²

С мая 1976 г. и далее ДПК начала свое восстановление – и восстановила, в конечном итоге – своё присутствие в Иракском Курдистане под именем ДПК-Временное руководство.⁴²³ Возможно, поражённые скоростью, с которой Талабани создал ПСК, члены ДПК поспешили вернуться в Иракский Курдистан. Талабани утверждает, что возвращение ДПК было поддержано САВАК из Ирана и Турецкой военной разведкой (МИТ), поскольку оба были обеспокоены левой ориентацией ПСК и его связями с Сирией.⁴²⁴ Что можно утверждать сколь-нибудь определённо, так это то, что такие консервативные силы как исламский режим, пришедший к власти в Иране в 1979 г., действительно предпочитал работать с ДПК, а не ПСК, левая идеология которого была неприемлема для аятолл.⁴²⁵ Тем не менее, как утверждает Стэнсфилд, ДПК оставалась сильно ослабленной и не могла осуществлять власть над всем регионом.⁴²⁶

Группа Временного руководства была разделена в основном на два лагеря: левые элементы в ней собрались вокруг Сами Абдула Рахмана, а традиционалисты поддерживали Идриса Барзани и Масуда Барзани –

⁴²¹ Gunes C. *Kurdish Politics across the Middle East during the 1970s* // Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 254.

⁴²² Ibid.

⁴²³ McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. I.B.Tauris, 2004. P. 343.

⁴²⁴ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 86.

⁴²⁵ McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. I.B.Tauris, 2004. P. 345.

⁴²⁶ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 86.

сыновей Мустафы Барзани.⁴²⁷ В конце концов, Идрису и Масуду удалось получить контроль над ДПК, в то время как оппозиция ушла из партии (однако, насколько можно судить, именно такой исход не был ничем предрешён заранее: исход политической борьбы мог бы оказаться иным и сейчас фамилия Барзани не выступала бы синонимом аббревиатуры ДПК – и *vice versa*). Как отмечает Гюнеш, в конце 1970-х годов ДПК также начала использовать левый дискурс, что было видно в документах, подготовленных по итогам её девятого конгресса, состоявшегося 4 ноября 1979 г. Конгресс принял резолюцию, осуждающую “империализм США, международный сионизм и реакцию на Ближнем Востоке и в мире”, и обязался сформировать “прогрессивный национальный фронт в Ираке и Курдистане, включающий все прогрессивные, демократические и национальные силы Курдистана и Ирака” против баасистского режима.⁴²⁸ Несмотря на то, что сделано это было, с нашей точки зрения, чтобы перехватить инициативу у ПСК, трудно предположить, что руководство ДПК (представленное теперь только сыновьями Моллы Мустафы) было искренним в своих намерениях.

Изначально напряжённые отношения между ПСК и ДПК привели к вспышке насилия летом 1976 г., когда пешмерга, лояльные ДПК, устроили засаду и убили около 50 бойцов пешмерга ПСК.⁴²⁹ Апофеоза кровопролитие между ДПК и ПСК достигло в 1978 г., когда в апреле Талабани послал одного из своих ближайших сподвижников, Али Аскари (вместе с доктором Халидом Саидом) забрать оружие из деревень, расположенных на турецкой границе. Талабани был в ярости из-за нападений, которые ДПК осуществляли на силы ПСК, как следствие он хотел, чтобы Аскари уничтожил все базы ДПК-ВР, какие попались бы ему на границе. Однако Аскари считал, что единственным врагом курдов, против которого им всем

⁴²⁷ Gunes C. *Kurdish Politics across the Middle East during the 1970s* // Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 255.

⁴²⁸ Ibid.

⁴²⁹ Ibid.

следует объединиться, является Саддам Хусейн.⁴³⁰ Поэтому он нарушил приказ. Другой причиной в пользу этого решения было то, что к тому моменту у него уже были выстроены конструктивные отношения с барзанцами.

После нападений авиации и сухопутных сил Ирака и Ирана, отряд разделился у Барадоста. Ему удалось выйти на связь с представителями ДПК-ВР, от которых он не ожидал агрессии (как это бывало прежде). Однако, перейдя границу и направившись в Хаккари, его отряд попал в засаду, после чего сдался, понеся большие потери. Та же участь ожидала доктора Халида. Как утверждает Стэнсфилд, оба командира ПСК были казнены: “некоторые утверждают по приказу Сами [Рахмана – прим. И.В.], другие – [сыновей] Барзани”.⁴³¹

Как отмечает Макдауалл, племена, проживавшие по обе стороны границы (гоян, джирки и сулайван) информировали барзанцев о перемещениях отрядов ПСК. В то же время на территории Турции располагались как минимум три базы ДПК (в Хаккари, Улудере и Ширнаке).⁴³² Турецкие спецслужбы знали о них, но, по всей видимости, использовали для того, чтобы разжигать противоречия между курдами.

С точки зрения Стэнсфилда, вполне возможно, что Талабани сознательно послал Аскари на смерть. В пользу этого играет то обстоятельство, что он был популярным командиром, который, к тому же, стремился к компромиссу с ДПК-ВР. В то же время его убийство было выгодно Сами Рахману, т.к. он хотел занять нишу популярного левого политика⁴³³ (что он и попытался сделать, выйдя в 1981 г. из ДПК и создав Народную демократическую партию Курдистана).⁴³⁴ Также существует теория, которую можно с полным правом охарактеризовать как

⁴³⁰ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 344.

⁴³¹ Stansfield G. Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy. RoutledgeCurzon, 2003. P. 88.

⁴³² McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 344.

⁴³³ Stansfield G. Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy. RoutledgeCurzon, 2003. P. 88.

⁴³⁴ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 346.

“конспирологическую”, согласно которой Аскари был устранён США руками ДПК-ВР после того как СССР заинтересовался в его фигуре как деятеля левой ориентации, с помощью которого у России появились бы большие возможности отстаивать собственные интересы в Иракском Курдистане.⁴³⁵ В пользу этой версии якобы играет то обстоятельство, что передвижения отрядов ПСК находились под контролем одновременно турецких и иранских вооружённых сил. Аналогичного объяснения придерживаются некоторые руководители ПСК.⁴³⁶

Также следует отметить, что этот инцидент (получивший название “резни в Хаккари”) отразился на турецких курдах, вызвав раскол в одной из их партий. Так из партии “Рызгари” выделилась группа “Ала-Рызгари”, члены которой, солидаризовавшись с ПСК, выступили с решительным осуждением ДПК.⁴³⁷

Можно сказать, что Ирано-иракская война, которая началась в 1980 гг., обеспечила политические субъекты КНД Ирака стимулом к восстановлению своего присутствия Иракском Курдистане.⁴³⁸ В определённой степени иракским курдам удалось использовать войну между Ираном и Ираком в своих интересах. В свою очередь, турецкие исследователи (С. Оздемир) утверждают, что именно эта война “создала среду для терроризма как долгосрочной проблемы на границах Турции. Террористическая организация РПК нашла возможность развиваться при поддержке приграничных соседей Турции”.⁴³⁹

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Одной из характерных черт КНД Ирака и Турции в рассматриваемый период – наряду с тем, что автономия в составе одной из стран была

⁴³⁵ Stansfield G. *Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy*. RoutledgeCurzon, 2003. P. 88.

⁴³⁶ Ibid.

⁴³⁷ Jongerden J., Akkaya A. *The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s* // *Routledge Handbook on the Kurds*. Routledge, 2018. P. 273.

⁴³⁸ Gunes C. *Kurdish Politics across the Middle East during the 1970s* // *Cambridge History of the Kurds*. Cambridge University Press, 2021. P. 255.

⁴³⁹ Özdemir S. *İran-İrak Savaşı: Türkiye Sınırlarında Terörizme Etkisi* // *Gazi Akademik Bakış*, 2020. Cilt 13, Sayı 26, S. 71.

максимумом, на который курды могли рассчитывать – являлась разобщённость тех политических субъектов, в которых движение находило своё выражение. Отчасти это было связано с разделённостью самого этноареала Курдистан, отчасти – с базовыми (если не сказать “базисными”) противоречиями курдского общества (традиционные землевладельцы vs. городская интеллигенция; партикуляризм vs. панкурдский национализм, интегральный курдский национализм). Становление национального движения курдов в Турции на рассматриваемом этапе совпало с ослаблением традиционного общества, как следствие этого там сразу (по сравнению с Ираком) возник спрос на партии “нового типа” (в то время как сам национализм получил развитие с задержкой на одно-два десятилетия).

С одной стороны, противоречия имели место внутри КНД обеих стран (в Ираке: ДПК против ПСК; в Турции: РПК – против всех остальных). С другой стороны, каждая отдельная партия также была расколота внутренним противоречием, фракционностью в формах:

1. “левый уклон” против “традиционалистов” (в ДПК между братьями Барзани и Сами Рахманом; в ДПКТ после выхода ДПК-Т доктора Шивана);
2. “умеренные” против “радикалов” (выход радикальной группы ДПК-Т доктора Шивана из ДПКТ; выход “Кава-Мухалефет” из “Кава-Ред”; выход “Ала Ризгари” из “Ризгари”).

В то же время отношения между политическими субъектами КНД Ирака и Турции не были однозначны. В рамках данного исследования они прослеживаются на примере Демократической партии Турецкого Курдистана (ДПТК) и “Ала-Рызгари”.

Так, с одной стороны, ДПТК была консервативной партией, которая пользовалась поддержкой (фактически, выступала филиалом) иракской ДПК Барзани. В то же время ей не удалось сколь-нибудь глубоко пустить корни в Турецком Курдистане. В пользу этого сыграли, по-видимому,

консервативная повестка партии (в то время как массами молодого курдского населения было востребовано нечто более радикальное), а также репрессии со стороны турецкого правительства (убийство обоих лидеров партии). Однако это не помешало кооптации представителей семьи Буджаков (крупнейших землевладельцев юго-востока страны и вождей одноимённого племени) в правящий истеблишмент. Так, например (уже в 90-е гг.) Седат Буджак стал депутатом Великого национального собрания⁴⁴⁰ (став, также, фигурантом скандала в Сусурлуке, вскрывшем тесную связь между правительством и мафией, нацеленной, предположительно, на убийство курдских активистов на юго-востоке страны).⁴⁴¹ В свою очередь, именно семья Буджаков – в качестве “классовых врагов” – стала одной из первых жертв РПК. Так, ещё до военного переворота 1980 г., боевиками РПК была предпринята попытка убить Мехмеда Джелала Буджака, в ходе которой он был ранен, а его восьмилетний сын – убит.⁴⁴² Другой причиной нападения – сделавшей его, по мнению Йонгердена и Аккай, идеальной мишенью для революционеров – стало то, что он был активистом антикоммунистического движения Турции. Таким образом, можно сказать, что, с точки зрения рассмотрения курдского вопроса в Турции в целом, на означенном этапе среди самих курдов (вождей племён) имела место сильная тенденция, направленная против революционного движения курдов юго-востока страны. С этой точки зрения институт “сельских стражей”, созданный в 80-е гг., представляет собой логически закономерное объединение интересов, с одной стороны, центральной власти в Анкаре (нацеленной на сохранении унитарного характера Республики в целом) и вождей местных племён

⁴⁴⁰ Другим представителем племени Буджак, ставшим депутатом турецкого парламента – ещё в 50-е гг. – был Мехмед Тефик Буджак.

Yadirgi V. De-Development in Eastern and Southeastern Anatolia // *The Routledge Handbook on Contemporary Turkey*. Routledge, 2022. P. 148.

⁴⁴¹ Gunter M. *Historical Dictionary of the Kurds*. Rowman & Littlefield, 2018. P. 73, 298.

⁴⁴² Jongerden J., Akkaya A. *The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s* // *Routledge Handbook on the Kurds*. Routledge, 2018. P. 277.

(интерес которых по сохранению контроля над своим владениями носил более локальный характер).

С другой стороны, что касается “Ала-Рызгари”, то ей не удалось сохранить свою организацию. С нашей точки зрения это произошло, во-первых, из-за организационной незрелости движения, а, во-вторых, из-за того, что у неё не было идеологии, которая адекватно бы отражала курдский вопрос, служила бы объяснению тех противоречий КНД – как Ирака, так и Турции – с которыми партии пришлось столкнуться в Ираке непосредственно.

Более того, следует отметить, что запутанный характер курдского вопроса неизбежно приводил к тому, что интересам партий одной из стран соответствовало максимальное спокойствие курдов сопредельных стран. В то время как с началом ирано-иракской войны ДПК – приняв сторону Тегерана – начала вооружённую борьбу не только с Саддамом, но также КНД Ирана, ПСК, с одной стороны, постаралась заручиться поддержкой Сирии, а, с другой, предприняла попытку достичь соглашения с Ираком, которая не привела ни к каким результатам. В итоге ПСК солидаризовалась (была вынуждена солидаризоваться) с ДПК. Вместе с тем – на уровне теории – можно предположить, что Саддам и Талабани могли бы достигнуть определённого компромисса. В таком случае ДПК оказалась бы в крайне тяжёлом положении (т.к. её позиции в Курдистане после поражения восстания Мустафы Барзани были очень слабыми). Однако этого не произошло. Вместе с тем Черни утверждает, что именно по причине того, что сама ДПК находилась “на грани”, в 1982 (или 1983 г.) между ней и РПК было заключено соглашение, согласно которому апочисты могут создать свои базы в Иракском Курдистане, чтобы осуществлять оттуда набеги в Турцию (в то время как равнинная турецко-сирийская граница была непригодна для этого). Первейшей реакцией на это стала военная операция Турции на территории Ирака (дополненная соответствующим соглашением с баасистами), которая

привела к большому числу жертв среди пешмерга (порядка 200 чел. погибло) и охладила отношения между ДПК и РПК. Тем не менее, несмотря на ухудшение отношений (и последующий односторонний отказ от своих обязательств со стороны ДПК) РПК сохраняет своё военное присутствие и тренировочные лагеря (горы Кандиль) и в настоящее время, спустя почти 40 лет.

Вместе с тем, вызовы, с которыми столкнулись политические субъекты КНД Турции, оказались схожими с вызовами таковых КНД Ирака. Они также привели к расколам (по линии “влево”), равно как свидетельствовали о незрелости турецких партий того периода в целом (как то показал опыт “Ала Ризгари” в Ираке). В конечном итоге, ожесточённая вражда между ДПК и ПСК привела к тому, что РПК (как новое политическое движение турецких курдов) приложило усилия к созданию собственной националистической идеологии – в то время как “базис” турецкого курдского общества к тому моменту уже был готов к принятию подобного рода идеологии (чего не было в Ираке в период генезиса там курдского национализма, что обусловило все последующие трения на уровне политического противоборства партий).

ГЛАВА III. КУРДЫ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАКОМ И ТУРЦИЕЙ

3.1 Внешняя политика Турции на Ближнем Востоке после Второй мировой войны. Багдадский пакт

После Второй мировой войны отношения вплоть до революции 1958 года в Ираке отношения между Ираком и Турцией продолжали стабильно развиваться. Так, президент Иракской ассамблеи Нури Саид-паша в очередной раз посетил Турцию уже в 1946 г., в сопровождении официальной делегации. В конце этих переговоров Нури Саид-паша и министр иностранных дел Турции Хасан Сака подписали Соглашение о дружбе и добрососедстве между Турцией и Ираком и Соглашение о помощи в уголовно-правовой сфере. Новый Договор о дружбе и добрососедстве заменил старый Договор о добрососедстве, подписанный в 1926 г. и продленный на неопределенный срок в 1936 г. Советскими исследователями он рассматривался как открывший новую эру противодействия национальному движению курдов.⁴⁴³

Впоследствии к этому договору также были присоединены следующие протоколы:

1. О регулировании Тигра и Евфрата (и их притоков);
2. О взаимной помощи в вопросах общественной безопасности;
3. О сотрудничестве в области образования и культуры;
4. О средствах сообщения (почта, телефон, телеграф);
5. Об экономических вопросах;
6. О границе.⁴⁴⁴

⁴⁴³ Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 29.

⁴⁴⁴ Şimşir B. Musul sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak ilişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 889.

Протокол об образовании также имел большое значение для туркоман, т.к. теперь согласно его ст. 1, у них была возможность, получив школьное образование в Ираке, продолжать обучение в турецких вузах, более того, пользоваться при этом государственной стипендией. Обмен студентами также дополнялся обменом учителями.

Наиболее значимым событием двусторонних отношений за время Второй мировой войны стало создание 22 марта 1945 г. Лиги арабских государств (ЛАГ). Турция приветствовала формирование этой организации. Следует отметить, что после Второй Мировой войны внешняя политика Турции в отношении Ближнего Востока в целом – и Ирака в частности – находилась в рамках логики противостояния двух систем.

14 мая 1950 г. – впервые за 27 лет существования Республики – к власти в Турции пришла оппозиционная Демократическая партия во главе с Джеялем Баяром. Тем не менее, во всём, что касалось внешней – и, в особенности, ближневосточной – политики курс новой власти остался неизменным по сравнению с предшествующей, Народно-республиканской партией (НРП). Обе партии высоко оценивали отношения с арабскими странами (что, впрочем, приводило к определённым трениям ввиду признания Турцией государства Израиль).

Внешнеполитическая программа премьер-министра Мендереса была представлена в Великом национальном собрании 29 мая 1950 г. В ней говорилось, что “Устанавливая более тесные связи с ближневосточными государствами, с которыми мы связаны близкими дружественными отношениями, нам необходимо создать атмосферу искренней дружбы и солидарности, основанную на принципах справедливости и взаимопонимания в этом регионе. По нашему мнению, быстрое достижение этого результата имеет большое значение не только для безопасности стран Ближнего Востока, но также для безопасности всего

мира”.⁴⁴⁵ На основании этого турецкие исследователи склонны делать вывод, что приход ДП к власти стал символом того, что отношения Турции с ближневосточными странами обрели глобальное измерение – с точки зрения безопасности (в мире в целом, в контексте “блокового” противостояния). Аналогичные заявления делались в означенный период президентом Баяром. Им же было заявлено, что политика Турции в ближневосточном направлении суть логическое продолжение её обязательств перед западными союзниками. Иными словами, противоречия между собственной политикой на Ближнем Востоке и фарватером глобальной политики Запада представлялись турецкому руководству того периода недопустимы. Вместе с тем, как утверждает по этому поводу исследователь проблемы М. Челик, после вступления Турции в НАТО в 1952 г., её руководству пришлось в значительной степени отказаться от проведения собственных интересов на Ближнем Востоке в угоду союзническим обязательствам по линии договора о коллективной безопасности.⁴⁴⁶ Тем самым Турция выступила, фактически, в роли проводника интересов западных империалистических держав в регионе.⁴⁴⁷

Первой попыткой создать оборонительный союз на Ближнем Востоке после Второй мировой войны стал проект MEDO (Middle East Defence Organization). Изначально инициатива этого проекта исходила от Британии, т.к. она была заинтересована в сохранении своего присутствия в регионе: даже в том случае, если бы ей пришлось покинуть Суэцкий канал⁴⁴⁸ (как это в итоге и произошло) – прежде всего, по причине

⁴⁴⁵ Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-Irak İlişkileri (1950-1960) // *Belgi Dergisi*, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1511.

⁴⁴⁶ Çelik M. İkinci Dünya Savaşı Bitiminden Bağdat Paktı'na Geçen Süreçte Türkiye'nin Ortadoğu Politikası // *Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*. 2019, Cilt (Sayı) 64, S. 494.

⁴⁴⁷ Aydın M. Türkiye ve Bağdat Paktı // *International Journal of Social Science Research*. 2020, Cilt 9, Sayı 2, S. 150.

⁴⁴⁸ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Paktı'na 1951-1955 // *Belleten*, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 191-192.

ухудшения отношений с новым, революционным командованием в Египте (египетские “свободные офицеры” пришли к власти в 1952 г.). Другим аргументом в пользу создания оборонительной организации было противостояние СССР: как военной угрозе, а также идеологическому влиянию коммунизма на страны региона (к этому тезису в большей степени апеллировали США, которые подключились к обсуждению проектов совместных договоров после Великобритании). Закономерным следствием этого стало принятие американским парламентом т.н. “доктрины Эйзенхауэра”, согласно которой страны, согласившиеся поддержать борьбу США против коммунизма, могут рассчитывать на экономическую (и военную) помощь.⁴⁴⁹ Однако, как свидетельствует автор монографии, посвящённой Багдадскому пакту, Б. Ешилбурса, на Ближнем Востоке США удалось привлечь лишь четыре страны к сотрудничеству в новом формате (впоследствии они образовали Багдадский пакт).⁴⁵⁰

Другим значимым фактором ближневосточной политики на том этапе было создание – при всемерной поддержке западных держав – государства Израиль в 1948 г., что ухудшило и без того плохой имидж Запада (прежде всего, Великобритании) – перед лицом общественного мнения арабских стран – как колониальных держав. Как свидетельствуют американские и турецкие архивные материалы, которые были задействованы турецкими исследователями, данное обстоятельство имело настолько большое значение, что США действительно были вынуждены считаться мнением арабов при проведении собственной региональной политики. В свою очередь, одним из факторов активизации американской политики на Ближнем Востоке стало именно создание государства Израиль.

⁴⁴⁹ Eisenhower Doktrinini Onaylayan ABD Kongresi Ortak Kararı. Vaşington, 9 Mayıs 1957 / Soysal İ. 1955 Bağdat Paktı // Belleten. 1991, Cilt 55, Sayı 212, S. 232-233.

⁴⁵⁰ Yeşilbursa B. Bağdat Paktı: İngiltere ile Amerika'nın Ortadoğu Savunma Politikaları 1950-1959. Sentez Yayınları, 2019. S. 18.

Что касается роли Турции в этих событиях, то она начала проявлять интерес к проектам совместной обороны на Ближнем Востоке начиная с 1952 г. Связано это было с тем, что Британией была выдвинута инициатива о содействии вступлению Турции в НАТО в том случае, если она, в свою очередь, поспособствует реализации британских планов на Ближнем Востоке.⁴⁵¹ Поскольку Турция была мусульманской страной, предполагалось, что в том случае, если Британия будет действовать “её руками”, это вызовет меньшее отторжение стран региона (притом, что Израиль был признан Турцией с самого начала; как следствие этого она также воспринималась как страна, идущая в фарватере западных, империалистических государств).⁴⁵²

Следует отметить, что турецкое руководство во главе с Мендересом с радостью приветствовало эту инициативу. Так, с одной стороны, ему была обещана поддержка со стороны Британии по вопросу о вступлении Турции в НАТО (следует отметить, что в самом Альянсе – до этого – именно британцы выступала против вступления Турции, в то время как США колебались, т.к. по состоянию на конец 40-х гг. они были склонны рассматривать Турцию как часть Ближнего Востока, где у США на тот момент ещё не было настолько важных интересов, как у Британии).⁴⁵³ С другой стороны, у турецкого руководства появлялась перспектива “возвращения” Турции на Ближний Восток.

Несмотря на то, что может сложиться впечатление – судя по последовавшим событиям (и как это преподносят турецкие исследователи) – что Турция сыграла роль основного “инициатора” в создании Багдадского пакта, с нашей точки это представляется не совсем верным. С одной стороны, безусловно, руководство Мендереса считало, что Турции

⁴⁵¹ Hale W. *Turkish Foreign Policy since 1774*. Routledge, 2012. P. 63.

⁴⁵² Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Pakti'na 1951-1955 // *Belleten*, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 201.

⁴⁵³ Hale W. *Turkish Foreign Policy since 1774*. Routledge, 2012. P. 63.

необходимо активизировать свою внешнюю политику (что касалось, в равной степени, как интеграции страны в мировую экономику – по линии МВФ, – так и сотрудничества по созданию договора о коллективной безопасности на Ближнем Востоке). С другой стороны, в этом отношении интересы руководства ДП вполне совпадали с интересами ведущих западных держав (Британии и США).

Вместе с тем, следует отметить, что нет свидетельств в пользу того, что турецкое руководство было намерено проводить политику – подобную Багдадскому пакту – до того, как к этому проекту подключились США с обещаниями их активной экономической (и военной) поддержки тем странам региона, что присоединились бы к этому антисоветскому, антикоммунистическому блоку (который, в свою очередь, – географически – выступал “связующим звеном” между НАТО и СЕАТО).⁴⁵⁴ Более того, как отмечают некоторые турецкие исследователи, именно получение означенной помощи стало ведущим соображением стран, присоединившихся к объединению (таких как Пакистан и Ирак) – в то время как эффективность данного объединения (само наличие у организации полномочий по осуществлению коллективной обороны) ставится под вопрос. В отличие от стран НАТО, членам СЕНТО не хватало взаимного доверия, необходимого для обмена военными секретами и шифрами и для эффективной интеграции своих сил в наднациональную структуру. Без этого его военная эффективность должна была оставаться минимальной.⁴⁵⁵

Изначальная инициатива MEDO – локомотивом которого выступала Британия (рассчитывая, таким образом, закрепить свои позиции в регионе) – не увенчалась успехом, в первую очередь по причине категорического

⁴⁵⁴ Этим, в частности, объясняется тот факт, что после выхода из Пакта Багдада, он был переименован в “Организацию центрального договора” (СЕНТО): центрального в том смысле, что географически он занимал положение между НАТО и СЕАТО (выступая, таким образом, в качестве звена более широкой – по сути, глобальной – системе безопасности “свободного” мира).

⁴⁵⁵ Hale W. Turkish Foreign Policy since 1774. Routledge, 2012. P. 72.

несогласия Египта с сохранением британского присутствия в Суэце. Как следствие, Египет отказывался принимать участие в каких-либо оборонительных союзах западных держав на Ближнем Востоке. Понимая, что её влияние в регионе слабеет, в 1952 г. Британия впервые выступила с идеей присоединения к новому союзу Ирака.⁴⁵⁶ В целом – как отмечает исследователь проблемы, Фахир Армаолу – в период с ноября 1951 г. по май 1953 г. западным державам не удалось добиться никакого прогресса по части заключения какого-либо договора о коллективной безопасности. Как следствие этого американским руководством – в лице государственного секретаря Дж. Фостера Даллеса – было принято решение осуществить официальный визит, который включал в себя посещение ряда столиц ближневосточных государств.

Следует отметить, что во время посещения Багдада, Даллес встретился с Нури Саидом, который заявил, во-первых, что советская угроза сохраняет свою актуальность для Ирака (прямо упомянув генерала Барзани, который нашёл своё убежище – и, как утверждал Саид – поддержку со стороны советского руководства). Во-вторых, им было сказано, что “ни одно государство, кроме Америки, не может решить израильскую проблему”.⁴⁵⁷ С нашей точки зрения, это может быть интерпретировано таким образом, что, с одной стороны, Ирак согласен на сотрудничество США, но, с другой стороны, руководство Ирака также вынуждено считаться с теми настроениями, что преобладают в арабском мире (если не сказать, теми, что питают популярность Насера и способствуют тому, что другие страны также принимают сторону “оппозиции” военно-политическим замыслам Британии и США в регионе).

⁴⁵⁶ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Pakti'na 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 199.

⁴⁵⁷ Ibid. S. 217.

Примечательно, что программа визитов Даллеса изначально не предусматривала посещения Турции, однако после того, как турецкому руководству стало известно об этой поездке, они обратились к американскому руководству с просьбой посетить Анкару. как следствие этого, посещение столицы Турции также было включено в программу.⁴⁵⁸

В ходе визита Даллеса в Анкару, Мендересом было заявлено, что Турция полностью разделяет позицию западных держав и, в частности, Британии по Суэцу (т.к. сохранение международного контроля над Каналом соответствует интересам “свободного мира”). В то же время им было заявлено, что проект MEDO не может быть реализован по той причине, что объединить вокруг него арабские страны не представляется возможным. Вместо этого необходимо “перевернуть страницу” и попробовать основать новый альянс. Более того, им было заявлено, что “Турция должна стать опорой в обороне Ближнего Востока”.⁴⁵⁹ Иными словами, турецким руководством была предпринята попытка перехватить инициативу у арабских правительств и добиться, тем самым, больших преференций от своих западных союзников. Мендересом также было заявлено, что Турция хотела бы сотрудничать с арабами, но арабы не желают сотрудничать с турками.⁴⁶⁰

После завершения поездки Даллеса по Ближнему Востоку в Вашингтоне прошло заседание Совета национальной безопасности, на котором – в присутствии высших должностных лиц государства, в т.ч. президента Эйзенхауэра – были подведены итоги. По словам Даллеса, репутация США в арабском мире была плохой, в то же время арабам нет дела до угрозы распространения коммунизма, т.к. их внимание всецело поглощено израильской проблемой. Как следствие этого, был сделан

⁴⁵⁸ Soysal İ. 1955 Bağdat Pakti // Belleten, 1991. Cilt 55, Sayı 212, S. 182.

⁴⁵⁹ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Pakti'na 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 219.

⁴⁶⁰ Ibid, S. 220.

вывод, что США не следует пытаться оказывать какое-либо прямое воздействие на арабов, но, напротив, сделать ставку на неарабские государства региона: Турцию, Иран и Пакистан с целью создания т.е. “Северного яруса” (Northern Tier), первоочередной целью которого стало бы держать коммунистов подальше от региона, населённого арабами и его нефтяных ресурсов. Проект MEDO был отложен, вместо него было принято решение провести ряд двусторонних переговоров с Ираком, Сирией и Пакистаном.⁴⁶¹

Турецко-пакистанское соглашение было подписано 2 апреля 1954 г. За всё время переговоров (начиная с 1951 г.) оно стало первым практическим шагом на пути к Багдадскому пакту. Вместе с тем это соглашение “мобилизовало Ирак”, руководство которого до этого оставалось нерешительным. Турецкое руководство также прилагало усилия к тому, чтобы подтолкнуть правительство Ирака к присоединению к соглашению.⁴⁶² Позиция Нури Саида характеризовалась Мендересом как “двусмысленная и безответственная”.

Тем не менее двусторонние отношения продолжали развиваться в конструктивном русле. Так, например, в октябре 1954 г. состоялся визит иракского премьер-министра Нури Саида в Турцию, в ходе которого имели место двусторонние заверения о готовности противостоять любой совместной угрозе. В свою очередь Мендересом были высказаны гарантии в пользу того, что Турция не будет выступать против интересов арабских стран.⁴⁶³

Таким образом, в конечном итоге Турция и Ирак подписали соглашение о сотрудничестве в области обороны 24 февраля 1955 г. в

⁴⁶¹ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Pakti'na 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 222.

⁴⁶² Ibid. S. 228.

⁴⁶³ Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-İrak İlişkileri (1950-1960) // Belgi Dergisi, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1515.

Багдаде.⁴⁶⁴ Вскоре после этого к договору присоединились Иран, Британия (помимо Пакистана, двусторонний договор которого с Турцией был заключён до этого), сформировав, таким образом, Багдадский пакт (который, в свою очередь, стал прямым продолжением Саадабадского пакта, заключённого в 1937 г.).

Таким образом, можно сказать, что за период 1950-1954 гг. (1-й срок правительства Мендереса) крупнейшим успехом Турции стало заключение Багдадского пакта. Следует признать, что турецким руководством были приложены некоторые усилия чтобы вовлечь в это соглашение другие страны (прежде всего, Ирак), в то время как фактической основой Пакта выступил двусторонний договор между Турцией и Пакистаном.⁴⁶⁵

Тем не менее, с точки зрения турецких исследователей, этот договор нельзя вполне рассматривать как союз о совместной обороне, т.к. в ст. 1 Договора нет упоминания о каких-либо обязательствах по оказанию помощи другой в случае нападения на одну из сторон.⁴⁶⁶ В письме, которое Нури Саид дал премьер-министру Аднану Мендересу в день подписания договора, он сослался на “нашу договоренность о том, что этот договор позволяет нашим странам сотрудничать в противодействие любому акту агрессии, направленному против любой из наших стран”.⁴⁶⁷ Предполагается, что тем самым иракское руководство получало пропагандистский аргумент в пользу того, что главной целью данного блока является Израиль.

В конечном итоге, как утверждает Армаолу, “вместо того, чтобы объединить Ближний Восток, турецкая инициатива разделила его на три части” (страны, вошедшие в Багдадский пакт; Ливан и Иордания с

⁴⁶⁴ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Pakti'na 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 234.

⁴⁶⁵ Çetinkaya S. Bağdat Pakti'nin Kuruluş Sürecinde Türkiye'nin Ortadoğu ve Batı İle İlişkileri // Vakanüvis – Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi. 2016, Cilt (Sayı) 1, S. 25.

⁴⁶⁶ Soysal İ. 1955 Bağdat Pakti // Belleten, 1991. Cilt 55, Sayı 212, S. 199.

⁴⁶⁷ Bağdat Pakti İmzalandığı Gün Verişilen Mektuplar. Bağdat, 24 Şubat 1955 / Soysal İ. 1955 Bağdat Pakti // Belleten. 1991, Cilt 55, Sayı 212, S. 231-232.

тесными связями в Западом, которые сохранили нейтралитет; Сирия, Саудовская и Йемен, которые приняли сторону Насера).⁴⁶⁸ Парадоксальным образом после заключения Пакта Турция “отдалилась” (арабских) стран региона.⁴⁶⁹

Впрочем, с нашей точки зрения, было бы преувеличением считать инициативу заключения пакта о совместной обороне на Ближнем Востоке лишь турецкой инициативой. В свою очередь, что касается главного вывода из заключения Багдадского пакта – с точки зрения Армаолу – было то, что в сентябре 1955 г. Насер обратился к советскому руководству, “что облегчило Советскому союзу выход на Ближний Восток”.⁴⁷⁰ С такими выводами вполне солидарен другой турецкий исследователь, М. Бостанджи.⁴⁷¹

Также следует отметить, что насеристский Египет выступал категорически против попытки Турции “вернуться” на Ближний Восток, тем более в качестве, своего рода, “лидера” региона. Как следствие этого, 21 апреля 1956 г. было подписано соглашение между Египтом, Саудовской Аравией и Йеменом, направленное против стран Багдадского пакта.⁴⁷² Более того, утверждалось, что сближению Египта с СССР способствовало то обстоятельство, что в рамках Пакта Ирак фактически выдвигался в качестве лидера арабского мира.⁴⁷³

С точки зрения турецких исследователей (которая, однако, представляется небесспорной) в то время как создание Багдадского пакта предполагало упреждение проникновения советского влияния на Ближний

⁴⁶⁸ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Paketi'ne 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 234.

⁴⁶⁹ Bostancı M. Türk-Arap İlişkilerine Etkisi Bakımından Bağdat Paketi // Gazi Akademik Bakış. 2013, Cilt 7, Sayı 13, S. 180.

⁴⁷⁰ Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Paketi'ne 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 234.

⁴⁷¹ Bostancı M. Türk-Arap İlişkilerine Etkisi Bakımından Bağdat Paketi // Gazi Akademik Bakış. 2013, Cilt 7, Sayı 13, S. 182.

⁴⁷² Yıldırım Ö. The Attitude of Egypt towards Baghdad Pact // Tarih ve Günce. 2018, Cilt 1, Sayı 3, S. 143.

⁴⁷³ Serbest M. Bağdat Paketi'nin Kuruluş Süreci ve Gelişiminde Türkiye'nin Rolü // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018, Cilt 5, Sayı 3, S. 422.

Восток, на самом деле оно стимулировало его, т.к. Пакт изначально позиционировал себя как прозападный, что после политики западных стран в отношении Израиля было для арабов совершенно неприемлемо.⁴⁷⁴ Одним из следствий этого, в частности, стало то, что США отказались от своего участия в Пакте, чтобы не раздражать своих союзников в регионе (таких как Саудовская Аравия) ещё больше и действительно не спровоцировать их сближение с СССР.⁴⁷⁵ В то же время в американском руководстве изначально существовала скептическая точка зрения, согласно которой Пакт едва ли сможет обеспечить единство в регионе.⁴⁷⁶ По-видимому, не желая раздражать другие страны региона, США приняли решение остаться в качестве наблюдателя (вызвав, как утверждает Четинкая, беспокойство уже стран-членов Пакта).⁴⁷⁷

С точки зрения данного исследования важно то, что после учредительной сессии Багдадского пакта, была принята организационная структура пакта, которая включала постоянный совет министров, секретариат и четыре комитета по различным вопросам. Представляет интерес комитет по борьбе с подрывной деятельностью (“комитет безопасности”, “полицейский комитет”). Он состоял из начальников управлений полиции, а также сотрудников разведок государств-членов пакта. Комитет заседал раз в год. Он готовил рекомендации постоянному совету министров и разрабатывал мероприятия по борьбе с демократическим и национально-освободительным движением как внутри стран-членов пакта, так и в соседних с ними государствах, придерживающихся политики нейтралитета. Формально этот комитет

⁴⁷⁴ Kemiksiz N. Uluslararası Gelişmeler Işığında Türkiye-Mısır İlişkileri (1945-1960) // Çanakkale Onsekiz Mart Üniversitesi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi. 2020, Cilt 5, Sayı 1, S. 197.

⁴⁷⁵ Rakipoğlu M., Wittmann M. Accede or not Accede?: The United States and the Question of Joining the Baghdad-Pact // Batman Üniversitesi Yaşam Bilimleri Dergisi. 2020, Cilt 10, Sayı 2, S. 15.

⁴⁷⁶ Savaş A., İşler A. Güvenlik ve Savunma Örgütü Olarak: Bağdat Paktı // Bitlis Eren Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Akademik İzdüşüm Dergisi. 2020, Cilt 5, Sayı 2, S. 194.

⁴⁷⁷ Çetinkaya S. Bağdat Paktı'nın Kuruluş Sürecinde Türkiye'nin Ortadoğu ve Batı İle İlişkileri // Vakanüvis – Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi. 2016, Cilt (Sayı) 1, S. 25.

состоял из двух подкомитетов по борьбе с “подрывной деятельностью”. Из всего это можно сделать вывод, что при создании Багдадского пакта учитывалась острота курдской проблемы, постоянно державшей в напряжении – как утверждает М.А. Гасратян – правителей Турция, Ирана и Ирака, а также их покровителей – США и Британию.⁴⁷⁸ Более того, с нашей точки зрения, здесь может утверждаться преемственность относительно Саадабадского пакта (если не сказать, ещё более ранних турецко-иракских договорённостей в сфере безопасности, вдоль турецко-иракской границы).

Помимо этого, как сообщалось в марте 1955 г. ливанской газетой “Телеграф”, к Багдадскому пакту прилагался также секретный протокол, заключённый между представителями Ирака и Турции. Данный протокол предусматривал возможность взаимного использования аэродромов обеих стран, а также право ввода войск одной страны на территорию другой. Также в протоколе указывалось обязательство Турции оказывать поддержку в плане подготовки и технического оснащения иракской армии (что, в свою очередь, становилось возможно вследствие вступления Турции в НАТО, имевшего место тремя годами ранее).⁴⁷⁹ Иными словами, можно сказать, что обе стороны готовились к ведению полномасштабных боевых действий ещё до того, как со стороны разгромленного курдского движения возникла малейшая угроза.

В 1957 г. прошли первые в истории Турции досрочные парламентские выборы, по итогам которых Демократической партии вновь удалось сохранить лидерство (в реалиях той политической системы – монополию на власть). Что касается заявлений относительно внешнеполитического курса, то они оставались неизменными. Применительно к ближневосточной политике отношения с арабскими странами по-

⁴⁷⁸ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990., С. 220-221.

⁴⁷⁹ Там же, С. 220.

прежнему провозглашались приоритетными (вкуче с заявлениями о приверженности миру во всём мире и т.п.).

Всё изменилось в 1958 г. 14-17 июля в Стамбуле планировалось проведение встречи представителей стран-участниц Багдадского пакта. Однако 14 июля в Ираке произошёл переворот «свободных офицеров» во главе с Абдул Керимом Касемом. Наследный принц Абдуллах Фейсал и премьер-министр Нури Саид были растерзаны толпой. Одним из первых шагов революционного командования стал выход из Багдадского пакта (который был после этого переименован в блок СЕНТО). Как было сказано по этому поводу: “Мы убедились, что наше участие в Багдадском пакте наносило вред нашему достоинству и независимости. 14 июля мы разрубили Багдадский пакт, а сегодня мы вырвали его с корнем”.⁴⁸⁰

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод, что в целом отношения между Ираком и Турцией – в период начиная с перехода от однопартийной системы к многопартийной в Турции (1945 г.) до Июльской революции в Ираке (1958 г.) – развивались конструктивно. Также можно отметить, что уже на начальном этапе отношений между странами значительную роль в них играл – наряду с курдами – также туркоманский фактор. И хотя нельзя сказать, что курды были исключительной целью и Саадабадского, и Багдадского пактов (наряду с ними существовала цель противодействия советскому влиянию на Ближнем Востоке), возможность восстаний курдов – и, как следствие этого, превентивного противодействия им – не исключалась (не говоря уже о том, что сами курды вполне могли выступить проводниками советского влияния, как минимум – способствовать распространению левых идей в регионе). Наиболее наглядно это было явлено уже после Июльской революции, когда турецким руководством были осуществлены

⁴⁸⁰ Тагизаде Т.С. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1958-1966 годах: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Махачкала, 1973. С. 70.

определенные шаги в направлении пресечения угрозы распространения курдского сепаратизма со стороны Ирака.

Таким образом, можно утверждать, что ситуация в Турецком Курдистане до Второй мировой войны была аналогична той, что была в Иракском Курдистане, а именно имели место отсталость, раздробленность, традиционный характер, структура общества, отсутствие индустриального производства. Ситуация усугублялась наличием у кемалистов идеологии, которая хоть и не ставила такой цели де-юре, де-факто вела к дискриминации, при которой турки-анатолийцы получали преимущество над представителями других народов, становились «титупьной нацией». Речь не шла о модели «плавильного котла» (melting pot) при которой за турками признавалось бы нечто третье, общее, абстрактное (по отношению как к туркам-анатолийцам, так и курдам). Напротив – курдам (равно как представителям других меньшинств) говорилось, что они должны стать как турки-анатолийцы, более того – что они должны стать турками-анатолийцами: принять, перенять их язык, культуру, одежду и т.д., т.е., по сути, отречься от самих себя. Именно «турецко-анатолийское» бралось за эталон, в этом – корень значительного числа противоречий, давших знать о себе впоследствии (за вычетом сугубо экономических). Для того, чтобы составить себе представление о том, сколь велико различие между турецкой и курдской культурами довольно – с нашей точки зрения – упомянуть, что языки курдов и турок относятся к разным языковым группам и семьям (индоевропейской и алтайской соответственно). Преодолеть все эти различия одними лишь политическими распоряжениями (не говоря уже о репрессиях силой оружия) оказалось невозможно.

3.2 Иракские туркоманы как фактор отношений между Ираком и Турцией (события в Киркуке 1958 г.)

Разбирая вопрос туркоман как фактора отношений между Ираком и Турцией в рассматриваемый период, прежде всего необходимо отметить, что для турецкой историографии характерно преувеличенное внимание по отношению к туркоманам, которые, не были ни фактором сепаратизма (в отличие от курдов), ни сколь-нибудь значимым фактором политической жизни Ирака означенного периода вообще. Само турецкое руководство прилагало усилия к тому, чтобы ситуация с якобы имевшей место резнёй туркоман (со стороны курдов) не получила широкой огласки в Республике, став, тем самым, фактором и внешней, и внутренней политики. В свою очередь, для того, чтобы убедиться в правдивости утверждений турецких учёных (противоречащих материалам советских исследователей) необходимо обращение к тем первоисточникам, на которые они ссылаются. В настоящее время точки зрения исследователей на ситуацию в Киркуке – как турецких, так и советских – представляются равноубедительными. Впрочем, в любом случае туркоманы не станут (как то покажет дальнейшее изложение) значимым фактором политической жизни страны и в последующий период. Несмотря на то, что арабские националисты представляли их в качестве “пятой колонны”, среди турецких авторов существует точка зрения, что не следует преувеличивать влияние, которое Турция может оказывать на своих соотечественников за рубежом (даже когда хочет это).⁴⁸¹

По мнению советского исследователя вопроса, Ш.Х. Мгояна, Июльская революция произвела переполох в политике Турции в отношении Ирака. Так, в Багдадском пакте у Турции были собственные

⁴⁸¹ Salih E. Dış Politika Yapımında Akraba Devlet ve Akraba Azınlık İlişkilerinin Yeri: Türkiye-İrak Türkmenleri İlişkileri Örneği // Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi, 2020. Cilt 8, Sayı 2, S. 316.

цели. «Обособив» Ирак от других арабских стран, турецкое руководство прилагало все усилия к тому чтобы «не допустить единства и усиления арабских стран, поддерживавших законные претензии Сирии на Александреттский санджак. Примечательно, что после провозглашения ОАР в начале февраля 1958 г. турецкое правительство поспешно обратилось к своим союзникам по Багдадскому пакту с требованием гарантировать Турции поддержку в случае, если ОАР потребует возвращения Александреттского санджака».⁴⁸²

В связи с военным переворотом, по мнению турецких исследователей, вновь актуализировался туркоманский вопрос. Так, по их сведениям, вскоре после смены власти в стране на севере Ирака (в Киркуке) имела место резня туркмен.⁴⁸³ Связывается она, в свою очередь, с поддержкой Касемом курдов (которые, в свою очередь, оказали поддержку заговорщикам в подготовке и осуществлении восстания). Возвращение героя курдского национально-освободительной борьбы Мустафы Барзани в Ирак после 11-летнего изгнания в СССР приветствовалось курдами и, одновременно с этим, с точки зрения турецких историков, спровоцировало ненависть в отношении турок, туркоманского населения.

Следует отметить, что для турецких источников характерно рассмотрение курдской проблематики в Ираке исключительно в контексте темы тюркского населения севера страны. Это касается и современных исследователей проблемы, и официальной позиции турецкого МИДа означенного периода. Вместе с тем, турецкими авторами отстаивается позиция, согласно которой всякое право, делаемое центральным

⁴⁸² Мгоян Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958-1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.04. – Ереван, 1975., С. 62.

⁴⁸³ Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-İrak İlişkileri (1950-1960) // *Belgi Dergisi*, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1520.

правительством в Багдаде по отношению к курдам, должно равно распространяться также на туркоман⁴⁸⁴

Поначалу туркоманы приветствовали провозглашение республики,⁴⁸⁵ имея (как и курды) надежду, что это принесет им равенство (в т.ч. политического представительства: следует отметить, что туркоманы занимали доминирующие позиции в руководстве Ирака до распада Османской империи и с тех пор были полностью удалены сначала колониальной администрацией, а затем арабскими националистами). Касем объявил, что турки получают все гражданские права, и, спустя некоторое время, начала выходить турецкая газета «Бешир». Однако тесная связь режима с коммунистами – вкупе с мобилизацией курдов (якобы имевшей место в Киркуке целенаправленно) обеспокоила представителей туркоманской общины.

Как и курды, туркоманы проживают на севере страны (в частности, в нефтеносной провинции Киркук). По оценкам западных источников, туркоманское население Ирака составляет порядка 500 – 800 тыс. человек (т.е. не более 2% населения страны). В свою очередь, турецкие источники склонны преувеличивать численность иракских туркоман – вплоть до 3 млн. человек (т.е. 11% населения страны).⁴⁸⁶

По свидетельству турецких источников, Барзани совершил поездку из Багдада в Сулейманию в ноябре 1958 г. В это же время порядка 5 тыс. вооружённых курдов, пришедших из сельской местности в Киркук, напали на местных туркоман, учинив кровопролитие. Иракские силы правопорядка как минимум не вмешивались в эти столкновения.⁴⁸⁷

⁴⁸⁴ Şimşir B. Musul Sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak İlişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 889.

⁴⁸⁵ “Akis”, 20.09.58.

⁴⁸⁶ Stansfield G. Iraq: People, History, Politics. Polity, 2007. P. 6.

⁴⁸⁷ Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-İrak İlişkileri (1950-1960) // Belgi Dergisi, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1520.

Год спустя, в первую годовщину провозглашения Республики в Ираке 14-16 июля 1959 г. против киркукских туркоман был осуществлён «акт геноцида». Согласно турецким источникам, вооруженные «красные, а именно коммунистические курды» произвели опустошение. Силы безопасности игнорировали насилие и даже косвенно поддерживали курдов. Дома как минимум 70 иракских туркоман были разграблены, магазины иракских турок были сожжены и многие из них (порядка 30 чел.) погибли. Турецкие источники утверждают, что погром имел место на протяжении трёх дней. Одновременно с этим в турецкой историографии утверждается, что Барзани якобы вступал в переговоры с туркоманами с целью сделать их своими союзниками в борьбе против Багдада (однако те ответили отказом).⁴⁸⁸

Турецкое правительство выразило глубокую озабоченность происходящими событиями. Был осуществлён официальный запрос к иракскому правительству по вопросам, какие меры были предприняты по сохранению жизней и имущества туркоман. В свою очередь, новым правительством в Багдаде вся вина за свершённые деяния была возложена на коммунистов и что они, поэтому, их не одобряют и не имеют к ним никакого отношения.⁴⁸⁹

В работах советских исследователей также упоминается факт наличия столкновений между курдами и туркоманами, однако, во-первых, число пострадавших оценивается не более чем в 14 человек, а, во-вторых, инициаторами столкновений признаются не курды, но туркоманы-националисты, действовавшие при поддержке и по указке турецких спецслужб (некой ультранационалистической организации «ТУРАН», целью которой было отделение Мосула и Киркука от Ирака). Данные

⁴⁸⁸ Yılmaz İ. Geçmişten Günümüze Irak'ta Türkmen Politikası. Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi, 2006. Cilt 5, Sayı 12, S. 130.

⁴⁸⁹ Şimşir B. Musul Sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak İlişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 2005, Cilt 21, Sayı 63, S. 892.

сведения также нашли отражение в работах некоторых турецких исследователей⁴⁹⁰ (которые, напротив, возлагают всю вину на курдов-коммунистов и, по сути, не проводят различия между ДПК и КПИ – во всяком случае, по этому вопросу). Данная версия представляется логичной ввиду того что турецкое руководство могло быть заинтересовано в том, чтобы «вбить клин» между, с одной стороны, революционным правительством Касема и курдами – сторонниками курдской автономии в составе Ирака – с другой. Вместе с тем, аргументация ни одной из сторон не представляется достаточной, чтобы возложить вину за происшедшее на кого-то конкретно. Если руководствоваться такой логикой, то следует признать, что в ещё большей степени в этой провокации нуждался Касем, власть которого чем дальше, тем больше, становилась шаткой и неустойчивой. Нет необходимости говорить, что КПИ тем более не извлекла из этих событий никакой выгоды (что признают даже турецкие авторы).⁴⁹¹ Её репутация была подорвана, а последующие шаги её руководства свидетельствовали о царившем в нём смятении.

Впрочем, очень скоро между союзниками действительно произошёл раскол, но уже вследствие объективного смещения правительства Касема в сторону арабского национализма. Примечательным в связи с этим является то обстоятельство, что после покушения на него Касем изменил своё мнение по вопросу о насилии в Киркуке и заявил, что оно было осуществлено не коммунистами, но сторонниками партии Баас. Более того, им было сделано заявление о том, что «Ирак связан историческими связями с Турцией». В любом случае, в Турции данный вопрос был поднят на уровне Великого национального собрания. Советом министров было принято решение, что, несмотря на нахождение у власти в Ираке

⁴⁹⁰ Hazır T. 14 Temmuz 1959 Kerkük Katliamı // Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Karadokya Sosyal Bilimler Öğrenci Kongresi Özel Sayısı, 2019. Cilt 1, Sayı 2, S. 153.

⁴⁹¹ Pamukçu G. Kerkük'te Etnik Çatışmanın Kökenleri ve 14 Temmuz 1959 Kerkük Katliamı // Bilge Strateji, 2019. Cilt 11, Sayı 20, S. 111.

враждебного Турции правительства, нет причин для превращения резни туркоман в фактор двусторонних отношений, равно как нет причин допускать злоупотребления этим обстоятельством во внутренней политике. Тем не менее информация всё равно просочилась в прессу, произведя политический скандал.⁴⁹² Резня была осуждена, были организованы демонстрации и благотворительная кампания. Можно сказать, что СМИ, молодежь и общественное мнение не остались равнодушными, продемонстрировав высокий уровень солидарности.

Иракские турки организовали образовательный конгресс в Киркуке 28-30 августа 1960 г. На съезде, организованном союзом турецких учителей и в котором приняли участие учителя из Эрбиля, Телафера, Ханикина, Тужурмату, Кифри, Алтын Кёпрю и других регионов, вопросы образования и культуры турок были определены и представлены центральному правительству. В результате этих инициатив багдадское радио начало полчасовое вещание на турецком языке. С 1 мая 1961 г. созданное в Багдаде объединение «Туркменское братство» приступило к изданию журнала “Kardaşlık” (“Братство”), который должен был стать важным ресурсом для туркмен в области искусства, культуры, фольклора и литературы. 17 августа 1961 г. в Стамбуле прошел митинг протеста против притеснений и преследований туркмен. Когда Абдусалам Ариф стал главой государства в феврале 1963 г., была проведена казнь 28 подозреваемых в резне в Киркуке, ранее приговоренных к смертной казни.⁴⁹³ Большинство из них было курдами.

К сожалению, этот мягкий период был очень непродолжительным. Как только баасисты вернули себе власть 17 июля 1968 г., они начали проводить жёсткую политику в отношении туркоман. Партия Баас

⁴⁹² Kodal T. Adnan Menderes Dö nemi Tü rkiye-Irak İ lişkileri (1950-1960) // Belgi Dergisi, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1521.

⁴⁹³ Güngör F. Ortadoęu Denkleminde Irak Türkmenleri ve Geleceęi // Uluslararası ve Eęitim Bilimleri Dergisi, 2014. Cilt 1, Sayı 2, S. 22.

приняла решение казнить 51 человека. Среди этих людей был Низамеддин Ариф, министр экономики и торговли предыдущего правительства, которого обвинили в том, что он турецкий шпион.⁴⁹⁴ Также были претворены в жизнь многие другие репрессивные меры. Турецкие учителя были депортированы в Южный Ирак. Радиовещание было ограничено. Управление туркменской культуры при Министерстве культуры и СМИ превратилось в инструмент пропаганды нового режима. Партия Баас арестовала многих учителей и студентов. Многие были подвергнуты пыткам. Студентам запретили поступать в университет и работать в турецких регионах после окончания учебы. Было запрещено читать турецкие проповеди в мечетях. Турецкие поселения получили арабские названия.⁴⁹⁵ На севере Ирака в целом поощрялась политика арабизации (имевшая своей целью не только туркоман, но и курдов). Подобные мероприятия проходили не только в таких крупных городах (и спорных территориях) как Киркук и Мосул, но, как свидетельствуют турецкие авторы, также в Тель-Афаре,⁴⁹⁶ Ханекине⁴⁹⁷ и Дохуке⁴⁹⁸ (определённую долю в населении которых также составляли туркоманы). Как отмечает Н.З. Мосаки, снижение численности туркоман на севере Ирака представляется связанной как с политикой арабизации, так и ассимиляцией туркоман курдами.⁴⁹⁹ Одновременно с проведением мер по арабизации, осуществлялись манипуляции административно-территориальным делением северных провинций, целью которых (прежде

⁴⁹⁴ Güngör F. Ortadoğu Denkleminde Irak Türkmenleri ve Geleceği // Uluslararası ve Eğitim Bilimleri Dergisi, 2014. Cilt 1, Sayı 2, S. 22.

⁴⁹⁵ Yılmaz İ. Geçmişten Günümüze Irak'ta Türkmen Politikası. Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi, 2006. Cilt 5, Sayı 12, S. 133.

⁴⁹⁶ Bakır A., Pekin S. Irak Türkmenlerinin Mazlum Şehri Telafer // Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2018. Cilt 2, Sayı 1, S. 79.

⁴⁹⁷ Bakır A., Kayalan F. Irak Türkmenleri Bağlamında Hanekin'in Siyasi, Sosyo-Ekonomik ve Dini Yapısı // Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2021. Cilt 5, Sayı 1, S. 46.

⁴⁹⁸ Bakır A., Kayalan F. Geçmişten Günümüze Türkmen Şehri Dakuk (Tavuk) // Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2019. Cilt 3, Sayı 2, S. 25.

⁴⁹⁹ Мосаки Н.З. Иракские туркоманы во взаимодействии различных политических сил и интересы Турции // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М, 2006, С. 167.

всего провинции Киркук) было “создание чёткого субрегиона с арабским большинством на западе провинции, который был бы напрямую связан с районами арабского большинства провинций Мосул, Салахаддин и Дияла”.⁵⁰⁰

Хотя Турция отказалась от своей «политики (ре)аннексии» в отношении бывшего Мосульского вилайета, интерес к туркоманам существовал всегда. Турция предприняла серьезные попытки (на грани интервенции), чтобы не повторить массовых убийств и ассимиляционных движений против туркмен в Ираке в 1959-1960 гг. (впрочем, не слишком успешно). После резни иракских турок в 1959 г. никто не интересовался этим вопросом. Турецкими авторами предполагается, что причиной такого безразличия являлось отсутствие соответствующего соглашения с Ираком, “которое гарантировало бы политические и культурные права турок, проживающих в этой стране”. Однако ничем не объяснено, почему подобного рода договорённость не была достигнута (либо не могла быть достигнута). Более достоверно можно утверждать, что после пуска в эксплуатацию нефтепровода Киркук-Джейхан в 1978 г.⁵⁰¹ едва ли какое-то обстоятельство могло испортить отношения между Ираком и Турцией (будь то курды или туркоманы – которые также жестоко преследовались). О росте взаимозависимости – вследствие более плотного сотрудничества в сфере энергетики – прямо пишут Э. Кандемир и Дж. Тунджер.⁵⁰² Вместе с тем ряд турецких авторов признаёт, что усилия, которые предпринимались Турцией по оказанию помощи туркоманам, были недостаточны.⁵⁰³ В этом

⁵⁰⁰ Anderson L., Stansfield G. *Crisis in Kirkuk: The Ethnopolitics of Conflict and Compromise*. Philadelphia, US: University of Pennsylvania Press, 2011. P. 28.

⁵⁰¹ Bowlus J. *A Crude Marriage: Iraq, Turkey, and the Kirkuk-Ceyhan Oil Pipeline* // *Middle Eastern Studies*, 2017. V. 53, I. 5., P. 737.

⁵⁰² Kandemir E., Tuncer C. *Irak – Türkiye Enerji İlişkilerinin Bölgenin Ekonomik Güvenliğine Etkileri* // *Uluslararası Ekonomi Siyaset İnsan ve Toplum Bilimleri Dergisi*, 2020. Cilt 3, Sayı 1, S. 86.

⁵⁰³ Bakır A. *Irak Türkmenlerinin Siyasi Arenada Sahipsiz Kalmalarına Yolaçan Tarihsel Faktörler* // *Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi*, 2018. Cilt 2, Sayı 2, S. 18-19.

смысле очевидным представляется расхождение между идеологией и политической (исторической) практикой.

Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, представляется объяснимым, почему туркоманы не стали выступать на стороне курдов в ходе “Сентябрьской революции”. Так, с одной стороны, они не хотели портить отношения с центральным правительством, а, с другой стороны, не желали выступать против политики Турции, которая – начиная с 1926 г. – придерживалась курса на пресечение каких-либо курдских движений: будь то в самой Турции, либо в сопредельных странах (служить чему, в частности, были призваны многосторонние Саадабадский и Багдадский пакты). Также, возможно, сыграла роль личная неприязнь представителей обеих общин. Однако, следует отметить, что расчёты туркоманских лидеров не оправдались. Несмотря на сохранение лояльности, после повторного (и – на рассматриваемый этап – окончательного) прихода к власти партии “Баас”, репрессии в отношении туркоман (нацеленные на централизацию управления – будучи вдохновлёнными идеологией панарабизма) были не менее жестокими, чем по отношению к курдам (которые действительно проявили непокорность).

В то же время следует отметить (и это признаётся самими турецкими исследователями), что несмотря на достаточно активную кампанию политиков в турецкой прессе, ни к каким практическим последствиям в плане двусторонних отношений “резня в Киркуке” не привела. Более того, можно утверждать, что и в последующий период – после 1968 г., сопряжённого уже с прямыми репрессиями в адрес туркоман – турецкое правительство предпочитало сохранять дружественные отношения с иракским руководством. В свою очередь, официальные заявления высших должностных лиц Республики несколько не ослабили давления Хусейна на представителей туркоманской общины (которых, как и курдов, обвиняли в ирредентистских настроениях и

шпионаже в пользу Турции). Основной причиной этого, с нашей точки зрения, выступало то, что к 70-м гг. (и, особенно, второй их половине) между Ираком и Турцией достаточно активно развивались экономические связи, апофеозом которых стало строительство нефтепровода “Киркук-Джейхан” (введён в эксплуатацию в 1978 г.). Ввиду таких обстоятельств турецкое руководство не считало необходимым портить отношения с южным соседом, хотя бы и из-за туркоман (тем более, что оба правительства придерживались одного видения – и проводили одну политику – в отношении курдского вопроса: в т.ч. на этапе, который последовал за поражением восстания Барзани).

3.3 Курды как фактор отношений между Ираком и Турцией в третьей четверти XX в.

Свержение монархического режима в Ираке в июле 1958 г. и выход его из Багдадского пакта (март 1959 г.) нанесли ощутимый удар по шовинистической политике реакционных кругов Турции, Ирана и Ирака. В результате переворота в Ираке создались более благоприятные условия для борьбы курдов за свои национальные интересы в этой стране. Однако при этом положение курдов в Турции осталось неизменным. Правительство Демократической партии в Турции не извлекло уроков из событий в Ираке. Оно продолжало проводить политику подавления демократического движения и пресечения любого недовольства среди курдского населения Турции.⁵⁰⁴

В 1960 г. Багдадский пакт, или то, что от него осталось после ухода нового режима в Ираке, был преобразован в СЕНТО, полноправным членом которой были Соединенные Штаты. Однако, как и его предшественник, СЕНТО добился очень немногo. В отличие от стран НАТО, членам СЕНТО не хватало взаимного доверия, необходимого для обмена военными секретами и шифрами и для эффективной интеграции своих сил в наднациональную структуру. Без этого его военная эффективность должна была оставаться минимальной.⁵⁰⁵

В сентябре член Комитета национального единства (КНЕ) полковник Кючюк, а в октябре 1960 г, министр внутренних дел временного правительства генерал Кызылоглу совершили инспекционную поездку по юго-восточным провинциям страны. После этого они представили, КНЕ доклад, в котором сообщали, что население восточных провинций якобы заключило секретное соглашение с курдами Ирана, Ирака и Сирии с

⁵⁰⁴ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 221.

⁵⁰⁵ Hale W. Turkish Foreign Policy since 1774. Routledge, 2012. P. 72.

целью создать Курдскую республику.⁵⁰⁶ Более того, ими утверждалось, что сын шейха Саида разъезжает на “советском джипе” по юго-востоку страны с целью разжечь восстание.⁵⁰⁷ Всё это, конечно, нисколько не соответствовало действительности.

В самом начале 1962 г. произошла встреча между представителями Сирии и Ирака, в ходе которой была достигнута договорённость о совместной координации военных действий против повстанцев.⁵⁰⁸ В 1963 г., сразу после возобновления военных действий в Курдистане, делегация иракских представителей во главе с премьер-министром Али Саади посетила Дамаск с целью обсуждения вопроса о координации действий против курдов.⁵⁰⁹

На самом деле в начале лета 1963 г. постоянный совет СЕНТО, собравшись в Измире, выработал план агрессии Турции и Ирана против курдов Ирака.⁵¹⁰ Этот план широкого вторжения в Иракский Курдистан был назван операцией «Тигр». При подготовке к операции «Тигр» были предусмотрены мельчайшие подробности: дипломатическое коммюнике для оправдания агрессии, заявление, объясняющее иракскому народу цели нарушения его суверенитета, а также подробные планы военных операций. Планировалось, что иранские войска должны были продвинуться к Сулеймании, в то время как турецкие – к Мосулу.⁵¹¹ “Таким образом, война с курдами вышла бы за национальные рамки и превратилась бы в международную проблему. Выступление СЕНТО было предусмотрено заранее. Члены этой группировки пытаются вновь привлечь на свою

⁵⁰⁶ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 236.

⁵⁰⁷ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 406.

⁵⁰⁸ Хассаф И. Курдский вопрос в международных отношениях после Второй Мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 107.

⁵⁰⁹ Курдское движение в новое и новейшее время. АН СССР, Ин-т востоковедения; АН Армянской ССР, Ин-т востоковедения. – Москва: Наука, 1987. С. 208.

⁵¹⁰ По другим сообщениям, вопрос координации обсуждался (также) в Карачи. “За рубежом”, №21, 25.05.63.

⁵¹¹ Хассаф И. Курдский вопрос в международных отношениях после Второй Мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 115.

сторону Ирак, превращая эту задачу в краеугольный камень своей стратегии”.⁵¹² Об антикурдских планах иракской и турецкой реакции проговорился иракский посол в Анкаре Халит Муштаг. 12 июля 1963 г. он заявил представителю печати, что иракское и турецкое правительства принимают меры для совместного подавления восстания “иракских курдов”.⁵¹³

Одновременно с этим – по сообщениям турецких СМИ – на юго-востоке страны проходили инспекции военных чинов, целью которых было удостовериться в том, что “в боях между иракскими силами и силами Барзани наша граница плотно закрыта и защищена”.⁵¹⁴

В свою очередь, советским руководством было сделано специальное заявление правительствам Ирака, Ирана, Турции и Сирии относительно событий в Курдистане. Оно – в лице министра иностранных дел А. Громыко – решительно потребовало прекращения иностранного вмешательства в события на Севере Ирака,⁵¹⁵ указывая на серьёзность последствий этих шагов.⁵¹⁶ Как передали турецкие СМИ, “Министр иностранных дел России заявил послу Ирака, что нельзя допускать вмешательства иностранных сил в операцию против курдов, а послам Турции, Ирана и Сирии сообщил, что их страна не должна вмешиваться в операцию против курдов в Ираке”.⁵¹⁷

Насколько можно судить, именно это обстоятельство стало одним из значимых факторов того, что Турция отказалась от участия в борьбе против иракских курдов.

Как свидетельствует Ш. Мгойн, в 1963 г. “представители Ирака, Турции и Ирана провели ряд совещаний, на которых обсуждались планы

⁵¹² Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 244.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ “Akis”, 22.06.63.

⁵¹⁵ “Правда”, 10.07.63.

⁵¹⁶ Мгойн Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958-1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.04. – Ереван, 1975. С. 249.

⁵¹⁷ “Akis”, 13.07.63.

военных операций против курдов”.⁵¹⁸ “Турецкие самолёты... принимали непосредственное участие с иракскими ВВС в бомбардировке курдских населённых пунктов напалмовыми бомбами”.⁵¹⁹ Было принято решение о том, что Ирак не будет рассматривать турецкие самолёты как нарушителей воздушного пространства страны.

Активные военные и дипломатические шаги турецких правящих кругов были вызваны опасением того, что КНД Ирака может перекинуться на Турцию. В этой связи представляет интерес передовица, опубликованная в турецкой газете “Дюнья”. Автор её, некто Атай, призывая Иран, Ирак и Турцию объединиться, писал: “Над нами одна и та же угроза. Мы сталкиваемся с одной и той же опасностью. Как видно из последних событий, Иран, Ирак и Турцию связывает одна судьба. Мы вынуждены сотрудничать”.⁵²⁰ И эти государства действительно сотрудничали в деле подавления курдского национально-освободительного движения.

Также в арабских СМИ (ливанской газете «Аш-Шааб») в тот период было опубликовано сообщение о деятельности оперативной группы турецких, иранских и иракских офицеров, которые осуществляли координацию военных действия в Иракском Курдистане. Как указывала газета, эта оперативная группа совместно с иракским штабом занималась планированием военных операций против курдов. Группа поддерживала прямую радиосвязь с командирами частей турецкой армии, которые дислоцировались на ирако-турецкой границе. Газета подчеркивала, что турецкие самолеты не ограничивались лишь разведывательными полетами над северными районами Ирака, но и принимали непосредственное участие совместно с иракскими ВВС в бомбардировке курдских

⁵¹⁸ Мгоян Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958-1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.04. – Ереван, 1975. С. 233-234.

⁵¹⁹ Там же, С. 243.

⁵²⁰ Там же.

населенных пунктов бомбами, полученными Турцией по линии СЕНТО и предоставленными в распоряжение иракских вооруженных сил.⁵²¹ Об участии турецких вооруженных сил в подавлении восстания в Северном Ираке свидетельствовали и другие факты, приводившиеся в арабской печати. Всё это – по мнению М.А. Гасратяна – доказывало, что одной из причин создания Багдадского пакта (блока СЕНТО) было подавление национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока.

Сравнительно успешная национально-освободительная борьба курдов в Ираке вызвала тревогу не только правительства, но и всех реакционных кругов. Характерна в этом отношении статья журналиста Шерефа Генсой, опубликованная в июле 1966 г. В ней говорилось, что для “Турции представляют большой интерес политические изменения и сдвиги, которые последуют за соглашением между иракским правительством и курдами”. Далее Ш. Генсой писал, что “курдское движение, добившееся сегодня успеха в Ираке, продолжится до тех пор, пока не будет завоевана независимость и курды не будут объединены под одним знаменем”. Как следствие, в связи с этим он предлагал “пристально и внимательно следить за курдским движением в Турции”.⁵²²

В феврале 1967 г. турецкое правительство для дополнения своего юридического арсенала подавления курдского движения издало декрет (№ 6/7635), который запрещал, объявляя незаконным, “ввоз и распространение в Турции любых материалов иностранного происхождения на курдском языке в какой бы то ни было форме (публикации, пластинки, магнитофонные ленты и т. д.)”.⁵²³

Наряду с усилением карательных операций против курдов внутри страны турецкое правительство продолжало координацию действий по

⁵²¹ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 245.

⁵²² Там же, С. 248.

⁵²³ Там же, С. 249.

подавлению курдского движения в Курдистане по линии СЕНТО. Так, в середине июня 1973 г. в Тегеране состоялось заседание совета министров СЕНТО. По окончании заседания было опубликовано коммюнике, в котором сообщалось, что в условиях усиления подрывной и террористической деятельности партнеры по СЕНТО будут проявлять высокую бдительность: Иными словами, правящие круги Турции и Ирана принимали меры с целью не допустить активизации курдского движения в этих странах.⁵²⁴

В апреле 1963 г. на совещании представителей Ирака, Турции и Ирана в Багдаде обсуждались планы военных операций против курдов. Как уже было упомянуто, Тегеран и Анкара выступили с инициативой применения иранских и турецких войск для подавления восстания курдов.⁵²⁵ Также было принято решение о закрытии границ. В Турции начались репрессии против курдов. Было принято решение о продлении чрезвычайного положения в трёх провинциях юго-востока страны ещё на два месяца.⁵²⁶ Турецкая пресса заявляла о том, что “над нами одна и та же угроза, мы сталкиваемся с одной той же опасностью. Как видно из последних событий, Иран, Ирак и Турцию связывает одна судьба. Мы вынуждены сотрудничать”.⁵²⁷ Утверждалось, что в ходе проведения военной операции против Барзани, иракские самолёты нарушали воздушное пространство Турции. Несмотря на то, что самолёт был якобы сбит, сообщалось, что турецкое руководство не намерено “подливать масла в огонь” если правительство в Багдаде докажет, что это не было злонамеренным актом.⁵²⁸

⁵²⁴ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 281.

⁵²⁵ Мгоян Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958-1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.04. – Ереван, 1975. С. 233.

⁵²⁶ Хассаф И. Курдский вопрос в международных отношениях после Второй Мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 113.

⁵²⁷ Мгоян Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958-1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.04. – Ереван, 1975. С. 232.

⁵²⁸ “Akis”, 20.08.62.

С 14 по 19 декабря 1966 г. в Багдаде проходили переговоры между руководителями дипломатических служб Ирака и Ирана. В совместном заявлении было объявлено о том, что потребность в урегулировании разногласий по поводу делимитации границ сохраняет свою актуальность и требует разрешения. Тем временем шахом было поставлено курдам порядка 35 тыс. автоматов (не считая помощи деньгами, исчисляемой 250 тыс. иракских динаров в месяц).⁵²⁹

В результате усилий НРП весной 1974 г. турецким парламентом был проведён закон об амнистии, в соответствии с которым стали выпускать из тюрем заключённых, в т.ч. и многих курдских деятелей левой ориентации. Как отмечает М.А. Гасратян, очевидно, для принятия этой гуманитарной акции наряду с внутренними причинами были и внешние. В частности, успехи курдского движения в Ираке, правительство которого в марте 1974 г. объявило о предоставлении курдам автономии в рамках Иракской Республики (притом, что это было не совсем то, на что претендовал Барзани). Вместе с тем этот факт напугал правящие круги Турции. В известной мере можно объяснить то, что в середине марта 1974 г. командующий сухопутными силами турецкой армии армейский генерал Эшреф Акынджы и командующий жандармерией армейский генерал Орхан Йигит осуществили инспекционную поездку по вилайетам Диярбакыр, Газиантеп, Урфа, Мардин, Сиirt и некоторым другим, где состоялись военные манёвры, одной из целей которых было не допустить выступлений курдов (как если бы они могли там – в этот момент – произойти).⁵³⁰

В начале апреля 1979 г. состоялось заседание Совета национальной безопасности Турции, которое рассмотрело вопрос о курдском сепаратизме на востоке страны. Совет принял специальное решение, в

⁵²⁹ Хассаф И. Курдский вопрос в международных отношениях после Второй Мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 122.

⁵³⁰ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 282.

соответствии с которым турецкое командование стало перебрасывать дополнительные войска в районы юго-восточной и восточной границы Турции. Военские части, находившиеся на восточной границе, были приведены в состояние боевой готовности.⁵³¹

В связи с возможностью проникновения курдов из Ирана и Ирака через турецкую границу были предприняты дополнительные меры безопасности. В частности, в районах с пересеченной местностью были сосредоточены преимущественно пехотные части, а в равнинных районах – моторизованные соединения. Одновременно было организовано совещание 14 губернаторов восточных и юго-восточных провинций страны, на котором были предложены меры по усилению репрессий против курдского движения. Параллельно предпринимались усилия с целью скоординировать действия правительств Турции и Ирака для подавления движения курдов. Так, в первой половине апреля 1979 г. состоялся визит начальника генерального штаба турецкой армии Эврена в Ирак, где он вел переговоры о координации действий по «нормализации» положения в Курдистане.⁵³²

Для проведения инспекции в восточных провинциях 21 августа 1979 г. в Диярбакыр вылетели начальник генерального штаба Эврен и командующий сухопутными войсками Эрсин, которых беспокоило усиление напряженности в Турецком Курдистане. В конце августа того же года министр внутренних дел правительства Бюлента Эджевита, Хасан Гюнеш совершил поездку по восточным вилайетам. Выступая 28 августа на пресс-конференции в Эрзуруме он заявил, что турецкие власти приняли меры с целью предотвратить переход «сепаратистских» сил из Ирана и Ирака в Турцию.⁵³³

⁵³¹ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 297.

⁵³² Там же.

⁵³³ Там же, С. 300.

Отвечая на заявление депутатов НРП Азизоглу и Йылмаз в связи с восстанием курдов в Иране (в 1979 г.), премьер-министр Б. Эджевит сказал, что “правительство стремится удержать Турцию вне «подстрекательской деятельности», исходящей извне. Турция не вмешивается в события, являющиеся внутренним делом Ирана”. Характерно, что именно в это время в турецкой печати появилось сообщение о том, что на востоке страны усиливаются операции по изъятию оружия, которое хотели тайно переправить иранским курдам.⁵³⁴

Продолжая свою антикурдскую политику, военный режим принял решение по всей границе с Сирией, Ираком и Ираном создать так называемую «зону безопасности» шириной в 10 – 20 км. Согласно решению, лицам, проживающим в этой зоне, запрещалось иметь скот и продукты животноводства больше установленной властями нормы. Под видом борьбы с контрабандой военные власти закрыли тысячи торговых лавок в Газиантепе, Диярбакыре, Килисе, Батмане, Догубаязите и во многих других городах, в которых подавляющее большинство населения составляют курды. С нашей точки зрения, это вполне могло привести к противоположным результатам и, напротив, стимулировать недовольство местного населения (как следствие – революционную активность, особенно молодёжи).

В свою очередь, после разгрома движения Барзани Ирак также возобновил систематические усилия по пресечению возможных выступлений курдов. Так, в частности, Саддамом Хусейном было заявлено о необходимости “укрепления границ и депортации из приграничного района на глубину 20 км всего населения <...> В Курдистане нужно держать войска”.⁵³⁵ И хотя в данном случае прямой, непосредственный

⁵³⁴ McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. P. 415.

⁵³⁵ Длер И.Х. Особенности социально-экономического и политического развития в Иракском Курдистане в 1960-1970-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва, 1987. С. 132.

сговор с турецким руководством не просматривается, намерения обеих сторон работали – с нашей точки зрения, очевидно – на достижение одной и той же цели.

8 июня 1975 г. был заключён антикурдский договор между Ираком и Турцией. Он был подписан министрами внутренних дел обеих стран и “предусматривал обеспечение безопасности совместной границы и подавление подрывной деятельности вблизи её”.⁵³⁶ В 1978 г. состоялся визит в Турцию президента Ирака Ахмеда Хасана аль-Бахра, по итогам которого было заключено очередное соглашение, ст. 4 которого касалась “координации усилий двух стран в борьбе против курдского движения”. Ответный визит турецкой стороны в лице начальника генерального штаба генерала Кенана Эврена состоялся в 1979 г., по итогам которого была достигнута договорённость о взаимной выдаче лиц, заподозренных в сепаратистской деятельности (аналогичный договор был также заключён между Ираком и Ираном).⁵³⁷

Многочисленные ограничения, репрессии против курдов имели место также в более поздний период (в частности, после военного переворота 1980 г. в Турции), однако они выходят за рамки данного исследования.

Более того, в них не прослеживается ничего нового, кроме того, что Турция получила возможность осуществлять бомбардировки поселений на иракской территории при помощи самолётов нового поколения (“Фантом”) с соответственно возросшим разрушительным потенциалом.⁵³⁸

Военный переворот 12 сентября 1980 г. застал курдское движение в момент беспорядков и нанес самый фатальный ущерб, на который оно могло рассчитывать. Хотя до военного переворота значительному числу

⁵³⁶ Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. С. 163.

⁵³⁷ Длер И.Х. Особенности социально-экономического и политического развития в Иракском Курдистане в 1960-1970-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва, 1987. С. 133.

⁵³⁸ Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. С. 312.

курдских политических активистов удалось бежать из Турции, многие другие были захвачены силами безопасности государства и заключены в различные тюрьмы в восточных и юго-восточных городах, главным образом в печально известной военной тюрьме Диярбакыр, которая была местом ужасных пыток для усмирения заключенных. Значительное число членов РПК до военного переворота 1979 и 1980 гг. перебралось в Сирию и Ливан и основало там базы организации. Её переезд в Ливан предоставил ей возможность в начале 1980-х гг. установить тесные связи с палестинскими организациями и создать свои лагеря по подготовке партизан. Кроме того, с начала 1980-х гг. она начала укреплять свое присутствие в Европе, главным образом в Германии, через сеть общественных организаций (что, в свою очередь, рассматривается западными исследователями как доказательство того, что РПК знаменовала собой переход КНД Турции на очередной – качественно новый – уровень).⁵³⁹

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего рассматриваемого периода имела место достаточно тесная координация усилий между руководством Ирака и Турции по курдскому вопросу. Можно сказать, что в определённый момент она могла вылиться в проведение полноценной военной операции, однако в конечном итоге было принято решение отказаться от её проведения (в т.ч. под воздействием дипломатической позиции США). Однако вместе с этим необходимо отметить, что уже к середине 60-х гг поддержку курдам Ирака начал оказывать Иран. Это представляется тем более двусмысленным, что он сохранял при этом членство в СЕНТО (как следствие этого, осуществлял действия, которые могли быть восприняты – во всяком

⁵³⁹ Gunes C. *Kurdish Politics across the Middle East during the 1970s* // *The Cambridge History of the Kurds*. Cambridge University Press, 2021. P. 262.

случае, теоретически – как подрывающие безопасность также Турции как другого союзника по линии СЕНТО).

Помимо этого ценным представляется выделить также ещё два момента. Так, с одной стороны, готовность турецкого руководства выступить с оружием против иракских курдов совпала с репрессиями против курдов внутри страны (как минимум, проведением военных учений на границе с целью продемонстрировать жителям юго-востока страны решимость бороться с проявлениями сепаратизма).

Другим значимым фактором также представляется то обстоятельство, что, фактически, сразу после свержения первого революционного правительства Касема (уже в 1963 г.) новое иракское руководство начало действовать в координации с правительством Турции по вопросу подавления курдов. Как следствие этого, вопросы расхождения в идеологии – даже если они имели место (в особенно применительно к режиму Касема) – отошли на второй план в сравнении с соображениями практического интереса и безопасности. Повторный приход ко власти баасистов ознаменовал собой доведение этой логики – направленной на централизацию власти в Ираке – до логического завершения. Было бы странно, если бы руководство в Багдаде пренебрегло возможностью сотрудничества с Анкарой против курдов. Начиная с 1968 г. учащаются визиты высших должностных лиц и командующих Ирака и Турции друг к другу, что соответствует увеличению мер, направленных против курдского сепаратизма в обеих странах.

Это, в свою очередь, знаменует собой возрождение той тенденции в отношениях между двумя странами, что была принята после 1926 г., целью которой являлась, с одной стороны, максимальная стабилизация границы, а, с другой стороны, пресечение курдского национализма. Иными словами, по факту того, что Касем не принял предложение курдов

об автономии с самого начала, в конечном итоге прежний тренд двусторонних отношений с Турцией возобладал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курды – один из крупнейших народов в мире (и крупнейший на Ближнем Востоке), не имеющий собственной государственности. Весь XX в. прошёл для них – во всех четырёх стран их проживания (Ираке, Турции, Сирии и Иране) – под знаменем освобождения, обретения собственного государства, либо, как минимум, автономного статуса.

С нашей точки зрения, национальное движение курдов, имевшее место в период 1918-1980 гг. в Ираке и Турции, может быть разделено на два этапа, водоразделом между которыми, в свою очередь, выступает 1958 г. – Июльская революция в Ираке, которая, с одной стороны, положила конец монархии в стране, а, с другой стороны, впервые в истории КНД, вывела отношения между представителями КНД Ирака и властью в Багдаде на официальный уровень (более того – в статусе равноправных партнёров). Несмотря на то, что революционный режим действовал таким образом исходя из соображений собственного выживания, побочным (и главным – в долгосрочной перспективе) эффектом этого стало то, что КНД получило стимул к развитию также в других странах региона. Прежде всего, в Турции, где к этому моменту в жизнь уже вступило новое поколение курдов (которое не знало ужасов подавления восстания 20-30-х гг. и, как следствие, не было сломлено ими).

Характерной чертой первого этапа КНД рассматриваемого периода (1918-1958 гг.) – причём как в Ираке, так и в Турции – стало преобладание представителей традиционной курдской элиты в качестве непосредственных руководителей КНД. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько курдское движение этого этапа вообще может называться “национальным”. Несмотря на очевидное наличие у курдов стремления к независимости (более того – готовности британского руководства в какой-то момент использовать курдов в своих интересах в качестве

определённого государственного образования), им так и не удалось реализовать своё право на самоопределение: именно на том этапе, когда оно обладало максимальными шансами на реализацию.

В свою очередь, последующие восстания курдских шейхов не увенчались успехом. Так, с одной стороны, многочисленные восстания шейха Махмуда в Ираке не были поддержаны другими курдскими представителями его сословия (притом, что они также были недовольны наличием над ними власти арабов и британцев). С другой стороны, восстание комитета “Азади” в Турции (получившее название восстания шейха Саида) не увенчалось успехом не в последнюю очередь по причине того, что контрразведке Турецкой Республики удалось своевременно узнать о планах заговорщиков и разрушить саму структуру их организации. Восстание началось спонтанно и не было поддержано представителями других нетурецких меньшинств юго-востока страны (такими как алевиты и заза). Всё это свидетельствовало в пользу того, что апелляции только к исламу (более того – исламу накшбандийского толка) недостаточно для мобилизации сколь-нибудь массового (а, значит, успешного) национального движения. В свою очередь, попытка светского по своему характеру Араратского восстания в Турции провалилась по причине ожесточённого противодействия регулярной турецкой армии (более того, тесной координации кемалистов с правительством и армией шахского Ирана).

Единственное, на что после этого были способны курдские националисты бывшей Османской империи (объединённые в организацию “Хойбун”) – вести панкурдистскую пропаганду на подмандатных территориях Ирака и Сирии. Тем не менее, их пропаганда не прошла впустую. И хотя становление следующего этапа КНД Ирака было связано, в первую очередь, с внутренними причинами (зарождением светской городской курдской интеллигенции, в первую очередь, в городе

Сулеймания), нет оснований считать, что панкурдская пропаганда “Хойбуна” не затронула умы таких выдающихся деятелей КНД Ирака последующего периода как Ибрагим Ахмед (на молодость которого, 30-е гг. XX в. пришлось распространение означенных идей в Ираке). На этот же период в Ираке пришлось становление множества курдских организаций, различие в классовой принадлежности участников которых может рассматриваться в качестве, своего рода, “провозвестника” противоречий КНД Ирака следующего этапа. Также к 30-м гг. относится неспособность центрального правительства в Багдаде уладить конфликты с представителями клана Барзани таким образом, чтобы они не стали его врагами (на чём настаивали британские советники хашимитской монархии).

В противоположность этому новое турецкое государство оказалось достаточно сильным и организованным для того, чтобы нанести сокрушительное поражение всем курдским восстаниям, что вспыхивали в 20-30-х гг. Более того, давление на КНД Турции было усилено фактором идеологии кемализма, в соответствии с которой все граждане Турции признавались турками (“эталон” которых, в свою очередь, выступали носители языка, культуры и традиций анатолийских турок). Курды были объявлены “горными турками”, подлежащими ассимиляции. Однако исторический опыт показал, что намерения кемалистского руководства в отношении курдов оказались слишком амбиционными.

Иными словами, **КНД Ирака и Турции представляют собой качественно различные явления**, что было обусловлено, в первую очередь, различными условиями их генезиса. В частности, КНД Ирака изначально существовало в условиях гораздо более мягкого политического режима, слабой центральной власти и гетерогенного иракского общества. Это привело к тому, что КНД в Ираке, как политическое движение, сформировалось на несколько десятилетий

раньше, чем в Турции (где авторитарному кемалистскому руководству – вкупе с репрессиями – удалось кооптировать большую часть традиционной курдской элиты в правящий истеблишмент). Обратной стороной этого стало то, что КНД Ирака продолжало носить в себе архаичные черты, характерные для первого этапа национальной борьбы (во главе с шейхами и ага) и на втором этапе КНД (1958-1980 гг.). Особенно ярко это проявилось на примере личного стиля руководства Моллы Мустафы Барзани, его клана, племенного ополчения и партии (после изгнания из Политбюро Демократической партии Курдистана оппозиции в лице И. Ахмеда и Д. Талабани).

В противоположность этому КНД Турции второго этапа (в 60-70-е гг.) – воссоздавая себя, фактически, “с нуля” – изначально строилось на политических кружках и организациях, которые в корне противопоставляли себя всем атрибутам традиционного курдского общества (ввиду очевидной невозможности использовать его институты – в частности, власти – в своих интересах). Провал Демократической партии Турецкого Курдистана (как идеологический, так и организационный) представляет собой наиболее яркое тому свидетельство.

Более того, КНД Ирака и Турции не только не были едины “друг с другом” – перед лицом внешнего мира – но **также были расколоты изнутри**. Непреодолимым оказалось противоречие внутри Демократической партии Курдистана (ДПК), которое вылилось в создание Патриотического союза Курдистана (ПСК) после поражения вооружённого восстания, известного в курдской историографии под именем “Сентябрьской революции” во главе с М. Барзани (1961-1975 гг.). Внешним проявлением этого раскола была идеология (условно, националистический партикуляризм М. Барзани против панкурдизма, интегрального национализма И. Ахмеда и Д. Талабани). Однако реальное противоречие (обрётшее, в конечном итоге, форму разных политических

субъектов КНД Ирака) заключалось в фундаментальном противоречии самого курдского общества.

М. Барзани выступал представителем традиционного курдского общества, он был единственным, кто мог поднять знамя вооружённой борьбы, представители городской курдской интеллигенции не обладали поддержкой достаточной, чтобы осуществить сколь-нибудь массовую мобилизацию (данное обстоятельство дало о себе знать ещё в ходе его восстания в Ираке в 1943 г.). Вместе с тем М. Барзани также, насколько можно судить, не мог обходиться без помощи И. Ахмеда и Д. Талабани (несмотря на то, что противоречия между ними носили исключительно острый характер и последние как минимум один раз были вынуждены скрываться на территории Ирана). Обе стороны пытались взаимодействовать с центральным правительством и, как показали материалы британских архивов, фракция Ахмеда-Талабани начала получать поддержку от Багдада уже к 1964 г.; вооружённые столкновения между представителями обеих фракций (пешмергой) также начались уже к этому моменту. В то же время попытки центрального правительства использовать фракцию Ахмеда-Талабани против Барзани с целью сделать представителями, своего рода, “легальной курдской администрации” на севере Ирака не увенчались успехом (опять-таки, из-за недостатка поддержки среди рядовых курдов). То, что Мартовские соглашения 1970 г. были заключены именно с Барзани, как представляется, говорит само за себя.

В то же время **КНД Турции было ещё более раздробленным, чем в Ираке.** Будучи представленным исключительно представителями городской интеллигенции и пролетариата, оно находилось под жестким давлением военных переворотов 1960, 1971 и 1980 гг. Вместе с тем следует отметить, что конституция, принятая по итогам переворота 1960 г., носила прогрессивный характер. Как следствие этого, именно на 60-е

гг. пришёлся расцвет турецкого левого движения. Курды изначально были его составной частью, однако уже к концу десятилетия (началу формирования “Встреч Востока” (“Doğu osakları”, в 1968 г.) начали разочаровываться в конформизме левых и пытаться создавать собственные организации. Военный переворот 1971 г. обрушил на них репрессии и, фактически, уничтожил первое поколение курдских революционеров – как свидетельствует Абдулла Оджалан – ещё до того, как они успели взять в руки оружие.

Тем не менее, организационный опыт не был утрачен и апофеозом КНД Турции стало создание Рабочей партии Курдистана в 1978 г. Характерной чертой этой организации (помимо готовности взять в руки оружие, в т.ч. и для уничтожения “оппортунизма” среди других движений турецких курдов – не говоря уже про представителей “реакционной” аристократии) также стала оригинальная идеология, разработанная А. Оджаланом (получившая в работах некоторых исследователей название “апочизм”), имплицитным целеполаганием которой было снять противоречия, существовавшие между политическими партиями турецких курдов на базе принципиально нового учения, в корне порывавшего с марксистскими схемами как советского, так и китайского (а равно и западноевропейского) образца. Нельзя сказать, что для КНД Турции вполне актуальным оставалось противоречие КНД Ирака (т.к. оно было укоренено в структуре самого общества иракских курдов); как следствие этого и снятие противоречий, достижение когерентности движения обеспечивалось иными средствами. В целом, в основе этих движений лежала разная логика, которая – вкупе с разными (в т.ч. начальными) условиями – привела к разным результатам.

На протяжении всего рассматриваемого периода между руководством Ирака и Турции существовала тесная координация по вопросам безопасности. Условно она может быть разделена на два уровня. Так, с

одной стороны, непосредственным интересом Турции (в контексте турецко-иракских отношений) было обеспечение безопасности турецко-иракских границ. Единственной целью такой “озабоченности” могли выступать только компактно проживавшие по обе стороны границы курды (опасения Турции не были беспочвенными, поскольку на протяжении периода 1918-1926 гг. курды Ирака регулярно пересекали границу и причиняли ущерб поселениям и военным пунктам на турецкой территории, будучи, зачастую, напрямую поддерживаемыми британцами). После 1926 г. сторонам удалось осуществить контроль над пограничными территориями, но им не удалось как-либо воспрепятствовать распространению информации на территории всего этноареала Курдистан. Так, курдам в Стамбуле удавалось оперативно узнавать о событиях Мехабада в Иране и Равануза в Ираке. Впоследствии (в 1959 г.) имел место прямой запрет турецкого руководства на ввоз информации на любых носителях на территорию Турции, который привёл, в конечном итоге, к политическому скандалу внутри страны, спровоцировав новый виток репрессий против любых проявлений курдского национализма (т.н. “Дело 49-ти” 1960 г).

В 1937 и 1955 гг. турецким руководством были подписаны, соответственно, Саадабадский и Багдадский пакты. Будучи уже многосторонними (привлекая также Иран), они также ставили своей целью пресечение враждебной деятельности: будь то на границе, либо в тылу любой из стран, подписавших договор. Вместе с тем, следует признать, что ни один из этих договоров не был эффективен: они включали большое число стран с разными интересами (вплоть до взаимоисключающих – по другим вопросам), что не способствовало доверию участников (в частности, в обмене развединформацией).

После прихода революционного командования в Ираке в 1958 г. и начала “Сентябрьской революции” на севере Ирака Барзани в 1961 г.

турецким руководством были предприняты усилия по координации действий с иранским военным командованием по разработке и реализации плана возможного военного вторжения на территорию Иракского Курдистана, получившего название “операция Тигр”. Тем не менее, он не был реализован (в т.ч. по причине дипломатического давления со стороны СССР). Период после поражения восстания Барзани в 1975 г. также был ознаменован усилением координации между турецким руководством и укрепившимся у власти баасистами во главе с С. Хусейном. В тот же десятилетие репрессии обрушились на курдов в обеих странах от лица собственных правительств. Таким образом, с одной стороны, можно сделать вывод о том, что руководству обеих стран удалось в значительной степени (хоть и не в полной мере) оказать давление на КНД именно за счёт координации деятельности. Однако, с другой стороны, им не удалось уничтожить национальное движение ни в Ираке, ни в Турции (где и ДПК, и ПСК в Ираке и РПК в Турции вновь заявят о себе на следующем этапе КНД).

Также следует отметить, что восстановление (равно как последующее становление) РПК на территории Сирии стало возможно вследствие поддержки не только со стороны сирийского правительства Х. Асада, но также со стороны ПСК. Можно утверждать, что ДПК испытала на себе влияние ПСК, её идеологии панкурдизма.

Другой партией турецких курдов, напрямую испытавшей на себе влияние ПСК стала “Ала-Рызгари” (самим поводом к возникновению которой – вследствие раскола группы “Рызгари” – стало одно из вооружённых столкновений между пешмергой ДПК и ПСК). Впоследствии её членам удалось уйти от преследований в Турции и перебраться в Ирак. Однако потребность вести борьбу с другими курдами (из ДПК) привела к тому, что уже в скором времени её руководящий состав попросил политического убежища в Западной Европе.

В свою очередь, попытка создания ДПТК, как влиятельной силы турецких курдов – которая рассматривается в литературе в качестве филиала ДПК (и начинание самого Барзани) – потерпело неудачу. С одной стороны, выступая с консервативной повесткой, она не смогла ничего предложить турецким курдам (т.к. правый политический фланг уже был занят представителями традиционной курдской аристократии, тесно интегрированной в правящий истеблишмент и выступавшей проводником *status-quo*). В то же время партия также столкнулась с репрессиями со стороны турецкого государства и не имела возможности (как и другие курдские партии) войти в легальное политическое поле. Оба её непосредственных лидера были убиты и, насколько можно судить, она не смогла глубоко пустить корни даже на консервативном юго-востоке страны. Иными словами, **преобладающее влияние иракских курдов в рассматриваемый период было амбивалетным и, как минимум, в одном случае, оказалось деструктивным для турецких партий.** Впрочем, связано это было, в первую очередь, с их собственной слабостью, идеологической неопределённостью и репрессиями со стороны турецкого правительства, армии и служб безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники***а) Официальные документы:***

1. Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире. Декреты Советской власти. Т. 1. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 15-16.
2. Договор между Великобританией, Ираком и Турцией, заключённый в Ангоре 5 июня 1926 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 208-210.
3. Договор, заключённый между Великобританией и Ираком 13 января 1926 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 207-208.
4. Договор между Великобританией и Ираком, заключённый в Багдаде 10 октября 1922 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 181-182.
5. Из Союзного договора между Великобританией и Ираком, заключённого в Багдаде 30 июня 1930 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 214-216.
6. Конституция Ирака (10 июля 1924 г. – 21 марта 1925 г., с изменениями от 29 июля 1925 г.) // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 184-207.
7. Приложение к Союзному договору от 30 июня 1930 г. // Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит–Евролинц-Традиция, 2002. С. 216-218.

8. Address of the President of the United States, delivered at a joint session of the two houses of Congress, January 8, 1918 [*14 пунктов Вильсона*]. Washington, 1918. P. 5-7.
9. Afghanistan, Iraq, Iran and Turkey. Treaty of Non-Agression. Signed at Tehran, July 8, 1937 [*Саадабадский пакт*] // World Legal Information Institute [Электронный ресурс] URL: <http://www.worldlii.org/int/other/LNTSer/1938/163.html> (дата обращения: 30.01.2022)
10. Bağdat Paktı İmzalandığı Gün Verişilen Mektuplar. Bağdat, 24 Şubat 1955 [*Письма, направленные Н. Саудом и А. Мендересом друг другу в день подписания Багдадского Пакта*] / Soysal İ. 1955 Bağdat Paktı // Belleten. 1991, Cilt 55, Sayı 212, S. 231-232.
11. Earle E. The New Constitution of Turkey. Political Science Quarterly. 1925, V. 40, I. 1, P. 73-100.
12. Eisenhower Doktrinini Onaylayan ABD Kongresi Ortak Kararı [*Совместная резолюция Конгресса о принятии доктрины Эйзенхауэра*]. Vaşington, 9 Mayıs 1957 / Soysal İ. 1955 Bağdat Paktı // Belleten. 1991, Cilt 55, Sayı 212, S. 232-233.
13. Maurice F. The Armistices of 1918 [*Мудросское перемирие*]. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1943. P. 85-87.
14. Misak-ı Milli Beyannamesi (Günümüz Türkçesi) [*Национальный обет, пер. на совр. тур. яз.*]. Milli Egemenlik Belgeleri. S. 37-38.
15. Sykes-Picot Agreement, 16 May, 1916 // The United Nation [Электронный ресурс] URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/232358BACBEB7B55852571100078477C> (дата обращения: 01.02.2022)
16. The Algiers Accord // The Kurds. An Encyclopedia of Life, Culture, and Society. P. 338-340.
17. The Constitution of the Turkish Republic. Ankara, 1961. 48 p.

18. The Treaty of Sèvres, August 10, 1920 // The World War I Document Archive [Электронный ресурс] URL: <http://gwpda.org/versa/sevres1.html> (дата обращения: 30.01.2022)
19. Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne, July 24, 1923 // The World War I Document Archive [Электронный ресурс] URL: <http://gwpda.org/versa/sevres1.html> (дата обращения: 30.01.2022)
20. Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti İle Amerika Birleşik Devletleri Arasında İşbirliği Anlaşması. Ankara, 5 Mart 1959 [*Декларация премьер-министров стран-членов Багдадского пакта и главы Государственного департамента США*] / Soysal İ. 1955 Bağdat Paktı // Belleten. 1991, Cilt 55, Sayı 212, S. 234-236.
21. Türkiye İle Irak Arasında Karşılıklı İşbirliği Anlaşması. Bağdat, 24 Şubat 1955 [*Договор о сотрудничестве между правительством США и Турецкой Республики*] / Soysal İ. 1955 Bağdat Paktı // Belleten. 1991, Cilt 55, Sayı 212, S. 229-231.

б) Архивные материалы:

22. Lovat F.-X. Shkar Affan Naqshbandi. Kurdistan. Iraq. Mullah Mustafa Barzani (1903-1979). (фотоальбом) Erbil, 2015. P. 71.
23. Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831-1979. Cambridge University Press. Vol. 11. 661 p.
24. Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831-1979. Cambridge University Press. Vol. 12. 779 p.

в) Документальные фильмы:

25. Dr. Şivan Belgeseli // jiyana nu [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wfPF336lhbA> (дата обращения: 30.01.2022)
26. Eyewitnesses of the Dersim Massacre // Rudaw [Digital resource] URL: <https://youtu.be/JLT61TDGjgE> (date of request: 26.12.2021)

г) Мемуары:

27. Барзани М. Мустафа Барзани и курдское освободительное движение (1931-1961 гг.). СПб.: Наука, 2005. – 382 с.
28. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 415 с.
29. Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930-1950 гг. М.: Изд. фирма “ОЛМА-пресс”, 1997. – 686 с.
30. Dersim Massacre through the Memories of Prominent Kurdish Writer Musa Anter // Rudaw [Электронный ресурс] URL: <https://www.rudaw.net/english/kurdistan/09052020> (дата обращения: 30.01.2022)
31. Dönemi Tanığı – 49’lar ve Barzani Etkisi // Rudaw [Электронный ресурс] URL: <https://www.rudaw.net/turkish/interview/261020161> (дата обращения: 28.01.2022)
32. Hilmi R. Memoirs Yaddasht: Iraq & Kurdistan (1908-1923), Iraqi Kurdistan and the Revolutions of Sheikh Mahmud. London. 2007. 411 p.
33. Kurds, Arabs and Britons. The Memoir of Wallace Lyon in Iraq (1918-1944). Tauris, 2002. 238 p.

д) Памятники культуры:

34. هەر کورد ئه‌به‌بێن [Мы всегда были, и мы всегда останемся курдами] // YouTube [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VYCWggJU0Bc> (дата обращения: 18.01.2021)
35. Хани А. Мам и Зин // Kurdistan.com [Электронный ресурс] URL: <https://kurdistan.com.ua/priziv-k-allahu-pomoch> (дата обращения: 18.01.2021)

II. Литература

а) Российских (советских) исследователей:

36. Веденеев И.Н. Турецкие левые и национальное движение курдов: к вопросу преемственности // Вестник Брянского государственного университета, 2021, № 4. С. 24-32.

37. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность. Институт востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015. – 352 с.
38. Вертяев К.В. Иракский и Сирийский Курдистан как повстанческие государства: теоретические подходы к проблеме курдской протогосударственности // Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 203-225.
39. Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. – 252 с.
40. Вертяев К.В. Курды в британских архивах // Институт востоковедения РАН [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m18sIfJYsFM> (дата обращения: 30.01.2022)
41. Гасратян М.А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. – 384 с.
42. Геноцид в Иракском Курдистане (под ред. С.М. Кочои). М.: ООО “Профобразование”, 2003. – 360 с.
43. Длер И.Х. Особенности социально-экономического и политического развития в Иракском Курдистане в 1960-1970-е гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. АН СССР, Ин-т востоковедения. – Москва, 1987. – 182 с.
44. Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 240 с.
45. Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: Крафт+, 2007. – 608 с.
46. Комаров Д. Барзани и борьба южных курдов // 100 лет Мустафе Барзани (сборник). Представительство Регионального правительства Иракского Курдистана в России и странах СНГ. М., 2003. С. 4-36.

47. Курдское движение в новое и новейшее время. АН СССР, Ин-т востоковедения; АН Армянской ССР, Ин-т востоковедения. – Москва: Наука, 1987. – 303 с.
48. Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917-1923). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1989. – 327 с.
49. Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923-1945). Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит. РАН, 2005. – 308 с.
50. Лазарев М.С. Курдский вопрос. (1891-1917). АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972. – 472 с.
51. Лебский М. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. «Алисторус», 2016. – 380 с.
52. Магомедханов В.М. Курды – забытые союзники СССР. Институт востоковедения РАН. Фонд содействия технологиям XXI в. М. ИВ РАН, 2020. – 236 с.
53. Минорский В.Ф. Курды: Заметки и впечатления. Петроград, 1915. – 43 с.
54. Мгоян Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике, 1958-1970 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.04. – Ереван, 1975. – 410 с.
55. Мосаки Н.З. Иракские туркоманы во взаимодействии различных политических сил и интересы Турции // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М, 2006. С. 166-184.
56. Мухамед С.А. Курдистан в экономике современного Ирака: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.00. – Москва, 1972. – 216 с.
57. Никитин В. Курды. М.: Прогресс, 1964. – 432 с.
58. План-проспект коллективной монографии “История курдского народа”. АН Армянской ССР, 1965. – 37 с.

59. Тагизаде Т.С. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1958-1966 годах: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Махачкала, 1973. – 223 с.
60. Хассаф И.М. Курдский вопрос в международных отношениях после второй мировой войны: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.05. – Москва, 1985. – 223 с.
61. Шумов С.А., Андреев А.Р. Ирак: история, народ, культура. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. – 256 с.

б) Турецких исследователей:

62. Aras İ. Adım Şeyh Sait. İlke Yayıncılık, 1992. 147 s.
63. Armaoğlu F. (Amerikan Belgeleri ile) Orta Doğu Komutanlığı'ndan Bağdat Paketi'ne 1951-1955 // Belleten, 1995. Cilt 59, Sayı 224, S. 189-236.
64. Aydın M. Türkiye ve Bağdat Paketi // International Journal of Social Science Research. 2020, Cilt 9, Sayı 2, S. 135-153.
65. Bakır A. Irak Türkmenlerinin Siyasi Arenada Sahipsiz Kalmalarına Yolaçan Tarihsel Faktörler // Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2018. Cilt 2, Sayı 2, S. 10-27.
66. Bakır A., Kayalan F. Geçmişten Günümüze Türkmen Şehri Dakuk (Tavuk) // Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2019. Cilt 3, Sayı 2, S. 10-53.
67. Bakır A., Kayalan F. Irak Türkmenleri Bağlamında Hanekin'in Siyasi, Sosyo-Ekonomik ve Dini Yapısı // Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2021. Cilt 5, Sayı 1, S. 45-90.
68. Bakır A., Pekin S. Irak Türkmenlerinin Mazlum Şehri Telafer // Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi, 2018. Cilt 2, Sayı 1, S. 64-117.
69. Bilgin M. Barzani. Fırat Yayınları, 1992. 414 s.
70. Bostancı M. Türk-Arap İlişkilerine Etkisi Bakımından Bağdat Paketi // Gazi Akademik Bakış. 2013, Cilt 7, Sayı 13, S. 171-184.

71. Çelik M. İkinci Dünya Savaşı Bitiminden Bağdat Paketi'na Geçen Süreçte Türkiye'nin Ortadoğu Politikası // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2019, Cilt (Sayı) 64, S. 475-497.
72. Çetinkaya S. Bağdat Paketi'nin Kuruluş Sürecinde Türkiye'nin Ortadoğu ve Batı İle İlişkileri // Vakanüvis – Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi. 2016, Cilt (Sayı) 1, S. 1-29.
73. Eyicil A., Hamadlak P. Türkiye - Irak İlişkilerinde Musul Sorunu // Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2015. Cilt 12, Sayı 2, S. 67-84.
74. Filiz İ. Kürt Sekülerizmine Dair (Irak Kürtleri) // İçtimaiyat, 2019. Cilt 3, Sayı 2, S. 110-120.
75. Güngör F. Ortadoğu Denklemine Irak Türkmenleri ve Geleceği // Uluslararası ve Eğitim Bilimleri Dergisi, 2014. Cilt 1, Sayı 2, S. 15-43.
76. Güzel H. Soğuk Savaş Sürecinde Irak'ta Kürt Hareketi ve Molla Mustafa Barzani // History Studies International Journal Of History, 2018. V. 1, I. 4, S. 121-139.
77. Haykırp Y. Bağdat'da Bir Türk Gazetesi: Yeni Irak // Fırat Üniversitesi Orta Doğu Araştırmaları Dergisi. 2007, Cilt 5, Sayı 1, S. 85-131.
78. Kandemir E., Tuncer C. Irak – Türkiye Enerji İlişkilerinin Bölgenin Ekonomik Güvenliğine Etkileri // Uluslararası Ekonomi Siyaset İnsan ve Toplum Bilimleri Dergisi, 2020. Cilt 3, Sayı 1, S. 75-89.
79. Kaştan Y. II. Dünya Savaşı Sonrası Türkiye – Irak Siyasi İlişkileri // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2008. Cilt (Sayı) 19, S. 313-326.
80. Kayıran M., Saygın S. Irak Türkmenleri // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2015. Cilt (Sayı) 31, S. 273-292.
81. Kemiksiz N. Uluslararası Gelişmeler Işığında Türkiye-Mısır İlişkileri (1945-1960) // Çanakkale Onsekiz Mart Üniversitesi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi. 2020, Cilt 5, Sayı 1, S. 173-199.

82. Kodal T. Adnan Menderes Dönemi Türkiye-İrak İlişkileri (1950-1960) // Belgi Dergisi, 2019. Cilt 2, Sayı 18, S. 1507-1524.
83. Köylü M. Geçmişten günümüze Kürt siyasi hareketi. İstanbul: Hiperlink, 2017. 498 s.
84. Kurt D., Korkmaz E. Birinci Dünya Savaşı Irak Cepesi'nde Karşıt Güçlerin Havacılık Faaliyetlerinin Analizi // Askeri Tarih Araştırmaları Dergisi, 2020. Cilt 18, Sayı 32, S. 31-70.
85. Nergiz B. Devletin Kürt Politikası ve Kürt Hareketi. Doktora tezi. İstanbul Üniversitesi, 2019. 279 s.
86. Özdemir S. İran-İrak Savaşı: Türkiye Sınırlarında Terörizme Etkisi // Gazi Akademik Bakış, 2020. Cilt 13, Sayı 26, S. 49-77.
87. Pamukçu G. Kerkük'te Etnik Çatışmanın Kökenleri ve 14 Temmuz 1959 Kerkük Katliamı // Bilge Strateji, 2019. Cilt 11, Sayı 20, S. 93-116.
88. Rakipoğlu M., Wittmann M. Accede or not Accede?: The United States and the Question of Joining the Baghdad-Pact // Batman Üniversitesi Yaşam Bilimleri Dergisi. 2020, Cilt 10, Sayı 2, S. 1-17.
89. Salih E. Dış Politika Yapımında Akraba Devlet ve Akraba Azınlık İlişkilerinin Yeri: Türkiye-İrak Türkmenleri İlişkileri Örneği // Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi, 2020. Cilt 8, Sayı 2, S. 297-323.
90. Savaş A., İşler A. Güvenlik ve Savunma Örgütü Olarak: Bağdat Paktı // Bitlis Eren Üniversitesi İktisadi Ve İdari Bilimler Fakültesi Akademik İzdüşüm Dergisi. 2020, Cilt 5, Sayı 2, S. 183-195.
91. Saygı T. Irak Kralı Faysal'ın Atatürk'ü Ziyareti Ve Oluşturduğu Yankılar // Yalova Sosyal Bilimler Dergisi, Cilt 7, Sayı 15, S. 211-223.
92. Serbest M. Bağdat Paktı'nın Kuruluş Süreci ve Gelişiminde Türkiye'nin Rolü // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018, Cilt 5, Sayı 3, S. 401-424.
93. Şimşir B. Kürtçülük II (1924-1999). Bilgi Yayınevi, 2020. 720 s.

94. Şimşir B. Musul Sorunu ve Türkiye – İngiltere – Irak İlişkileri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2005. Cilt 21, Sayı 63, S. 859-916.
95. Soysal İ. 1955 Bağdat Paktı // Belleten, 1991. Cilt 55, Sayı 212, S. 179-238.
96. Tüysüzoğlu G. Kimliğin Güvenlikleştirilmesi ve İnsani Güvenlik: Irak Örneği // Avrasya Etüdüleri, 2019. Cilt 55, Sayı 1, S. 23-45.
97. Yeşilbursa B. Bağdat Paktı: İngiltere ile Amerika'nın Ortadoğu Savunma Politikaları 1950-1959. Sentez Yayınları, 2019. 228 s.
98. Yıldırım Ö. The Attitude of Egypt towards Baghdad Pact // Tarih ve Günce. 2018, Cilt 1, Sayı 3, S. 125-146.
99. Yılmaz İ. Geçmişten Günümüze Irak'ta Türkmen Politikası. Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi, 2006. Cilt 5, Sayı 12, S. 127-142.

в) Курдских исследователей:

100. Оджалан А. Манифест демократического общества. Книга пятая: Курдская проблема и решение модели демократической нации. Защита курдов, находящихся в тисках культурного геноцида. М.: Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ, 2016. – 832 с.
101. Fatah R. The Kurdish Resistance to Southern Kurdistan Annexing with Iraq // Kurdishmedia.com [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20060418050534/http://www.kurdmedia.com/articles.asp?id=11980> (дата обращения: 22.01.2022)
102. Khalil D. The Idea of Kurdistan. Varsan Group Company, 2014. 312 p.
103. Kutlay N. 21. Yüzyıla Giderken Kürtler. Peri Yayınlar, 2011. 591 s.
104. Waisy K. The Kurdish Peshmarga Force 1943-1975 // Global Journal of Human – Social Science: History, Archaeology & Anthropology, 2015. V. 15, I. 2, P. 17-36.

105. Waisya K. The Significant of the New Republic of Iraq for the Kurds 1958-1975 // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research, 2015. V. 21, I. 2, P. 27-38.
106. Waisy K., Ramli R., Hung H. Mullah Mustafa Barzani and the United States 1960-1975 // Journal of Islamic and Human Advanced Research, 2014. V. 4, I. 4, P. 179-199.

з) Западных исследователей:

107. Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. М. Кучково поле. 2016. 416 с.
108. Aboona H. Assyrians, Kurds, and Ottomans. Intercommunal Relations on the Periphery of the Ottoman Empire. Amherst, New York: Cambria Press, 2008. 325 s.
109. Anderson L., Stansfield G. Crisis in Kirkuk: The Ethnopolitics of Conflict and Compromise. Philadelphia, US: University of Pennsylvania Press, 2011. 311 p.
110. Bet-Shlimon A. City of Black Gold: Oil, Ethnicity, and the Making of Modern Kirkuk. Stanford, CA: Stanford University Press, 2019. 296 p.
111. Bishku M. Between Iraq and Other Hard Places // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 217-227.
112. Bowlus J. A Crude Marriage: Iraq, Turkey, and the Kirkuk-Ceyhan Oil Pipeline // Middle Eastern Studies, 2017. V. 53, I. 5., P. 724-746.
113. Bozarslan H., Gunes C., Yadirgi V. The Kurds and the Kurdish Question in the Middle East // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 1-22.
114. Bruinessen M. Agha, Shaikh and State: The Social and Political Structures of Kurdistan. London: Zed Books, 1992. 386 p.
115. Cagaptay S. Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk? Routledge, 2006. 284 p.

116. Cuthell D. A Kemalist Gambit. A View of the Political Negotiations in the Determination of the Turkish-Iraqi Border // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 80-94.
117. Cleveland W., Bunton M. A History of the Modern Middle East. Westview Press, 2009. 641 p.
118. Černý H. Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict. Routledge, 2017. 358 p.
119. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton University Press, 2005. 347 p.
120. Dodge T. Inventing Iraq: The Failure of Nation-Building and a History Denied. Columbia University Press, 2003. 280 p.
121. Eppel M. A People without A State. The Kurds from the Rise of Islam to the Dawn of Nationalism. University of Texas Press, 2016. 189 p.
122. Eppel M. Iraq from Monarchy to Tyranny: From the Hashemites to the Rise of Saddam. University Press of Florida, 2004. 328 p.
123. Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. I.B. Tauris, 2001. 416 p.
124. Farrokh K. Iran at War: 1500-1988. Osprey Publishing, 2011. 480 p.
125. Garapon B., Çelik A. From Tribal Chiefs to Marxist Activists: Kurdistan from 1946 to 1975 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 229-249.
126. Gunes C. Kurdish Politics across the Middle East during the 1970s // Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 250-268.
127. Gunes C. Kurdish Politics in Turkey // The Routledge Handbook on Contemporary Turkey. Routledge, 2022. P. 180-191.

128. Gunter M. Historical Dictionary of the Kurds. Rowman & Littlefield, 2018. 528 p.
129. Hale W. Turkish Foreign Policy since 1774. Routledge, 2012. 360 p.
130. Heper M. State and Kurds in Turkey: The Question of Assimilation. Palgrave Macmillan, 2008. 260 p.
131. Houston Ch.. Kurdistan. Crafting of National Selves. Indiana. 2008. 231 p.
132. Jongerden J., Akkaya A. The Kurdistan Workers Party (PKK) and Kurdish Political Parties in the 1970s // Routledge Handbook on the Kurds. Routledge, 2018. P. 270-281.
133. Jwaideh W. The Kurdish National Movement: Its Origins and Development: Syracuse University Press. 2004. 440 p.
134. Khalidi R. Sowing Crisis: The Cold War and American Dominance in the Middle East. Beacon Press, 2010. 328 p.
135. Korn D. The Last Years of Mustafa Barzani // Middle East Forum [Электронный ресурс] URL: <https://www.meforum.org/220/the-last-years-of-mustafa-barzani> (дата обращения: 26.01.2022)
136. Kurds, Arabs and Britons. The Memoir of Wallace Lyon in Iraq (1918-1944). Tauris, 2002. 238 p.
137. Liberation Movement // Encyclopedia.com [Электронный ресурс] URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/liberation-movements> (дата обращения: 30.01.2022)
138. Lortz M. Willing to Face Death: A History of Kurdish Military Forces – the Peshmerga – from the Ottoman Empire to Present-Day Iraq (PhD Thesis) // Florida State University [Электронный ресурс] URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:NowC70ODZbMJ:https://fsu.digital.flvc.org/islandora/object/fsu:175614/datastream/PDF/view+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 30.01.2022)

139. Mapping of the Arab Left: Contemporary Leftist Politics in the Arab East. RLS Regional Office Palestine, 2013. 172 p.
140. Marcus A. Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence. New York and London: New York University Press, 2007. 364 p.
141. McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris, 2004. 532 p.
142. Özcan A. Turkey's Kurds. A theoretical analysis of the PKK and Abdullah Öcalan. Taylor and Francis Group, 2006. 282 p.
143. Özgür M. The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism. Library of Modern Middle East Studies. London: I.B.Tauris & Co Ltd., 2010. 280 p.
144. Potter L. The Evolution of the Iran-Iraq Boundary // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 61-79.
145. Rafaat A. Kurdistan in Iraq: The Evolution of a Quasi-State. Routledge, 2018. 275 p.
146. Romano D. Kürt Dirilişi. Olanak, Mobilizasyon ve Kimlik. Vater, 2010. 371 p.
147. Satia P. Spies in Arabia: The Great War and the Cultural Foundations of Britain's Covert Empire in the Middle East. Oxford University Press, 2008. 473 p.
148. Shields S. Mosul Question: Economy, Identity, and Annexation // The Creation of Iraq, 1914-1921. Columbia University Press, 2004. P. 50-60.
149. Silverfarb D. Britain's Informal Empire in the Middle East: A Case Study of Iraq 1929-1941. Oxford University Press, 1986. 213 p.
150. Sluglett P. Britain in Iraq: Contriving King and Country. Columbia University Press, 2007. 296 p.

151. Smolansky O. The USSR and Iraq: The Soviet Quest for Influence. Duke University Press, 1991. 364 p.
152. Stansfield G. Iraq: People, History, Politics. Polity, 2007. 292 p.
153. Stansfield G. Iraqi Kurdistan, Political Development and Emergent Democracy. RoutledgeCurzon, 2003. 278 p.
154. Yadirgi V. De-Development in Eastern and Southeastern Anatolia // The Routledge Handbook on Contemporary Turkey. Routledge, 2022. P. 139-156.
155. Yeğen M. Kurdish Nationalism in Turkey, 1898-2018 // The Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. P. 311-332.
156. Zaman A. From Tribe to Nation: Iraqi Kurdistan on the Cusp of Statehood. Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2016. 32 p.
157. Zürcher E. Turkey: A Modern History. I.B. Tauris & Company, 2017. 485 p

д) Сообщения турецких СМИ:

158. “Akis”, 13.07.63.
159. “Akis”, 22.06.63.
160. “Akis”, 02.03.63.
161. “Akis”, 16.02.63.
162. “Akis”, 17.11.62.
163. “Akis”, 20.08.62.
164. “Akis”, 17.01.59.
165. “Akis”, 20.09.58.

е) Сообщения советских СМИ:

166. “За рубежом”, №12, 14-20.03.75.
167. “За рубежом”, №13, 27.04-02.04.70.
168. “За рубежом”, №21, 25.05.63.

169. “Заря Востока”, 11.07.63.
170. “Известия”, 15.07.67.
171. “Комсомольская правда”, 16.02.64.
172. “Правда”, 24.05.75.
173. “Правда”, 15.03.74.
174. “Правда”, 05.11.71.
175. “Правда”, 11.03.71.
176. “Правда”, 28.04.70.
177. “Правда”, 01.04.70.
178. “Правда”, 22.05.65.
179. “Правда”, 10.07.63.
180. “Правда”, 12.10.58.